

№ 6 барн. гр. в. д. Сибирск.

дѢ XXV.

ЖИВАЯ СТАРИНА.

1916 г.

Г. Н. Потанинъ.

Казакъ-киргизскія и алтайскія преданія,
легенды и сказки.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.

1917.

HOB

- 39352

- 39352

MOB
BDOCTHO



Казакъ - киргизскія и алтайскія пре- данія, легенды и сказки.

I. Казакъ-киргизскіе матеріалы.

1. Чингисъ-ханъ.

О Чингисъ-ханѣ есть у насъ, казаковъ, такое преданіе. Былъ прежде какой-то казацкій ханъ, имя котораго неизвѣстно. У него была дочь. Онъ удалилъ ее въ отдѣльное помѣщеніе и приставилъ къ ней вѣрную, надежную женскую прислугу, чтобы дочь не видала, не знала, не сообщалась ни съ однимъ мужчиной. Кромѣ прислуги она видѣла только солнце, луну и звѣзды. Дочь эта выросла. Вотъ однажды она лежала; солнечные лучи упали на нее, и она почувствовала въ тѣлѣ пріятность и забеременѣла. Объ этомъ узнала ее мать и стала спрашивать, какъ это случилось. Дочь говорила, что она невинна, что забеременѣла отъ солнечныхъ лучей. О беременности ее сказали хану, скрывать нельзя было больше. Ханъ, чтобы избавиться отъ позора, рѣшилъ посадить дочь въ окованный золотомъ сундукъ и велѣлъ пустить сундукъ въ море. Сундукъ поплылъ по морю. На берегу моря охотился богатырь торгоутскаго рода Домбаулъ со своимъ товарищемъ. Они увидѣли плавающій сундукъ и рѣшили достать его. Лодки у нихъ не было. Потому они стали стрѣлять въ сундукъ изъ бывшихъ у нихъ луковъ, стараясь ударами стрѣлъ подогнать сундукъ къ берегу. При этомъ они условились такъ раздѣлить добычу: Домбаулъ согласился взять то, что содержится внутри сундука, а его товарищъ долженъ былъ взять самый сундукъ. Наконецъ, сундукъ былъ подогнанъ къ берегу ударами стрѣлъ, и бывшую въ немъ ханскую дочь взялъ себѣ въ жены Домбаулъ. Она рассказала, что хотя и беременна, однако забеременѣла отъ солнечныхъ лучей, что мужа она не знала. Потомъ отъ нея родился ребенокъ Чинъ-кызъ-ханъ („шын-кыз-кан“), т. е. рожденный отъ истинной (непорочной) дѣвицы. Чинъ („шын“) значитъ „истинный“; кызъ—„дѣвица“. Онъ потомъ сдѣлался ханомъ, о чемъ будетъ рассказано дальше. Потомъ отъ Домбаула и ханской дочери родились еще четыре сына: Беденетай, Бѣргельтай, Тарбагатай и Таргалтай. Это тоже были ханы, потому что ихъ мать

была ханской крови. Въ настоящее время у казаковъ считаются самыми родовитыми тѣ ханы, которые ведутъ свой родъ отъ Чингисъ-хана. Тѣ же ханы, которые ведутъ свой родъ отъ сыновей Домбаула, считаются уже ниже, а тѣ, которые не могутъ довести свое происхождение до сыновей Домбаула, считаются просто самозванцами.

Когда Чингисъ подросъ, то его стали притѣснять остальные (единоутробные) братья, родившіеся отъ его матери и Домбаула. Чингисъ рѣшилъ тогда уйти и сказалъ матери, что онъ пойдетъ вверхъ по рѣкѣ и будетъ время отъ времени пускать по рѣкѣ перья. Покуда перья будутъ приплывать сверху рѣки, до тѣхъ поръ, значить, надо считать его живымъ. Чингисъ ушелъ, и послѣ того прошло много лѣтъ, перья время отъ времени все приплывали по рѣкѣ, и мать Чингиса, такимъ образомъ, знала, что онъ живъ. Казацкое населеніе, гдѣ ранѣе жилъ Чингисъ, разрослось, поднялись раздоры, и вотъ тогда рѣшено было выбрать хана. Старики стали говорить, что надо выбрать не изъ дѣтей Домбаула, а нужно выбрать Чингиса, такъ какъ онъ чистой ханской крови. Тогда двѣнадцать биевъ рѣшили отправиться на розыски Чингиса. Долго они ѣздили и разыскивали. Рѣшили отправиться вверхъ по рѣкѣ, поѣхали и наконецъ нашли на степи шалашъ, гдѣ проживалъ Чингисъ. Самого Чингиса дома не было; онъ былъ на охотѣ, а охотился онъ съ лукомъ. Чтобы узнать, какъ живетъ Чингисъ, что дѣлаетъ, рѣшено было, что одинъ бій спрячется въ шалашъ, а другіе спрячутся гдѣ-нибудь поблизости. Такъ и сдѣлали. Вотъ пріѣхалъ Чингисъ-ханъ и, сойдя съ лошади, крикнулъ: „Эй, привяжите ханскую лошадь!“ Крикнулъ и затѣмъ самъ привязалъ лошадь, такъ какъ никого не было кругомъ. Потомъ Чингисъ опять крикнулъ: „Варите хану мясо!“ и самъ началъ варить мясо. Вообще онъ самъ приказывалъ себѣ все дѣлать и называлъ себя ханомъ. Тутъ бии вышли; онъ узналъ ихъ, и они стали просить его поѣхать съ ними и сдѣлаться ханомъ. Онъ согласился, и вотъ всѣ поѣхали. Пріѣхали они на мѣсто. Мать Чингиса, чтобы избраніемъ его въ ханы не обидѣть его братьевъ, предложила сдѣлать испытаніе и избрать въ ханы того, кто повѣситъ свою стрѣлу на солнечный лучъ, проникающій въ юрту черезъ отверстіе. Такъ и порѣшили. Старшій сынъ Домбаула хотѣлъ повѣсить стрѣлу на солнечный лучъ, и стрѣла, конечно, упала. То же самое произошло и съ другими сыновьями Домбаула. Тогда взялъ стрѣлу Чингисъ и приблизилъ ее къ солнечному лучу; стрѣла повисла на немъ. Тогда стали всѣ говорить, что самъ Богъ назначаетъ Чингиса ханомъ. Такъ и выбрали его, поднявъ на коврѣ.

2. Разказы о Чингисъ-ханѣ по Чингисъ-намэ¹.

1.— У одного хана была дочь; ханъ построилъ для нея домъ по-средиѣ моря², приставилъ къ ней сорокъ дѣвушекъ и запретилъ кого-либо впускать къ ней и ее самое выпускать на свободный воздухъ, такъ что она сидѣла взаперти и въ темнотѣ, не видя свѣта, ни солнца, ни луны. Однажды она спрашиваетъ у дѣвицъ, что тамъ есть за стѣнами, за которыя имъ было разрѣшено ходить, а ей нѣтъ. Онѣ говорятъ ей, что за стѣнами находится свѣтъ. Она стала просить показать ей этотъ свѣтъ. Онѣ вывели ее изъ дома ночью, и лунный свѣтъ палъ на нее³. Она зачала. Когда ханъ узналъ о ея беременности, онъ велѣлъ сдѣлать золотую лодку съ крышкой, посадить въ нее царевну и сорокъ ея подругъ и спустить внизъ по рѣкѣ. По той же рѣкѣ внизу жилъ царевичъ Домбауль-мергенъ, изгнанный изъ своего царства; при немъ былъ товарищъ Шяба-сокуръ (вар. Шва-сокуръ), который могъ видѣть на сорокаверстномъ разстояніи. Шяба-сокуръ увидѣлъ издалека плывущую по рѣкѣ золотую лодку, сказалъ объ этомъ Домбауду и условился съ нимъ, когда лодка придетъ, раздѣлить ее: наружное ему, Шяба-сокуру, а внутреннее Домбауду. Тотъ согласился, и, когда лодка приблизилась, Домбауль спрашиваетъ: „Какъ стрѣлять? кыѣ-атаим-ма? кесе-атаим-ма?“ (То-есть выстрѣлить ли такъ, чтобъ стрѣлать только задѣлакрай лодки, или чтобъ разсѣкла ее). Шяба-сокуръ говоритъ: „Стрѣлай такъ, чтобъ стрѣла срѣзала только часть лодки“ (кыѣ-ат). Домбауль-мергенъ выстрѣлилъ, и стрѣла срѣзала только крышку лодки. Вотъ почему потомки Шяба-сокура и называются Кыятъ. Когда лодка раскрылась, увидѣли, что въ ней находится царевна съ сорока служанками. Царевна стала просить Домбауль-мергена не имѣть съ ней сношенія, пока она не родить, но онъ не согласился. Она родила ребенка, котораго назвали Тангрибергенъ (Богомъ данный)⁴; отъ него родился Чингисъ. Отъ царевны родились еще двое: Бодоньчаръ и Кагинчаръ; эти двое, когда Тангрибергенъ умеръ, стали гнать Чингиса; Чингисъ удалился въ горы; уходя, онъ сказалъ матери: „Я ухожу въ горы; тамъ я буду охотиться на птицъ, буду ощипывать ихъ и перья буду бросать въ рѣку. По плывущимъ по рѣкѣ перьямъ ты будешь знать, живъ я или мертвъ: если перья перестанутъ появляться, значить, я умеръ“. Безъ Чингиса въ народѣ начался безпорядокъ; народъ сталъ требовать, чтобы

¹ По редакціи, которую слышалъ г. Султанъ-Газинъ на р. Токрау; у Алтынъ-хана.

² По Султанъ-Газину: на средиѣ „ночного моря“, тунь денгизи.

³ По Султанъ-Газину: Онѣ открыли окно, и солнечный лучъ палъ на царевну.

⁴ По Султанъ-Газину: Дуинъ-Баянъ.

Чингиса вернули; пришли къ матери, стали спрашивать, какъ найти Чингиса. Она говоритъ: „Идите вверхъ по рѣкѣ, по которой несетъ пухъ. Онъ живетъ въ ея вершинѣ“.

Двѣнадцать биевъ, въ томъ числѣ одинъ Калдарь-бий, хромой, отправились вверхъ по рѣкѣ, нашли Чингиса, стали звать его, стали говорить, что его призываетъ мать, и въ удостовѣреніе того, что они не лгутъ, показали ему перстень, который, отправляясь, выпросили у его матери. Но Чингисъ не повѣрилъ и убѣжалъ вверхъ по горному ущелью; когда онъ вышелъ изъ ущелья, они снова обратились къ нему съ просьбой вернуться къ народу; онъ убѣжалъ въ другой разъ. Снова онъ вышелъ изъ ущелья, бии опять приступили къ нему съ просьбой, и онъ въ третій разъ бѣжалъ въ ущелье. И только послѣ третьяго раза онъ повѣрилъ и согласился ѣхать къ народу. Посадили его въ телѣгу, чтобы везти, а одиннадцать биевъ впряглись въ оглобли и повезли его на себѣ; двѣнадцатаго Калдарь-биа Чингисъ посадилъ съ собой въ телѣгу, такъ какъ онъ хромой и не въ состояніи былъ тащить телѣгу. Когда привезли телѣгу къ юртѣ ханши, бии заспорили между собой, кому изъ нихъ первому входить въ юрту, непосредственно вслѣдъ за Чингисомъ. Калдарь-бий говоритъ: „Кто долженъ войти впередъ, животное или человѣкъ? Вы везли телѣгу, слѣдовательно вы были животными, а я сидѣлъ въ телѣгѣ. Слѣдовательно я долженъ войти первымъ“. Одиннадцать биевъ принуждены были прекратить споръ, и Калдарь-бий вошелъ первымъ. Поэтому впослѣдствіи онъ всегда сидѣлъ первымъ подлѣ Чингиса. Это былъ его визирь.

Оттого, что мать Тангри-бергена, отца Чингиса, зачала отъ свѣта или луча, о Чингисѣ говорятъ: Дуин-баян-Шынгис-кан, наслѣдъ нурдан джаралган, „Дуинъ-Баянъ-Чингисъ-ханъ! твой родъ сотворенъ отъ свѣта“.

Махмудъ Чинг. Валихановъ.

2.—У Дуюнъ-Баяна были сыновья Буданьчаръ, Кагинчаръ и Салчжуть; упоминаются въ преданіяхъ братья Буденетей и Бельгутей; еще прибавляютъ имена Таганатай и Таргылтай.

Дуюнъ-Баянъ имѣлъ сыновою отъ первой жены; потомъ онъ взялъ Алангу; умирая, онъ сказалъ своей женѣ Алангу, что онъ будетъ приходить къ ней въ видѣ свѣта, а уходить въ видѣ волка. И онъ приходилъ, а уходя восклицалъ: чингисъ! чингисъ! У Алангу родился сынъ Чингисъ. Братья сказали: „Ребенокъ родился безъ отца! значить, онъ прижитъ отъ незаконнаго мужа“. Они хотѣли убить Чингиса. Чингисъ, будучи еще мальчикомъ, бѣжалъ вверхъ по рѣкѣ Курленъ. Убѣгая, онъ бросалъ въ рѣку перья, чтобъ мать знала, что онъ живъ. Народъ ненавидѣлъ братьевъ Чингиса, потому что они были жестоки, обижали народъ. Двѣнадцать биевъ съ Майкы-биемъ

во главѣ пришли со стономъ и плачемъ къ матери и стали просить ее дать имъ Чингиса. Она сказала имъ: „Идите на рѣку, что увидите!“ Они вышли къ рѣкѣ и увидѣли плывущія перья. Доложили ей. Она говоритъ: „Если рѣка несетъ перья, значитъ, онъ живъ. Поѣзжайте вверхъ по рѣкѣ, слѣдите за перьями, и вы найдете его“. Бѣи пошли пѣшкомъ. Мать сказала имъ: „Онъ будетъ ѣхать на сѣрой лошади съ соколомъ на рукѣ. Нужно только кричать: Дуюнъ!“ Бѣи прѣехали и увидѣли красиваго, какъ ангелъ (перисте), молодого человека съ соколомъ. Они закричали: Дуюнъ! Но онъ скрылся. Потомъ онъ снова показался, они опять закричали: Дуюнъ! Чингисъ снова исчезъ. Онъ въ третій разъ показался; они еще разъ закричали: Дуюнъ! На этотъ разъ онъ остановился; два раза они не могли его изловить, на третій разъ онъ сталъ съ ними разговаривать. Они стали плакать и произносили: „Дуюнъ Чингисъ“. „Кто вамъ сказалъ обо мнѣ?“ спросилъ онъ. Они говорятъ: „Твоя мать Алангу. Мы безъ хана жить не можемъ. Твои братья обижаютъ народъ“. „Я поѣду, но какъ дойду до васъ?“ спрашиваетъ Чингисъ. „Довеземъ на телѣгѣ“, говорятъ бѣи. Они построили телѣгу и посадили на телѣгу Чингиса. Майкы-бѣй былъ хромой (аксак). Онъ просилъ Чингиса: „Я буду сидѣть съ тобой въ телѣгѣ, потому что я хромой. Буду править другими бѣями, когда они будутъ везти телѣгу“. Двое, Чингисъ и Майкы-бѣй, сидѣли въ телѣгѣ, одиннадцать бѣевъ везли телѣгу. Когда привезли телѣгу къ дому Алангу, когда Чингисъ и Майкы-бѣй сошли съ телѣги, возникъ вопросъ, кому дать первенство среди бѣевъ, кто изъ нихъ долженъ войти въ двери юрты первымъ послѣ Чингиса. Обратились за разрѣшеніемъ къ Чингису. Майкы сказалъ Чингису: „Кто долженъ впереди ходить, быки ли, тащившіе телѣгу, или хозяинъ, который правилъ ими?“ Чингисъ засмѣялся и сказалъ: „Конечно, хозяинъ“. Послѣ этого Майкы-бѣй сталъ первымъ бѣемъ Чингиса.

Курлеучъ была жена Алтынъ-хана, Бортекучинъ—жена Чингисъ-хана.

Разсказъ покойнаго султана Ханъ-Ходжи (на р. Токрау), слышанный г. Султанъ-Газинымъ.

Примѣчанія къ №№ 1—2.

Къ царевнѣ приставлено сорокъ дѣвицъ; иссыкъ-кульскіе кара-киргизы считаютъ себя происходящими отъ сорока дѣвицъ, уцѣлѣвшихъ отъ избіенія (Вост. мотивы, 29); 40 дѣвицъ въ преданіи улангомскихъ хотоновъ (Очерки, II, 162).

То, что разсказываетъ казакъ-киргизское преданіе о матери Чингисъ-хана, монгольская лѣтопись относитъ къ матери Бодончара, предка Чингисъ-хана. Легендарное лицо, извѣстное одному племени подъ именемъ Чингисъ-хана, другое племя называло Бодончаромъ. Лѣтописецъ, включивъ въ свою лѣтопись разсказъ о беременной царевнѣ съ именемъ Бодончара, а не Чингиса, сдѣлалъ Бо-

дончара предкомъ Чингиса и исторію о беременной царевнѣ въ разсказѣ о Чингисѣ упразднилъ.

На мѣстѣ Домбаула въ книжныхъ памятникахъ стоитъ Добень мѣргань въ Юаньчаомиши (Труды пск. дух. миссіи, IV, 25), Добень-мергэнъ у Рашидъ-эддина (ч. II, стр. 5) и въ Алтанъ-Тобчи (стр. 4); на мѣстѣ Шява-сокура въ лѣтописяхъ Дуа-Сохоръ. Другія казакъ-киргизскія версіи: въ Очеркахъ съ Монголіи, II, 151: два брата Дондугуль-мергэнъ и Дуай-сохоръ; у Радлова (Proben, III, 80) Домдугуль-сокуръ и Тохтагуль-мергэнъ.

Сохоръ встрѣчается и въ другихъ монгольскихъ преданіяхъ: Сохоръ-ноинъ въ бурятскомъ преданіи (Зап. Вост.-Сиб. Отдѣла Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 135 и в. 2, стр. 110; Восточн. мотивы, 93, 794, 808); Одюго-хогоръ-60, „кривой шаманъ Одюго“ (Очерки, IV, 24); Дондукъ кривой или одноглазый (Дондукъ сохоръ?), совѣтникъ Шидырвана (Очерки, IV, 168).

Вмѣсто перьевъ казакъ-киргизскаго преданія въ книжномъ преданіи о Бодончарѣ—пухъ, который уносится не рѣкой, а вѣтромъ. По дюрбютскому преданію, предки-дюрбюты идутъ вверхъ по рѣкѣ и тамъ находятъ младенца, будущаго своего хана; этому младенцу дюрбютское преданіе даетъ имя Одунъ-Бадынъ, Одунъ-Одунъ, Удунтай-Бодунтай (Очерки, II, 161; IV, 229, 325, 327). Этотъ Бодунтай называется въ дюрбютскихъ преданіяхъ сыномъ неба, сыномъ Хормусты (Гурбустень-тэн-гринъ-ху), какъ и Чингисъ въ халхаскихъ. Форма Бодончаръ, значитъ, дюрбютская; халхасцы же и казакъ-киргизы усвоили форму Чингисъ. Дюрбютское преданіе активной роли рѣкѣ не придаетъ; дюрбюты услышали въверху рѣки дѣтскій крикъ, пошли и въ вершинѣ рѣки нашли дерево (Урунь-Модо) и подъ нимъ младенца; рѣка активнѣе выступаетъ въ сказкѣ о небесной дѣвѣ или дакини, волосы или перстень которой снесены рѣкой (Очерки съ Монг., IV, 240; Шиддикуръ, 12); слуги хана идутъ вверхъ по рѣкѣ и находятъ дѣвицу (въ египетскомъ романѣ о двухъ братьяхъ подлѣ дѣвицы—дерево). Въ буддійской легендѣ яблоки, плывущія по рѣкѣ и приносящія благополучіе краю, даютъ знаніе о существованіи въ вершинѣ рѣки дерева Галбырсень-модо, источника этого благополучія.

Двѣнадцать биевъ идутъ вдоль рѣки пѣшкомъ, какъ двѣнадцать пѣровъ съ Шарлеманемъ идутъ искать Гугона, какъ сорокъ каликъ русской былины идутъ въ Іерусалимъ, какъ еллинскіе старцы идутъ вдоль морского берега искать удалившагося обиженнаго Ахилла. Въ вариантѣ бии ѣдутъ, но это, надо думать, позднѣйшее искаженіе (Танг.-тиб. окр., II, 253).

Монгольское книжное сказаніе о Чингисѣ также знаетъ телѣгу. Останки Чингисъ-хана везли къ мѣсту погребенія; телѣга завязла въ пескахъ, Кэлэгутей¹-багатуръ сказалъ рѣчь, и телѣга двинулась дальше (Алтанъ-Тобчи, 30). Эти преданія о телѣгѣ Чингисъ-хана намекаютъ на то, что въ ордѣ были представленія, подобныя тѣмъ, какія на западѣ Европы были о колесницѣ Карла или Водана. Валъ Чингисъ-хана выдается нѣкоторыми преданіями за дорогу или тропу Чингисъ-хана. Въ преданіи на Оби говорится о слѣдѣ колесницы Чингисъ-хана.

О троекратномъ укрывательствѣ Чингисъ-хана см. Восточн. мотивы, 514.

3. Алаша-ханъ.

Давнымъ давно у одного хана родился необыкновенный сынъ; онъ былъ полосатый (ала). Хану стыдно было имѣть такого сына, и онъ велѣлъ отвезти его куда-нибудь далеко. Вельможи исполнили

¹ „Хромой“ по-монгольски кельтегей.

его приказаніе. Ребенка нашла въ степи какая-то старуха, собиравшая тезекъ¹, и стала его воспитывать. Пока ребенокъ росъ, — благодаря его святости, старуха разбогатѣла. Ставъ юношей, найденышъ отличался красотой и ловкостью, искусствомъ ѣздить верхомъ, силой и особеннымъ умомъ. Молва о немъ быстро распространилась по степи и дошла до отца - хана, который догадался, что это—его сынъ. Тогда онъ пожелалъ возвратить сына въ свой домъ и послалъ за нимъ сто человекъ, чтобъ привести его. Когда посланные увидѣли юношу, они такъ были поражены его достоинствами, что не захотѣли болѣе вернуться домой и остались у него. Черезъ годъ ханъ опять отправилъ сто человекъ, которые сдѣлали то же самое, что и первые. Наконецъ, ханъ посылаетъ третью сотню. И эти не вернулись. Триста человекъ подняли юношу ханомъ² и прозвали его Алаша-ханомъ отъ слова алá, „полосатый“. Алаша-ханъ размѣстилъ этихъ людей по степи; потомки ихъ образовали три сотни (джюз) казацкаго народа. Отсюда уранъ³ всѣхъ казаковъ Алаша, сокращенное отъ Алаша. У казаковъ есть поговорка: казакъ казакъ болганнан, алаша кан болганнан, мундай кылык болган имес алаштың баласы—„сѣ тѣхъ поръ какъ казаки стали казаками и Алаша сталъ ханомъ, такъ не поступали потомки Алаша“.

Султанъ Газинъ (р. Токрау).

Казакъ-киргизскія преданія объ Алаша-ханѣ записаны Левшинымъ (Описание киргизъ-кайсацк. ордъ и степей, Спб. 1832, стр. 24; всего приведено пять вариантовъ, въ томъ числѣ одинъ, записанный Рычковымъ; семь сыновей младшей жены хана Кундугура, обиженные старшими, удалились въ степь и здѣсь соединились съ 33 другими изгнанниками; отсюда произошли кыркъ-казакъ, „сорокъ казаковъ“); см. также Потанинъ, Очерки, II, 148; IV, 368 и 896.

Въ баянъ-аульскомъ вариантѣ (Очерки сз. Монг., IV, 368) ханскій сынъ высланъ въ степь во время проказы, признаки которой появились и на царевичѣ. Ср. съ славянскимъ сказаніемъ о Навуходносорѣ, который былъ во время проказы ребенкомъ выброшенъ въ поле (А. Веселовскій, Повѣсть о Вавил. царствѣ въ Слав. Сборникѣ, III, стр. 125; И. Ждановъ, Русск. былев. эпосъ, 39). Три сотни въ баянъ-аульскомъ вариантѣ даются царевичу, когда его отсылаютъ въ степь: одна сотня—отцомъ, одна—матерью и одна—бабушкой. Въ русской былинѣ, когда Иванъ Годиновичъ отправляется изъ Кіева въ Черниговъ за невѣстой, ему даютъ товарищей: князь Владимиръ—сто, княгиня—сто; третья сотня составляется изъ его собственныхъ людей (Кирша Даниловъ, Древн. росс. стихотв., изд. Суворина, стр. 113). Старуха, которая нашла ребенка въ степи и стала воспитывать, разбогатѣла отъ одного присутствія ребенка. Очевидно, ребенокъ былъ одаренъ свойствомъ, приписываемымъ народнымъ вѣрованіемъ въ ордѣ такъ называемымъ по-монгольски онгонамъ, которые бываютъ неодушевленные и одушевленные.

¹ Тезекъ, татарск. кизякъ, конскій пометъ, собираемый какъ топливо.

² Т. е. посадили на войлокъ и подняли на воздухъ въ знакъ избранія ханомъ.

³ Родовой кличъ.

4. Причина происхожденія казакъ-киргизовъ ¹.

Корень этихъ нашихъ казаковъ отъ турковъ (түрклер) монгольскаго знака (могол сямбюли ²) и мусульманской вѣры, узскаго рода (ууз), войлочнюрточныя изъ трехъ уокскихъ племенъ ³. Послѣ того были народомъ то кочующимъ, то осѣдавшимъ (конгар). Во времена пророка Мухаммеда наши предки Акашѣ, сынъ Назира и Анесъ, сынъ Малика, также Ахтамъ-софы и Имамъ-баиръ были приверженцами пророка. Происшедшіе отъ нихъ потомки, размножившись во время потомка Абубекрова Кабабы, назвались „Узбеками съ тридцатью двумя веревками“ (отуз эки баулы узбек, т. е. съ 32 вѣтвями). Самый старшій былъ „Тысяча“, Мингъ; второй—„Сто“, Джузъ; отъ трехъ сыновей этого Джюза произошли наши казаки.

Разсказываютъ, въ странѣ сорокасаннаго ⁴ Крыма (кырк сан Крым), во время бытія тамъ сорока хановъ, десяти сановъ Уймаутовъ и девяти сановъ Торгоутовъ, во время Куба ⁵-калмаковъ и Черныхъ калмаковъ (Кара-калмак),—въ то время какъ десять сановъ (он сан) погайцевъ, т. е. народа Урманбета, жили въ степяхъ (сакра) Дештъ-Кипчакъ, примѣрно въ 780 или 790 годахъ отъ гиджры,—въ окрестностяхъ Туркестана изъ родовъ тридцати двухъ веревочныхъ узбековъ небольшая турецкая община кочевала. Сынъ одного изъ хановъ сорокасаннаго Крыма во время рожденія отъ матери полосатымъ будучи, ханъ отецъ, вслѣдствіе зависти старшей жены, послушавъ ея, когда она сказала: „Полосатый твой сынъ сдѣлаетъ народъ твой полосатымъ“, велѣлъ отвезти его за Сыръ-Дарью. Этотъ сынъ въ этихъ степяхъ среди народа Урманбета, среди десятисанныхъ погайцевъ, живя, выросъ. Будучи молодцомъ, былъ очень искусный въ стрѣльбѣ и владѣннй шашкой, въ верховой ѣздѣ, имѣлъ большую физическую силу. Въ свое время былъ подобенъ Рустемъ-дастану. Объ немъ слава распространилась повсюду; объ ней услышалъ отецъ; узналъ, что это—его сынъ. Видя такое его достоинство, не вытерпѣлъ, чтобы не достать его. Въ то время изъ турецкихъ племенъ изъ Ушъ-уоковскихъ (ўш уок) родовъ пятьсотъ или шестьсотъ юртъ въ кочующей общинѣ были бая: Котанъ-бай и Майкы-бий. Ханъ вызвалъ этихъ двухъ баевъ и посовѣтовался съ ними относительно разысканія

¹ Этотъ номеръ доставленъ мнѣ въ рукописи; включая эту рукопись въ свое собраніе, я оставилъ заголовокъ безъ измѣненія.

² Сямбе „пика“, „оружіе“; могол сямбюли съ монгольской пикой, монголоничныя; сямбюль „знакъ“. Чингисъ раздавалъ бекамъ ураны, тамги, кольчуги, саутъ и знаки, сямбюль.

³ Племя тайфа.

⁴ Санъ число свыше тысячи и болѣе десяти тысячъ.

⁵ Куба „сѣрый“.

царевича; тогда послали старшаго сына Котанъ-баева Юсунъ-батыря со ста джигитами, сказавъ: „Ступай, завлекая, приведи ханскаго сына“. Тогда Юсунъ-батырь съ товарищами, прибывъ за Сырь-дарью къ ханскому сыну, увидѣлъ его, сошелся съ нимъ; стали друзьями; имъ жалко было разстаться съ Сары-арка (желтой, благодатной степью), съ кумысомъ и другими удовольствіями. Не желая пріѣхать къ такому отцу, который бросилъ сына, они остались. Когда прошло еще три года, ханъ опять вызвалъ Майкы-бія для совѣта; теперь посылаетъ Булатъ-мурзу, второга сына Котанъ-баева со ста джигитами, чтобы онъ привлекъ сына хана и своего брата Юсунъ-батыря. Прибывъ туда, Булатъ-мурза остался тамъ вмѣстѣ съ ханскимъ сыномъ и братомъ Юсунъ-батыремъ. Когда другіе совершали барамту, то Булатъ-мурза не получалъ ничего отъ барамты, не наживался. Другіе поэтому называли его Булатъ-ходжа, „благочестивый Булатъ“. Послѣ того какъ еще прошло три года, ханъ самъ пріѣхалъ къ Котанъ-баю и Майкы-бію; посовѣтовавшись, послалъ еще сто человекъ съ Альчинъ-мурзой во главѣ. Эти сто человекъ, перейдя Сырь, соединились съ Юсунъ-батыремъ и Булатъ-ходжой и остались тамъ же. Всѣ, будучи холостяками, часто производили барамту. Другіе народы называли ихъ казакъами. Слово Казакъ не есть имя человека; это прозваніе народа. По-персидски въ книгѣ Гаясульфатъ слово „казакъ“ значитъ „гонимый лошадь“. Въ древнемъ языкѣ ногайцевъ казакъ значило „холостой“, „безродный“, въ древнемъ турецкомъ значило „свободный“, „вольный“.

Въ то время въ степи Арка былъ народъ ногайскаго бія Урман-бета. Наши казаки много стѣсняли ногайцевъ, уводили женщинъ, потому „ногаи“ (татары) до сихъ поръ казаковъ ненавидятъ. Извѣстно, что ногайскаго хана Токтамыша убилъ нашъ казацкій батырь Эдиге и ограбилъ его народъ.

Эдиге диген эрь еді
Эрьдің камын джеръ еді
Эль четне джау кельсе
Мень джабаин деръ еді.

„Эдиге былъ витязь; онъ заботился о витязяхъ; когда вступали въ предѣлы народа враги, онъ всегда говорилъ: Я отражу (ихъ)“.

Всѣ триста человекъ, соединившись, по размноженіи, посовѣтовались: давай, одного изъ насъ выберемъ военачальникомъ, одного — ханомъ; положили уранъ. Тогда первую сотню людей, пришедшую съ Юсунъ-батыремъ, назвавъ Уду-джузъ (Большая орда), расположили по рѣкѣ Сырь; послѣднюю, прибывшую съ Альчинъ-мурзой, назвавъ Киши-джузъ (Малая орда), расположили по низовьямъ той же рѣки; вторую сотню съ Булатъ-ходжой расположили въ серединѣ и назвали Орта-джузъ (Средняя орда). Разостлавъ бѣлый войлокъ, устроивъ

полосатую постель (алаша тусёк), прежняго (баягы) полосатаго сына подняли ханомъ и назвали его Алашой. Говоря: Мы соединились изъ разныхъ мѣстъ были народомъ, положили уранъ: Алашь! Вотъ отсюда казаки получили дѣленіе на три сотни: Уду-джузъ, Орта-джузъ и Киши-джузъ (Большая, Средняя и Малая сотня) и получили названіе Казакъ.

Изъ потомковъ этихъ трехъ джузовъ нѣкоторые размножились, стали народами, другіе были перебиты въ битвахъ, такъ что отъ многихъ потомства не осталось. Въ Большой сотнѣ потомство осталось отъ Юсуна, въ Средней—отъ Булатъ-ходжи, въ Малой—отъ Альчиинъ. Остальные: Кара-капакъ, Кыргызъ (Кара-киргизы), Кызыль-аякъ бѣглецы и проходимцы были.

Отъ Булатъ-ходжи два сына: Акъ-ходжа и Кара-ходжа. Отъ Акъ-ходжи родились: Кыпчакъ, Конградъ; отъ Кара-ходжи: Аргынъ, Найманъ. Отъ Аргына—Мійрямъ-софы отъ старшей жены по имени Аркүль; отъ младшей Момынъ—Акъ-софы, Сары-софы, Кара-софы. Отъ жены, на которой онъ женился, когда ему было сто лѣтъ, родился только одинъ Тянбисъ-софы. Его потомки Эки-чекти-аргынъ¹ находятся въ оренбургской степи. Сыновья Акъ-софы есть Канджыгалы съ ураномъ Толубай, Тобукты; Тобукты (потомки двухъ отцовъ) дѣлится на двѣ линіи. Сыновья² Кара-софы: потомки двухъ отцовъ Карауль и Басень-тинъ. Потомки Сары-софы: дѣти двѣнадцати отцовъ Даудъ Атагай. Эти три софы—дѣти младшей жены (токал) Момынъ. Дѣти ихъ: Канджыгалы, Тобукты, Карауль, Басень-тинъ, Атагай.

Кирей и Уаки были захребетниками младшей жены, Момынъ (Момын токалнынъ кермеси³). Она женила ихъ и дала имъ наслѣдство, инчи. Отсюда они⁴ называются Джети-Момынъ (семь народовъ). Этихъ Киреевъ и Уаковъ можно причислить къ семи родамъ, прибывшимъ отъ вѣтра, джилъ. Случайно прибыло семь джигитовъ изъ народа Гасанъ-кайгы, изъ мѣстности Джійдели-Байшынъ; ихъ раздѣлили три сотни между собой: Кирей и Уака получила Средняя сотня, Табына и Тлева Малая сотня, Канглы и Шаншклы Большая сотня получила; родъ Тама остался. Тогда условились три сотни устроить скачки. Чья лошадь придетъ первою, пусть получитъ Таму. Первой пришла саврасая съ лысиной лошадь Малой сотни, которая и получила Таму. Поэтому таминцевъ называютъ кула-гаска, „саврасолысы“.

Аргынъ, Найманъ—двѣ вѣтви, арысъ (собственно „оглобля“); Кыпчакъ, Конградъ—двѣ вѣтви. Это—четыре вѣтви Средней сотни. Кирей Уакъ—влазники, керме; Таракты—племянникъ Средней сотни, родившійся отъ дѣвicy (племянникъ по женской линіи). Отсюда Средняя сотня имѣетъ семь вѣтвей.

¹ Эки—„два“; чек—балалаечная струна, вѣтвь.

² Бала—„сыновья“, „дѣти“; здѣсь вѣрнѣе потомки.

³ Керме—входимцы, влази.

⁴ Канджыгалы, Тобукты, Карауль, Басень-тинъ, Атагай, Кирей и Уакъ.

Старшей сотни юсуновцы: Абакъ, Таракъ, Джалаиръ, Калча, Чапрашты, Дулатъ, Канлы, Шаншкы, Сергели, Ошякты, Обанъ, Суанъ, Исти, Уокъ, Тулекъ, Кара-гойлы, Акъ-гойлы, Ульконъ-Сеитъ, Кши-Сеитъ.

Малой сотни альчиновцы: Альчинъ, Джапастъ, Адай, Беришъ, Назиръ, Чуленъ, Джагай-байлы, Кердери, Киреитъ, Тама, Табынъ, Тлеу.

Средней сотни Аргынъ, Найманъ, Конгратъ, Кыпчакъ, Кирей, Уакъ, Таракты, Атагай, Караулъ, Басенъ-тинъ, Канджыгалы, Тобукты, Шарыштымъ, Шакшакъ, Тулекъ, Куандыкъ, Сюндикъ, Бегендикъ, Чегендикъ, Кара-гисекъ.

Дѣти Мйрямъ-софы: Куандыкъ, Сюндикъ, Бегендикъ, Чегендикъ, Кара-гисекъ. Дѣти Куандыка: Исенъ-картъ, Алтай, Карпыкъ, Боорчи, Темишъ. Дѣти Исенъ-карта: Агысъ, Калкаманъ. Дѣти Алтая: Алысай, Нур-бай, Моюнъ, Кенджи-гара. Канджыгалы родился отъ Байбике, дочери Писпекъ-бая. Алике, Байдалы, Сайдалы родились отъ младшей жены Карпыка по имени Акъ-коянъ-токаль. Теньбалы, Тока и Мамбетъ—дѣти Моюна. Каръеке, Муратъ, Арал-бай, Сарман-тай, Итболды, Бай-болды...¹ Дѣти Сюндика: Уразъ-гельди, Согунчи, родные сыновья; двое внуковъ: Шѣмонакъ, Маджикъ. Говорятъ, что уранъ этихъ четырехъ былъ Тѣртоуль. Дѣти Шѣмонака: Джанболды, Кыл-болды, Урманчи. Дѣти Маджика: Малай, Джадыгеръ. Дѣти Кыл-болды: Тулшаръ, Кулекъ, Ай-дабуль, Акъ-бура, Майлытонъ, Чегеръ. Дѣти Малая: Катке, Тяни-бекъ, Джани-бекъ, Касым-бекъ, Джаннъ. Дѣти Джадыгера: Косанъ, Токѣ, Сары, Ауекъ. Дѣти Бегендика и Чегендика: Козганъ, Капсалъ, Тенгиръ-берди, Сарыкъ. Его дѣти: Исъ-Назаръ, Бай-Назаръ, Козбагъ, Чолакъ, Уразъ, Малкаръ, Аю, Кожанъ-берди, Токтамысъ, Калмак-ша, Сары-гызъ.

Дѣти Аргына:

Мйрямъ-софы: Куандыкъ, Сюндикъ—отъ первой жены; Бегендикъ, Чегендикъ—отъ младшей. Кара-гисекъ родился отъ рабыни, самый младшій. Вотъ пять сыновей Мйряма.

Акъ-софы: Канджыгалы, Тобукты съ ураномъ „Толубай“.

Кара-софы: Басенъ-тинъ, Караулъ съ ураномъ „Барлыбай“.

Сары-софы: Атагай, Асанъ-Амынъ.

Тянбисъ-софы: Шарыштымъ, Шакшакъ и Эки-чекти-аргынъ.

Отецъ Аргына—Кара-ходжа; его отецъ—Булатъ-ходжа; его отецъ—Котанъ-бай; отецъ его—Науанъ; отецъ его—Кауанъ; его отецъ—Келембетъ-софы; его отецъ—Джузъ, „Сто“; его отецъ происходитъ отъ Узбековъ. Затѣмъ доходитъ до Акашѣ, послѣдователя пророка.

¹ Имена другихъ рассказчикъ забылъ.

Сынъ Уразъ-гельди—Кар'джасъ; его (Караджаса) дѣти: Бегимъ, Кулеке, Алтынъ - Тору. Дѣти Кулеке: Оюнъ, Тенели; сынъ Тенели—Анай; его сынъ—Мурза-гуль; дѣти его: Акъ-мурза, Джанъ-мурза, Бай-мурза, Сатыб-алды, Тяты; его дѣти: Бай-кси, Кочекъ; сынъ его—Чорманъ; его дѣти: Муса-мурза, Мустафа, Иса, Аучжанъ. Сынъ Бай-кси—Урда-бай; его сынъ—Маканъ. Сынъ Акъ-мурзы—Азна-бай; его дѣти: Тайджанъ, Сайтень; дѣти Сатыб-алды: Дулатъ, Конусъ, Мамбетъ, Джан-сары, Танатъ; дѣти его: Атам-бекъ, Батыр-бекъ, Тау-асаръ. Дѣти Батыр-бека: Джанлысъ, Оту; его дѣти: Найза-бекъ, Кельди-бекъ и Ермекъ. Дѣти Тау-асара: Коске, Косагаль; его сынъ—Коджа-бергенъ; его дѣти: Кунем-бай, Бурам-бай. Сынъ Кунем-бая—Сексен-бай. Дѣти Бурам-бая: Тантакай, Мокушь, Сеить; его сынъ—Джуманъ. Дѣти Джанлыса: Джан-бай, Джылк-айдаръ. Дѣти Джан-бая: Конды, Шѳмбы. Дѣти Джылк-айдара: Асы-бай и друг. Сынъ Найза-бека—Уку-бай; его дѣти: Ашекенъ, Берътысъ. Дѣти Ермека: Куандыкъ, Эрке-буланъ. Дѣти Куандыга: Кудай-бергенъ, Турду-бекъ, Берди-бекъ. Дѣти Эрке-булана: Джан-темиръ, Абегеръ, Сыздыкъ. Дѣти Кудай-бергена: Эр-джанъ, Абраимъ, Раим-бекъ, Няс-пекъ; эти четверо—отъ первой жены; Джусюбекъ, Саныр-бекъ—отъ второй жены и Ахметъ. Дѣти Турду-бека: Асылтай и Асыл-бекъ.

Канджыгалы—отъ шести родоначальниковъ: Аджи-бай—потомки семи родоначальниковъ; Хамбаръ, Джаппаръ—отъ четырехъ родоначальниковъ. Потомки шести родоначальниковъ аджи-баевцевъ: Кудеяръ, Кара, Сары, Кудай-берди, Кара-боджѳръ, Тентекъ.

Клытчаровцевъ—семь родовъ: Кос-кельди, Эсеркепъ, Ниясъ, Койсары; есть еще три.

Хамбаръ - Джаппаръ—дѣти четырехъ родоначальниковъ: Базаръ-гельди, Баспанъ, Утемисъ, Мамбетъ, Ирели, Кожюмъ. Ирели—сынъ Сак-кулака; его предокъ—Бапанъ-би; его отецъ—Троналы; его отецъ—Богун-бай; его отецъ—Альде-гунъ.

Караулъ, Атки, Джауаръ, Коченъ, Мунтекъ, Сары, Исен-бай, Карашъ, Булеке, Картъ...

Дѣти Кара-гисека: Майкы, Танасъ, Камбаръ, Бошанъ; дѣти Камбара: Карсѳнъ, Кириной, Коянышъ, Тагай, Кара-чѳръ, Кудай-берди...

Дѣти Карсѳна: Альтеке, Сарымъ. Дѣти Кояныша: Шюбуртбалы, Токтаулъ. Дѣти Альтеке-Сарыма: Ай-бике, Нур-бике; дѣти Шюбуртбалы: Кызыль-гуртъ. Дѣти Токтаула: Балапанъ, Бодене, Санджаръ. Джалык-пасъ, происшедшій отъ вѣтра, говорятъ, не имѣетъ отца.

Уранъ веѳхъ киргизовъ: Алашь.

Уранъ Юсуновъ—Бахтияръ, позднѳйшій Акъ-Чапдаръ. Уранъ Альчиновъ—Алдияръ, уранъ Средней сотни—Аргынъ. Уранъ аргыновцевъ—Акъ-Джолъ; уранъ Наймановъ—Каптагай, кыпчаковъ—Уйбасъ, кирей-уаковцевъ—Бурю-бай, карауловцевъ—Каракай, атагаевцевъ—Уш-

най (Ошпай), басентиновцевъ—Барлы-бай, канджыгалинцевъ—Толубай, сюндиковцевъ—Тёртоуль, каракисековъ—Каркабать.

У султановъ уранъ—Аблай-Букей; старинный уранъ султановъ—Аркаръ.

5. Поколѣнія казакъ-киргизскаго народа.

Около 780 г., нѣкоторые же говорятъ—около 790 г. по мусульманскому лѣтосчисленію (т. е. около 1362 г. по христіанскому), казакское населеніе, состоявшее изъ 500 или 600 юртовладѣльцевъ, кочевало подъ управленіемъ туркестанскаго хана, имя котораго неизвѣстно.

Отъ первой жены этого хана не было дѣтей; поэтому онъ женился на взятой въ плѣнъ на войнѣ дѣвицѣ-красавицѣ, отъ которой родился одинъ сынъ съ отличительнымъ признакомъ ала, что въ переводѣ значить „пѣгій“.

Байбиче, старшая жена хана, позавидовавъ младшей, сказала хану, что лучше бы избавиться отъ этого „пѣгаго“ ребенка, иначе онъ, по достиженіи совершеннолѣтняго возраста, взбунтуетъ его ханство. Ханъ повѣрилъ ей и отдалъ приказъ отвезти ребенка въ такое мѣсто, куда не доходятъ его повелѣнія, и тамъ оставить. Согласно приказу хана ребенокъ былъ увезенъ за рѣку Сыръ-дарью и тамъ оставленъ въ степи, во владѣніяхъ народа Кара-ногай. Тамъ этого ребенка нашелъ одинъ бѣдный человекъ и воспиталъ какъ сына. Ребенокъ, достигши юнаго возраста, началъ заниматься всякими упражненіями, собиралъ къ себѣ джигитовъ, охотился съ ними, пуская собакъ за звѣрями, истребляя птицъ ястребами и соколами, и скакалъ на лошадахъ. Слава о всѣхъ его подвигахъ стала извѣстна разнымъ народамъ и даже дошла до его родного отца. Отецъ, узнавъ, гдѣ находится его сынъ, прибылъ со своей свитой къ богачу своего народа Котану и къ бію Майкы, чтобы обсудить, какъ бы разыскать сына и возвратить его къ народу. Котанъ-бай и Майкы-бий дали совѣтъ хану не ѣздить самому, а послать людей. Ханъ послушалъ ихъ. Котанъ имѣлъ трехъ сыновей; старшаго звали Уйсунъ, средняго Булатъ и младшаго Алчинъ.

Разыскивать ханскаго сына послали Уйсуну въ сопровожденіи ста человекъ. Уйсунъ-батырь, переѣхавъ черезъ рѣку Сыръ-Дарью нашелъ ханскаго сына. Послѣ того какъ его джигиты и онъ самъ сдружились съ компаніей ханскаго сына, они уже не могли разстаться и остались тамъ. Черезъ два года послѣ этого ханъ опять является къ Котанъ-баю и говоритъ: „Уѣхавшіе для розыска люди не пріѣхали. Что будемъ дѣлать?“ Котанъ послалъ втораго своего сына Булата въ сопровожденіи ста человекъ, но и онъ остался



тамъ же со своими людьми. На слѣдующій годъ послѣ этого ханъ опять прїѣзжаетъ къ Котану. И хану и Котану хочется возвратить своихъ сыновей; поэтому, дѣлать нечего, Котанъ посылаетъ младшаго сына Алчина въ сопровожденіи ста человѣкъ, но и этотъ послѣдній остался тамъ.

Почувствовавъ себя многочисленными, эти люди стали дѣйствовать рѣшительно, угоняли лошадей изъ разныхъ мѣстъ, захватывали и уводили ногайскихъ дѣвицъ, такъ что ногаи поневолѣ должны были оставить свои мѣста и уйти куда-то. Вслѣдствіе этого-то ногаи и питаютъ враждебное чувство къ казакамъ. По преданію извѣстно, что ногайскаго хана Токтамыша убилъ казацкій батырь Эдиге и грабежомъ разбилъ его народъ; отъ этого времени осталась поговорка: Едиге деген эр экен, эльдинг камын жер экен, эль четине жау кельсе, менъ бараин дер экен, что значить: „Эдиге былъ храбрый человѣкъ, заботился о своемъ народѣ, и если начнетъ угрожать народу непріятельское нашествіе: —Я иду! говорилъ онъ“ (и торопился навстрѣчу). Могила его находится въ горахъ Уду-тау и всѣмъ извѣстна.

Триста человѣкъ, собравшись, сдѣлали между собой уговоръ—избрать изъ своей среды кого ханомъ, кого предводителемъ войска. Перваго прибывшаго Уйсуну-батыря со ста человѣками поселили вверхъ по теченію рѣки; второго Булата со ста человѣками джигитами поселили ниже Уйсуну посрединѣ той же рѣки; третьяго Алчина-мурау также со ста человѣками—ниже первыхъ двухъ у нижней оконечности рѣки.

Затѣмъ, разостлавъ бѣлыя кошмы и алачѣ, посадили на нихъ того мальчика и подняли вверхъ, какъ хана, давъ ему имя Алача-ханъ. Въ народѣ (они) славятся „Алачѣ“, а потому все казацкое населеніе считается происходящимъ отъ этихъ трехъ Алачевъ. Несвѣдомленные же люди говорятъ, что казаки происходятъ отъ трехъ Кельмембетевцевъ; это все равно, что отъ трехъ Алачевъ, потому что Кельмембетъ есть не имя, а прозвище.

Потому-то казаки и названы дѣтьми Учъ-юз'я (дѣтьми трехъ сотенъ).

Памятникъ Алача-хану понынѣ стоитъ въ Ауліе-ата.

Стану теперь перечислять дѣтей Учъ-юз'я (дѣтей трехъ ордъ).

Уду-юзъ (Большая орда) Уйсунъ; родъ этотъ расположенъ въ Семирѣченской области около Пишпека, Токмака и въ туркестанскомъ краѣ. Въ этой ордѣ есть пришельцы, керме: Канлы и Чаншклы; они тоже вмѣстѣ съ другими сообщами называются Уйсунами.

Кши-юзъ (Малая орда): Джаббасъ, Алимъ-Чоменъ; среди нихъ есть керме, пришельцы: Тама, Табинъ, Телеу, Рамаданъ и Джагалбайлы. Всѣ они называются Кши-юз'емъ (Малой ордой). Большая часть этой орды, Джаббасъ и Джагалбайлы, находится въ оренбург-

ской степи. Остальная часть, три волости—Тама, Алчинъ и Джагалбайлы, кочуетъ въ Акмолинскомъ уѣздѣ. Одна волость таминцевъ находится въ Туркестанѣ.

Перечислю теперь Орта-юзъ (Среднюю орду). Сыновья Булата: Акъ-кожа и Кара-кожа. Сыновья Акъ-кожи: Найманъ и Конгратъ. Конгратовцы находятся въ Туркестанскомъ округѣ и въ горахъ Каратау. Найманцы расположены въ Семирѣченской области и въ Усть-каменогорскомъ уѣздѣ. Есть еще Кызай-Найманъ и Садыръ-Найманъ: часть ихъ есть въ Китаѣ. И еще пять волостей Баганалы-Найманъ числятся въ Атбасарскомъ уѣздѣ. Сыновья Кара-кожи: Аргынъ и Кыпчакъ. Кыпчакъцы есть около Кокана, Ташкента, Туркестана, Перовска, на Тургаѣ, въ оренбургской степи и двѣ волости въ Акмолинскомъ уѣздѣ.

Роды Керей и Уакъ — пришельцы Средней орды; пришельцами они считаются потому, что въ то время, когда люди трехъ сотенъ, учъ-юзъ, образовали изъ себя три отдѣльныхъ племени, былъ нѣкто по имени Асанъ-кайгы изъ потомковъ Хасень-хана. Этотъ Асанъ-кайгы, желая переселиться въ край, гдѣ не бываетъ зимы, развѣдывалъ о земляхъ и, перебравшись въ Джйдели-Байсынъ, мѣстность за Бухарой, остался тамъ и послалъ семь человекъ къ народу трехъ сотенъ (учъ-юзъ) пригласить ихъ (прикочевать); но три эля не имѣли возможности переселиться къ Асанъ-кайгѣ на Джйдели-Байсынъ по причинѣ бывшей у нихъ тогда войны съ неприятелями. Вслѣдствіе этого они этихъ семь человекъ оставили у себя, распредѣливъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Канлы и Чаншкы взяли Уйсунъ, Керей и Уака взяли Орта-юзъ, Табына и Телеу взяли Кши-юзъ, а седьмой человекъ Тама остался никѣмъ не взятымъ. Тогда сдѣлали такое условіе: пустить бѣгунцовъ отъ всѣхъ трехъ юз'ей и чей бѣгунецъ прибѣжитъ впередъ — тому взять спорнаго Таму. Первымъ прибѣжалъ бѣгунецъ саврасолюсой масти, принадлежавшій Младшей ордѣ (Кши-юзъ), и Кши-юзъ взялъ Таму. Потомки этихъ семи посланцовъ получили у казаковъ названіе Джети-руу, что значитъ „семь родовъ“. Пришелецъ Керей, доставшійся народу Орта-юзъ (Средней ордѣ), составляетъ двѣ волости въ Акмолинскомъ уѣздѣ; есть и въ Омскомъ уѣздѣ и немного въ Кокчетавскомъ уѣздѣ. Уакъ, небольшой числомъ, не образуетъ самостоятельной волости; уаки живутъ въ разныхъ мѣстахъ.

Далѣе перечислю Аргыновъ. Аргынъ имѣлъ пять сыновей. Отъ старшей жены были: Мйрямъ-Сопы и Момунъ; отъ младшей жены: Акъ-Сопы, Кара-Сопы и Сары-Сопы; отъ третьей жены, взятой Аргыномъ подъ старость лѣтъ, былъ еще сынъ Тенбисъ-Сопы; этотъ послѣдній имѣлъ сыновей: Чекти, Шаръ-Джетимъ и Чакчакъ. Сынъ Чакчака былъ ханъ Джани-бекъ, славившійся во времена Аблай-хана.

Сыновья Акъ-Сопы: Тобукты и Канджыгалы. Сыновья Кара-Сопы: Караулъ и Басенъ-тинъ. Караульцы живутъ въ Петропавловскомъ, Кок-

четавскомъ и Атбасарскомъ уѣздахъ и немного въ Омскомъ; басен-тинцы — въ Павлодарскомъ. Тобуктинцы причислены къ Каркаралинскому уѣзду, а канджыгалинцы, двѣ волости, къ Акмолинскому.

Таракты родился отъ дѣвицы, сестры Аргына. Одна волость тарактинцевъ числится въ Акмолинскомъ уѣздѣ и немного въ Атбасарскомъ.

Сыновья Мійрямъ-Сопы отъ старшей жены: Куандыкъ и Сююндикъ; отъ второй жены: Бегендикъ и Чегендикъ. Отъ Чегендика — сынъ Козганъ и отъ Бегендика — Каксаль. Эти послѣдніе, т. е. Козганъ и Каксаль — въ Атбасарскомъ и Павлодарскомъ уѣздахъ. Отъ жены, доставшейся Мійряму - Сопѣ по смерти брата, родились Чубуртпалы и Токтауль. Токтаульцы, число которыхъ невелико, живутъ въ Атбасарскомъ у. Чубуртпалинцы, не составляющіе цѣлой волости, живутъ въ Каркаралинскомъ уѣздѣ; есть немного и въ другихъ мѣстахъ.

Отъ рабыни, вышедшей за Мійряма, родился Кара-кисекъ; кара-кисекинцы составляютъ почти цѣлый уѣздъ.

Перехожу къ Сююндикю. Отъ Сююндика родились Ураз-кельди и Сугунушъ. Отъ Ураз-кельди большого потомства не было. Отъ Сугунуша происходитъ весь Сююндикскій родъ. Отъ Сугунуша родились Мажикъ и Чуманакъ, отъ Чуманака — Кул-болды, Джан-болды и Орманча. Отъ Кул-болды родились Ай-дабуль, Акъ-бура, Тулпаръ, Майлы-тонъ и Чегиръ. Отъ Ай-дабула родился Джан-козы. Отъ Джан-козы — Елеманъ, отъ него — Турсун-бай, отъ Турсун-бая — Боштай, а отъ него — Хусайнъ. Отъ Джан-болды особеннаго роста нѣтъ, всего не больше цѣлаго старшинства¹. Всѣ они живутъ въ Павлодарскомъ уѣздѣ.

Теперь перейдемъ къ Мажикю. Отъ Мажика родились: Малай и Джадыгеръ. Отъ Малай родился Тни-бекъ, отъ Тни-бека — Айт-хожа, отъ него — Джаугашъ, отъ Джаугаша — Орун-бай, отъ него — Джан-айдаръ, отъ него — Мейрамъ. Всѣ они живутъ въ Атбасарскомъ у., составляя двѣ волости. Отъ Джадыгера родились Косанъ и Тюке; отъ нихъ происходятъ четыре старшинства въ Нуринской волости Акмолинскаго уѣзда.

Теперь перейдемъ къ Куандыку. Отъ Куандыка родилось шестеро дѣтей по имени: Есень, Картъ, Алтай, Карпыкъ, Борши и Темешъ. Отъ Есения происходятъ агысевцы, отъ Карта калкамановцы, отъ Алтая происходятъ шесть волостей Алтаевского рода, изъ которыхъ пять — въ Акмолинскомъ у. и одна — въ Атбасарскомъ у. Отъ Борши происходятъ два старшинства. Отъ Темеша родились Кошкоръ, Джумакъ и Балтаръ. Отъ Балтара родились Джошы, Джадыгеръ и Бори; отъ этихъ трехъ происходитъ цѣлое старшинство; у нихъ почетное лицо — Сатыб-алды Тлеукинъ. Отъ Кошкора роди-

¹ Старшинство, по-кирг. истаршин-эль (съ русскаго) — часть волости.

лись Утегуль и Чунгуль, отъ Чунгула — Даулей; дауловцы составляютъ цѣлое старшинство; уличное или народное названіе дауловцевъ — Бай-Темешъ. Отъ Утегула родились Андагуль и Уразъ; отъ Ураза — Базаръ-кельди, Казымбетъ, Бопы и Манашъ. Отъ Манаша родились Али-бекъ, Джани-бекъ и Сарши. Отъ Алибека — Кожанъ, отъ Кожана — Ес-пергенъ, отъ него — Бегалы, отъ него — Дамишь и Кызь-кара. Отъ Джумака родились Бай-тека и Токтасъ, отъ Байтеки — Союлгашъ, всего 50 юртъ. Отъ Токтаса родился Тюбетъ. У Тюбета было шесть сыновей по имени: Джан-гельди, Кан-гельди, Токай, Кара-бужуръ, Кендже и Малбай. Отъ этихъ шести братьевъ происходитъ болѣе тысячи кибитокъ. Отъ Малбая родились Алдаберли и Майлы. Отъ Майлы родился Джойнекъ, отъ него — Ерназаръ, отъ него — Тюлегонъ, отъ него — Бужи, отъ него — Утеу, отъ Утеу — Абди-Каримъ. Отъ Котанъ-бая до Абди-Карима — всего восемнадцать колѣнъ.

6. 0 казакъ-киргизскихъ поколѣніяхъ.

Шесть главныхъ племенъ въ казацкомъ народѣ: Кыпчакъ-Аргынъ (эти два имени иногда сливаются въ парномъ: Аргынъ-Кыпчакъ), Уакъ, Найманъ, Кирей и Конграть.

Куандыкъ, Сююндукъ, Атагай и Карауль — четыре брата, сыновья одного отца. Куандыкъ и Сююндукъ — отъ старшей жены, почему ихъ потомки называются байбиче-баласы, т. е. „дѣти байбиче“; Атагай и Карауль — дѣти младшей жены.

Пять волостей Наймановъ, кочующія въ Атбасарскомъ уѣздѣ, считаются родственниками семипалатинскихъ Наймановъ. Когда Найманы холостили лошадей и ѣли отброски, двухъ братьевъ-мальчиковъ обдѣлили другіе братья; обиженные отдѣлились и ушли на западъ. Объ нихъ говорятъ: кырджанга ѳпкелеген кынгыр найман, т. е. разсердились на отброски упрямые Найманы¹.

Аблай привелъ изъ похода въ Джунгарію часть киргизскаго народа (кара-киргизовъ). Потомки этихъ военноплѣнныхъ составляютъ теперь эль Кыргызъ, который живетъ около горъ Кокчетау, на р. Калгутонъ и въ другихъ мѣстахъ. Аблай привелъ ихъ въ расчетъ имѣть опору противъ казацкаго народа; онъ хотѣлъ имѣть гвардію изъ иностранцевъ. О киргизахъ говорятъ, что они — потомки рыжей собаки, происходятъ отъ женщины, которая спряталась отъ побоища и этимъ сохранила свою жизнь; всѣ ея соплеменники были перебиты и скотъ угнанъ; остались только она да еще рыжая собака. Отъ этой собаки она забеременѣла, вышла къ народу и родила „сына крас-

ной собаки“, кызыл итнинг баласы, какъ говорить о киргизахъ въ насмѣшку.

Между Куандыками есть эль Темещь; онъ происходитъ отъ сожителства женщины съ гнѣдымъ жеребцомъ. Одинъ эль потерпѣлъ погромъ отъ своихъ враговъ; народъ бѣжалъ отъ погрома; на мѣстѣ остались только одна спрятавшаяся женщина и гнѣдой жеребецъ; она сошлась съ нимъ; вмѣсто брачнаго ложа служилъ ей тесь, треножникъ, состоящій изъ двухъ короткихъ ногъ и одной длинной съ зарубкой ноги, на которомъ гнуть палки для кереге, т. е. для юрточной рѣшетки.

О кипчакахъ говорятъ: Кыпчак туксан еки баулы, „Кипчаки съ девяносто двумя завязками“. Ихъ будто бы 92 рода.

О татарахъ говорятъ: Ногайлынынг аур джурт, „у ногайцевъ трудная страна“.

О тѣртоулахъ есть стихъ популярнаго нѣкогда киргизскаго пѣвца Букаръ джирау: тѣрт улнынг тѣрт улы тауны джяй-ляб, „четыре сына Тѣртоула лѣтовали въ горахъ“.

Ирь Гокше былъ изъ эля Уакъ; среди Уаковъ былъ нѣкто Сары-Баянъ; отъ него прозошелъ Ирь-Гокше.

Балакай, шаманъ изъ рода Наймановъ, пускалъ свой кобызъ (струнный инструментъ) въ бѣгъ. Онъ привязывалъ кобызъ къ дереву; потомъ пускали лошадей; лошади бѣжали, и кобызъ, вырвавъ дерево съ корнемъ, мчался вслѣдъ за лошадьми; дерево тащилось, кувыркаясь, и кобызъ приходилъ къ мѣстѣ первымъ.

Записано отъ жителей Кокчетавскаго уѣзда.

[Майкы есть родъ около 500 юртъ, входитъ въ составъ Токраунской волости.

Бесъ-ата — десять волостей; сюда относятся: роды Майкы, Туленгутъ, Киреней, Кярсунъ, Альтеке, Сарымъ. Въ составъ рода Бесъ-Бошанъ входятъ подроки: 1) Чанчаръ отъ двухъ женъ Ай-бике и Нур-бике, 2) Кучумъ, 3) Бай-бура и 4) Джалык-пасъ].

И записка, доставленная мнѣ А. М. Головачевымъ, и запись г. Урасова, и Чивгисъ-намъ родоначальникомъ казакъ-киргизскаго народа выставляютъ Котанъ-бая. Въ Очеркахъ сз. Монг., IV, 14 по записи, сдѣланной въ Баянъ-аульскомъ уѣздѣ, Котанъ названъ родоначальникомъ казакъ-киргизъ; въ Очеркахъ, II, 149 упоминаются, какъ современники, Алаша-ханъ, Карача-ханъ и Катынъ-ерь. Въ казакъ-киргизскихъ преданіяхъ пока не найдено другихъ выступлений этого предка. Имя это было, повидимому, распространено не у однихъ казакъ-киргизъ, но и у другихъ турковъ. Въ сказкахъ сибирскихъ турковъ встрѣчаются имена: Кѣдѣнъ-ханъ, Кидѣнъ-ханъ, Китай-ханъ, Катай-ханъ (Radloff Proben, IV, 58, 187; Mélang. asiat., t. III, livr. 4, p. 376); сюжетъ о Кѣдѣнѣ или Кидѣнѣ (измѣна женщины, умерщвление ея прежняго друга или покровителя) въ монгольской сказкѣ связанъ съ именемъ Хадынъ (Очерки, II, 175). Это — почти тотъ же сюжетъ, какъ и въ русской былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ (см. Восток.

мотивы, 660); Ивану Годиновичу дается также три сотни. Въ русской былинѣ и увозъ женщины и три сотни соединены въ одномъ преданіи, связаны съ однимъ именемъ (Иванъ Годиновичъ); въ ордынскомъ эпосѣ увозъ женщины разсказанъ о Кѣдѣнѣ или Кидѣнѣ сказокъ сибирскихъ турковъ, а три сотни въ казакъ-киргизскомъ преданіи о Хотанѣ или Котанѣ.

Баянаульская запись тремъ сыновьямъ Котана даетъ имена: Акъ - Джоль, Альчинъ и Юсуфъ; она знаетъ Булатъ-ходжу, но не называетъ его сыномъ Котана. По этой записи Булатъ-ходжа, болѣе извѣстный будто бы подъ прозвищемъ Кара-Кисекъ, былъ не сынъ Котана, а сынъ его правнука (Мірямъ-софы). Параллельно этому, повидимому, спустился по генеалогической лѣстницѣ и Майкы, въ западныхъ записяхъ, помѣщаемыхъ въ этомъ собраніи, Майкы—современникъ Алаша-хана и Котана; въ баянаульской Майкы—сынъ Кара-Кисека, т. е. шестое поколѣніе отъ Котана.

Казакъ-киргизское преданіе не знаетъ отца Котана; но указанныя сиб.-турецкія сказки, которыя, можетъ-быть, относятся къ тому же лицу, знаютъ имя отца Кѣдѣна или Кидѣна; это—Мангушъ (въ половецкомъ или кипчакскомъ преданіи Мангышъ не отецъ, а сынъ Котана; см. Тизенгаузенъ, Сборн. матер., отн. къ ист. Золот. Орды, т. I, Спб., 1884, стр. 541; Потанинъ, Танг.-тиб. окр., II, 121).

Записи акмолинская и кокчетавская несомнѣнно имѣютъ общій источникъ. Повидимому, первоначальная редакція составлена въ Туркестанѣ. Списокъ поколѣній узбековъ у Ханыкова (Описание Бухарскаго ханства, Спб., 1843) тоже въ началѣ указываетъ имена Мингъ и Юзь (Мынъгъ и Джузъ), какъ и наши списки. Джигиты удалились за Сыръ; когда ихъ стали звать возвратиться домой, имъ жалко было разстаться съ киргизской степью и ея кумызомъ, и они остались на другой сторонѣ Сыра,—на той, на которой и теперь живутъ, т. е. на сѣверной. Слѣдовательно, выраженіе „ханскій сынъ былъ отвезенъ за Сыръ“ надо понимать—отвезенъ на сѣверную сторону Сыра.

Уйсуну велеть привезти ханскаго сына, „завлекая его“. Можетъ-быть, откроется казакъ-киргизскій вариантъ, болѣе близкій къ половецкому преданію, записанному нашей лѣтописью, по которому было поручено привезти ханскаго отрока, давъ ему понюхать траву евшанъ.

Товарищи Алаша-хана были всѣ холостяки, занимавшіеся набѣгами. „Причина“ увѣряетъ, что слово казакъ на древнеюгайскомъ языкѣ значило „холостой“; отсюда, очевидно, она хочетъ вывести имя народа Казака. Казаки Запорожской Сѣчи также были холостяки. Безбрачіе было правиломъ и у уральскихъ казаковъ; по преданію, они считали своимъ долгомъ, поживъ съ женщиной, убивать ее; этотъ обычай будто бы сохранялся до атамана Гугни, который такъ былъ увлеченъ красотой своей жены, бабушки Гугнихи, что не рѣшился убить ее; съ тѣхъ только поръ упрочилась семья въ уральской казачьей общинѣ. Пѣсня о Стенькѣ Разинѣ, который былъ донской казакъ, и персидской царевнѣ демонстрируетъ то же самое возрѣніе. Ермакъ, завоеватель Сибири, по одному памятнику, который я теперь указать не могу, требовалъ полового воздержанія отъ своей дружины; нарушителей этого казачьяго обѣта садили въ мѣшокъ съ камнемъ и опускали въ глубокую воду. Былина приписываетъ соблюденіе подобнаго воздержанія „старому казаку“ Ильѣ Муромцу. Потому, вѣроятно, ему и смерть была не писана, что онъ былъ половой аскетъ. Ту же заповѣдь торжественно налагаютъ на себя атаманъ Касьянъ съ товарищами, сорока каликами. Монгольскій богатырь Гэсэръ также избѣгаетъ сношеній съ женщиной; онъ убѣгаетъ отъ преслѣдованій своей жены (Танг.-тиб. окр., II, 10 и слѣд.). Въ казакъ-киргизскомъ преданіи богатырь Сартактай (алт. Сартактай-Кэзэръ, вѣроятно, тотъ же Гэсэръ; см. Танг.-тиб. окр., II, 301) былъ въ состояніи поднимать на свои плечи каменную

гору, пока ни онъ, ни его братъ не раздѣляли ложа съ женщиной, но первое же нарушение этой заповѣди имѣло послѣдствіемъ, что гора подавила ихъ (Очерки, IV, 286).

Изъ чиселъ въ родословной часто встрѣчается три (три сына), удвоение этого числа — шесть и иногда удвоение шести — двѣнадцать; потомки Сары-софы называются „дѣтьми двѣнадцати отцовъ“. Абакъ - Кирей происходятъ отъ двѣнадцати братьевъ (Очерки, IV, 15); ср.: у алтайцевъ насчитывалось въ XVIII столѣтіи 12 зайсанговъ; Радлову алтайцы насчитывали 24 поколѣнія, изъ которыхъ будто бы состоитъ алтайскій народъ. Встрѣчаются у казаковъ-киргизовъ четыре сына (поколѣніе Тортоулъ); рядомъ удвоеній получается цифра тридцать два: 32 веревочныхъ узла узбековъ.

7. Джійды-бай.

Джіды-бай былъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ богатырей Аблай-хана. Однажды онъ участвовалъ въ походѣ Аблая. Пришлось переходить черезъ озеро Балхашъ. Джіды-бай зналъ единственный бродъ черезъ это озеро. Говорятъ, что поперекъ озера проходитъ по дну хребетъ и если итти по его гребню, то можно проѣхать черезъ озеро, и вода будетъ только по колѣно. Войско переходило черезъ Балхашъ ночью, было пасмурно и шелъ дождь. На серединѣ озера Джіды-бай остановился, уперся тупымъ концомъ пика въ дно озера и попросилъ джигита провести рукой вдоль пика и ощупать дно озера, нѣтъ ли чего подъ пикой. Онъ припомнилъ, что лѣтъ 20—30 назадъ онъ тутъ, проѣзжая, потерялъ небольшой ножикъ. Джигитъ провелъ рукой вдоль пика до дна озера и дѣйствительно нашелъ ножикъ. Впереди Джіды-бая всегда шла красная лисица; это былъ его арвахъ¹. Однажды Аблай говоритъ ему: „Покажи мнѣ твоего арвахъ!“ Джіды-бай согласился и позвалъ Аблая на вершину горы. Аблай оставилъ на вершинѣ, а самъ спустился съ горы. Когда онъ спустился къ подошвѣ, Аблай увидѣлъ, что на степи показалась красная лисица. Въ то же время явился желтый беркутъ, бросился на лисицу, схватилъ ее и ударилъ о землю. Послѣ того Джіды-бай опять поднялся на гору къ Аблаю и спросилъ его, что онъ видѣлъ. Тотъ рассказалъ. Джіды-бай сказалъ: „Красная лисица — это мой арвахъ, а желтый беркутъ — твой. То, что ты видѣлъ, показываетъ, что твой арвахъ стоитъ выше моего“².

Г. Султанъ-Газинъ (Токрау).

¹ Арвахъ, арабск. слово, значитъ „духъ - покровитель“.

² Къ Джіды-баю относится двустишіе:

Сары-аркадай джеръ кайда,
Джідыбайдай эръ кайда?

Гдѣ земля, подобная (степи) Сары-арка, гдѣ витязь, подобный Джіды-баю?

8. Сабалакъ.

Аблай былъ одинъ изъ трехъ царевичей. Ему не досталось удѣла послѣ смерти отца, и онъ бѣжалъ въ казацкую степь, скрывъ свое имя и назвавшись Сабалакомъ. Здѣсь одинъ богатый казакъ Давлетъ усыновилъ его и сдѣлалъ пастухомъ. Началась война съ китайцами (чюрчют) и калмыками; Сабалакъ собирается на войну, Давлетъ не пускаетъ его. Юноша былъ еще слишкомъ молодъ, еще усы у него не пробились; но, несмотря на уговоры Давлета, Сабалакъ все-таки поѣхалъ на войну. Войско прибыло на рѣку Ле¹; переправиться черезъ нее было нельзя: еще не стала ледъ. Сабалакъ сѣлъ на берегу, покрылъ свою голову, началъ читать; рѣка покрылась льдомъ. Войско переѣхало черезъ Ле; повоевало калмыковъ и чюрчютовъ, возвращается съ добычей. Стали подходить къ Ле; за ними гонится погоня. Батырь Чакчакъ-Джани-бекъ говоритъ Сабалаку: „Ну, ты умѣлъ заморозить Ле; теперь сотвори новое чудо, спаси отъ погони“. Сабалакъ сѣлъ на берегу, началъ читать молитву; начался туманъ, и казаки въ туманѣ ушли незамѣченные и спаслись. Казацкій ханъ былъ убитъ на войнѣ, и Аблая (Сабалака) провозгласили ханомъ.

Махмудъ Валихановъ.

9. Джиренше-шешень.

1. Азъ-Джанибекъ посылаетъ посла къ народамъ Юсунамъ и Конратамъ. Онъ проситъ уничтожить верблюдовъ, потому что отъ ихъ крика кобылы выкидываютъ жеребятъ. Тогда эти два народа смутились; не знаютъ, что дѣлать. Является Джиренше-шешень; онъ былъ тогда еще мальчикомъ. Онъ говоритъ народамъ: „Я поѣду къ хану. Дайте мнѣ большого верблюда, дайте мнѣ десятилѣтняго большого козла съ большою бородой и дайте большое ружье“. Получивъ все, что просилъ, Джиренше-шешень отправился къ Азъ-Джани-бекъ-хану. Приѣхалъ къ элю Джанибекъ-хана. У Джанибека не было верблюдовъ. Выскочили собаки, залаяли. Джиренше сталъ стрѣлять въ собакъ. Доложили Джанибеку, что какой-то человекъ истребляетъ собакъ. Джанибекъ велѣлъ привести этого человека.—Ты кто такой? спрашиваетъ Джанибекъ. „Я изъ народа Юсунъ-Конгратъ“, отвѣчаетъ Джиренше-шешень.—Зачѣмъ ты приѣхалъ?“ спрашиваетъ Джанибекъ. „Я приѣхалъ къ тебѣ посломъ отъ своего народа“.—Зачѣмъ стрѣляешь моихъ собакъ? „Я стрѣляю потому, что отъ лая вашихъ собакъ наши верблюдицы выкидываютъ верблюжатъ“. — Какъ же ваши верблюдицы такъ далеко слышатъ лай здѣшнихъ собакъ? „Таксыръ²! какъ же

¹ Ле—казакъ-киргизское имя рѣки Или.

² Таксыръ—„господинъ, ваша милость“.

голоса нашихъ верблюдиць слышны вашему народу?“—Дитя! развѣ въ вашемъ народѣ не нашлось никого, повыше тебя, послать посломъ къ чужому хану? „Выше этого верблюда, котораго я привелъ, у насъ нѣтъ никого“.—Неужели у васъ нѣтъ аксакала¹? „У козла, котораго я привелъ съ собой, борода длиннѣе всѣхъ бородъ“.—Будешь ли моимъ визиремъ? „Буду“, отвѣтилъ Джиренше-шешень. Джани-бекъ далъ ему лошадь и одѣлъ въ хорошее платье.

Однажды Авъ-Джани-бекъ послалъ Джиренше-шешена осмотрѣть мѣстность, гдѣ можно было бы сидѣть ауломъ. Когда Джиренше поѣхалъ, къ нему присоединился какой-то пожилой человѣкъ на каремъ иноходцѣ. На пути Джиренше сказалъ: „Давай, заставимъ кипѣть деревянный котель!“ Когда проѣхали еще немножко, Джиренше еще сказалъ: „Давай, замѣнимъ худыхъ лошадей жирными!“ Человѣкъ, ѣхавшій подлѣ него, сказалъ: „Какой ты глупый! Развѣ у насъ есть жирныя лошади?“ Доѣхали они до одной рѣки. Товарищъ послалъ Джиренше-шешена узнать бродъ, гдѣ лучше переѣхать рѣку. Джиренше съѣздилъ, вернулся и говорить: „Видѣлъ два брода; одинъ далеко, но близко; другой близко, но далеко“. Товарищъ говорить: „Какой ты глупый! говоришь далеко, но близко, близко, но далеко. Покажи мнѣ близкій бродъ!“ Джиренше показалъ ему близкій бродъ, а самъ уѣхалъ на дальній. Джиренше скоро перешелъ черезъ рѣку, а на близкомъ броду оказалась топь, старикъ завязъ и насилу выбрался на берегъ. Вылѣзъ изъ грязи, поѣхали опять вмѣстѣ. Послѣ этого товарищъ замолчалъ. Пріѣхали въ большой табунъ. Джиренше сказалъ: „Это скоть богача, у котораго много дѣтей“. Поѣхали вмѣстѣ и пріѣхали въ другой табунъ. Джиренше сказалъ: „У этого богача нѣтъ дѣтей“. Поѣхали дальше, увидѣли большую бѣлую юрту. Это была юрта спутника Джиренше-шешена, который ѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ. У этого человѣка была одна дочь. Она всегда выходила изъ юрты, когда пріѣзжалъ отецъ, чтобы держать лошадь, пока онъ будетъ слазить. Джиренше не остановился тутъ, поѣхалъ дальше. Дочь спросила отца, кто такой его спутникъ? Отецъ сказалъ дочери:—Это глупый человѣкъ, свѣтикъ мой (чирагым)! „Что онъ сказалъ, какъ глупый человѣкъ?“ допытывается она.—Когда мы выѣхали отъ Джанибека, онъ сказалъ: вскипятимъ деревянный котель. Развѣ можно кипятить въ деревянномъ котлѣ? Потомъ онъ сказалъ: оставимъ худыхъ лошадей, сядемъ на жирныхъ, а жирныхъ лошадей нѣтъ. Потомъ сказалъ еще, что есть два брода: одинъ далеко, но близко, другой близко, но далеко. Развѣ это не глупости? Дѣвица говорить отцу: „Онъ—умный человѣкъ, а вы, отецъ, глупый! Деревянный котель вскипятить значило покурить трубку. Оставимъ худыхъ лошадей, сядемъ на жирныхъ значило: покормимъ лошадей! Бродъ

¹ Аульный староста, буквально „бѣлая борода“.

близкій, но далекій значить: онъ близко, но худой, топкій; далекій, но близкій значить: до него дальше, но по нему переѣздъ черезъ рѣку удобнѣе“. Далѣе дѣвица еще сказала: „У бая одного табуна много дѣтей—это онъ узналъ потому, что въ табунѣ всѣ лошади были худыя, заѣзженныя; про вашъ табунъ онъ сказалъ, что у хозяина дѣтей нѣтъ, потому что всѣ лошади, онъ видѣлъ, жирныя. Это—умный человекъ; его нужно позвать въ домъ и угостить“.—Ступай сама и пригласи, сказалъ ей отецъ. Дѣвица позвала Джиренше-пешена и привела его въ свой домъ. Угостили его. Во время ѣды Джиренше посмотрѣлъ на дѣвицу и погладилъ свои усы на одной сторонѣ; дѣвица погладила одну изъ своихъ косъ. Джиренше погладилъ всю бороду; дѣвица погладила всѣ свои волосы. Джиренше согнулъ свои пальцы въ кулакъ; ему сдѣлали тѣсокъ (постель). Легли спать. Когда бай заснулъ, Джиренше прилегъ къ дѣвицѣ и говорить:—Я погладилъ усы; это значить, я спрашиваю твоего отца, дастъ ли онъ мнѣ тебя, если я ему дамъ скота столько, сколько волосъ въ моихъ усахъ. Дѣвица ему на это: „Я погладила одну косу; это значить, отецъ не отдастъ меня даже за столько скота, сколько волосъ въ моей косѣ“.—Я погладилъ бороду, говорить Джиренше, я хотѣлъ спросить, не отдастъ ли тебя отецъ за столько скота, сколько волосъ въ моей бородѣ. „Не отдастъ даже за столько, отвѣчаетъ дѣвица, сколько въ моей головѣ волосъ“.—Какимъ образомъ возьму тебя? спрашиваетъ Джиренше. Дѣвица спрашиваетъ его: „Есть ли у тебя скоть?“—Есть только одинъ сивый быкъ. „Зарѣжь этого быка. Привези мясо къ нашей юртѣ и спрячь его въ разныхъ мѣстахъ юрты. Потомъ иди къ хану, прикажи позвать сыщика, скажи, что у тебя потерялся сивый быкъ и проси обыскать весь народъ, а послѣ всѣхъ пусть обыщутъ нашу юрту. Отецъ мой трусъ. Отъ страха онъ, можетъ-быть, и выдастъ меня за тебя“. Джиренше-пешенъ такъ и сдѣлалъ, взялъ сыщика, обыскалъ весь народъ; въ заключеніе пришли въ юрту бая и нашли мясо; повели бая къ хану. Тогда бай испугался, говорить:—Отдамъ весь мой скоть, только отпусти! „Не отпущу“, говорить Джиренше. Бай обѣщаетъ отдать все свое имущество, но Джиренше не отпустилъ.—Что же ты возьмешь? спрашиваетъ бай. „Отдай дочь!“ говорить Джиренше. Бай отдалъ тогда дѣвицу, и Джиренше отпустилъ старика, взявъ дѣвицу, пошелъ къ хану, говорить ему:—Я нашелъ своего вора и помирился съ нимъ; за мировую взялъ у него дѣвицу. „Хорошо, что помирился“, сказалъ ханъ, „а дѣвицу возьми себѣ; мнѣ не надо“. Имя дѣвицы было Кара-шашъ¹; Джиренше женился на ней.

Они сидѣли вмѣстѣ въ одной худой юртѣ. Ханъ влюбился въ Кара-шашъ, думаетъ: возьму, отберу ее у Джиренше. Ханъ далъ Жи-

¹ Кара-шаш—„черные волосы“.

ренше-шешену сорокъ самцовъ барановъ и сказалъ, чтобъ они черезъ шесть мѣсяцевъ принесли ягнятъ. „А то, говоритъ ханъ, отрублю тебѣ голову“. Джиренше заплакалъ и пришелъ къ своей женѣ. „Не плачь, говоритъ она. Я найду средство, если Богъ дастъ“. Джиренше пригналъ сорокъ барановъ; зарѣзали всѣхъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ ѣдетъ къ нимъ ханъ. Джиренше говоритъ женѣ: „ханъ ѣдетъ!“ Кара-шашъ научила его: „Сиди, завернувшись въ платье“. Ханъ прѣвхалъ, спрашиваетъ: „Дома ли Джиренше?“ Кара-шашъ вышла на встрѣчу хану и говоритъ: дома. „Почему не выйдетъ?“ Кара-шашъ отвѣчаетъ: „Джиренше только-что родилъ ребенка, сидитъ больной, не можетъ ходить“.—Да развѣ мужчина можетъ рожать дѣтей? „Таксырь! развѣ бараны-самцы могутъ принести ягнятъ?“ Ханъ сказалъ:—Пусть Богъ отрѣжетъ твой языкъ!—и ушелъ.

Ханъ снова позвалъ Джиренше, далъ ему трехлѣтняго быка и велѣлъ сварить его живымъ. Привелъ Джиренше быка домой, спрашиваетъ жену, что же дѣлать. Жена сказала: „Это легко“. Велѣла принести пять пудовъ соли. Джиренше принесъ. Положили въ котелъ пудъ соли, налили воды. Она велѣла гонять быка. Быкъ усталъ; отъ усталости онъ разбросалъ свой пометъ. Они напоили быка растворомъ соли и привязали его. Утромъ на другой день она опять велѣла гонять быка; опять выпоили быку цѣлый котелъ воды, въ которой былъ растворенъ пудъ соли; въ теченіе пяти дней растворили пять пудовъ соли и выпоили быку. На шестой день она опять велѣла гонять быка. Быкъ пересталъ давать пометъ. На седьмой день ханъ спрашиваетъ:—Сварили ли быка? „Сварили“, отвѣчаютъ ему. Теперь ханъ приказываетъ зарѣзать быка. Зарѣзали. Когда открыли внутренности, нашли только камень, крови нѣтъ. Осмотрѣли кости, только въ одномъ джиликѣ¹ нашли немного крови. Такимъ образомъ, ханъ не могъ взять Кара-шашъ и вернулся въ свой домъ ни съ чѣмъ.

Війсимбе.

2. Мать Джани-бека была ста десяти лѣтъ старуха, выжившая изъ ума. Она постоянно плакала и просила: найдите мнѣ мужа! Джани-бекъ проситъ Джиренше-шешена: „Успокой ее въ теченіе недѣли; сдѣлай, чтобъ она смѣялась, а не плакала“. Джиренше привелъ ее въ свой домъ. Какъ малаго ребенка, взялъ на руки и сталъ качать ее, но она не становится спокойнѣе, продолжаетъ плакать. Такъ безъ всякаго успѣха проходитъ три дня. Но въ слѣдующій за тѣмъ день Джиренше нашелъ средство, и старуха перестала плакать, стала улыбаться. Онъ примѣнялъ это средство каждый день, и въ теченіе всѣхъ слѣдующихъ четырехъ дней старуха была спокойна. На восьмой день прѣвзжаетъ Азь-Джани-бекъ, видитъ, что мать его

¹ Джилик.— мозговая (полая) кость.

не плачетъ, и спрашиваетъ:—Скажи, пожалуйста, какъ это тебѣ удалось унять плачь моей матери? „Таксырь! я сдѣлался вашимъ отцомъ!“ отвѣчалъ Джиренше-шешень.

Бійсимбе.

3. Аттанг! Менінг ѓзь ѓюм кенг сарай, боз ѓюм! „Ахъ, моя собственная юрта, просторный сарай, бѣлая моя юрта!“ Это—восклицаніе Джиренше-шешена. На самомъ же дѣлѣ его юрта была такая, что онъ, лежа въ ней, головой упирался въ одинъ конецъ, а ногами въ другой.

Бійсимбе.

4. Ханъ спросилъ у Джиренше-шешена: „Хороша ли твоя юрта?“ Джиренше отвѣтилъ: Менім ѓй сурасаң бір тїін алѓысыз; алты сѓйрек камаса бірін устаб калѓысыз, „если спрашиваешь о моей юртѣ, то нельзя ее взять за копейку; если помѣстить въ ней шесть утокъ, [?], то ни одной не поймашь!“ Ханъ далъ ему хорошую юрту. Когда Джиренше вернулся съ подаркомъ домой, ханъ послалъ людей посмотрѣть, что Джиренше будетъ дѣлать. Джиренше перевертывается въ новой юртѣ съ боку на бокъ и приговариваетъ: кайран, миним ѓйим кенг сарай боз ѓйим, „удивительно! мой домъ широкій сарай, бѣлый мой домъ!“

10. Алдарь-Косе.

Когда Алдарь-Косе былъ молодой, онъ вышелъ обманывать людей. Онъ нашель на дорогѣ лопаточную кость (джаурун), положилъ ее себѣ за пазуху и пришелъ въ юрту одной старухи.—Буду твоимъ гостемъ, сказалъ онъ старухѣ. Она сказала: „Нѣтъ, мой свѣтикъ (чирагым)! Не могу угостить тебя, ничего у меня нѣту“. Алдарь-Косе сказалъ ей:—Мнѣ ничего не нужно; у меня мясо есть. Когда старуха опустила мясо въ котель, стоявшій на огнѣ, для себя, Алдарь-Косе попросилъ у ней позволенія и его мясо положить въ тотъ же котель, и бросилъ въ котель найденную въ степи кость. Когда котель началъ кипѣть, Алдарь-Косе спросилъ старуху:—Твое мясо не съѣсть ли мое мясо? „Какъ же можетъ мясо ѣсть мясо?“ возразила старуха.—Большое мясо, сказалъ Алдарь-Косе, съѣдаетъ меньшее мясо. Когда мясо сварилось, старуха начала вынимать его и нашла лопаточную кость безъ мяса. Алдарь-Косе остался безъ мяса и сталъ говорить, что его мясо съѣдено. Долго спорилъ онъ со старухой, и она, наконецъ, уступила ему грудную кость съ мясомъ. Мясо онъ съѣлъ, а кость положилъ въ свой мѣшокъ и ушелъ.

Потомъ онъ пришелъ въ юрту другой старухи. Она тоже отказалась принять его гостемъ; онъ и ей сказалъ, что у него есть свое

мясо. Когда старуха начала варить мясо, онъ положилъ въ котель грудную кость, которую принесъ за пазухой. Когда сварилось мясо старухи, опять заспорили. Споръ кончился тѣмъ, что старуха отдала ему цѣлую ляшку барана. Алдаръ-Косе перешелъ въ третью юрту; здѣсь повторилась та же исторія. Старуха, чтобъ отвязаться отъ Алдаръ-Косе, отдала ему живого барана.

Съ этимъ бараномъ Алдаръ-Косе пришелъ къ одному баю (богачу). Съ разрѣшенія богача онъ пустилъ своего барана въ его стадо. Ночью, когда стали ложиться спать, Алдаръ-Косе говоритъ баю: „Не съѣдятъ ли твои бараны чужого?“—Ты сдурѣлъ, что ли?—говоритъ бай. Развѣ бараны ѣдятъ барановъ? „Случается“, сказалъ Алдаръ-Косе. Ночью Алдаръ-Косе вышелъ изъ юрты, зарѣзалъ своего барана и кровью его обмазалъ губы всѣхъ барановъ бая. Утромъ у Алдара-Косе начался споръ съ баемъ. Алдаръ-Косе говоритъ баю: „Твои бараны съѣли моего барана, который былъ дорогъ для меня. Онъ былъ ученый и замѣнялъ лошадь“. Чтобъ отступить, бай отдалъ Алдару-Косе восемь барановъ. Алдаръ-Косе погналъ барановъ и на пути увидѣлъ людей, роющихъ могилу. Алдаръ-Косе спрашиваетъ, что такое случилось. Люди говорятъ, что умерла взрослая дѣвица и что ее будутъ хоронить. „Продайте мнѣ, говоритъ Алдаръ-Косе, эту мертвую дѣвицу съ одеждой, взаменъ ея возьмите этихъ барановъ“. Люди отдали ему дѣвицу и вмѣстѣ съ ней и ея одежду. Алдаръ-Косе положилъ эту дѣвицу себѣ на спину и пошелъ прочь.

Приѣхалъ Алдаръ-Косе въ одинъ аулъ. Дѣвицу оставилъ сна-ружи, тѣло ее прислонилъ къ колу, воткнутому въ землю, сверху покрылъ ее платкомъ, а самъ подошелъ къ юртѣ, заглянулъ внутрь ея и увидѣлъ, что тамъ сидятъ двѣ дѣвицы и одна молодая женщина. Онъ попросилъ позволенія остановиться у нихъ ночевать: онѣ дали согласіе. Тогда онъ сказалъ имъ, что онъ не одинъ, что у него есть жена, которая стоитъ-дожидается вблизи аула, и просилъ ихъ привести его жену. Обѣ дѣвицы и молодая женщина съ любопытствомъ бросились изъ юрты за женой Алдара-Косе. Подбѣжали, она молчитъ. Когда одна дѣвица взяла ее за плечо, та упала, какъ мертвая. Тогда эти женщины прибѣжали къ Алдару-Косе и говорятъ, что его жена умерла, какъ только онѣ дотронулись до нея. Алдаръ-Косе давай плакать: „Ой-бай! вы убили мою жену! Гдѣ я теперь найду другую такую же? Сколько мнѣ трудовъ стоило, чтобы овладѣть ею“. Начался споръ. Онъ требовалъ кунъ¹. Онѣ выдали за него замужъ одну изъ дѣвицъ, отдали ему за этой дѣвицей юрту и сколько-то имущества, и онъ воротился домой. Когда онъ пришелъ домой, онъ пересчиталъ, что онъ сдѣлалъ: изъ лопатки онъ сдѣлалъ грудное мясо, изъ грудной кости онъ сдѣлалъ живого барана, изъ одного барана сдѣлалъ

¹ Кун—плата за кровь (замѣна кровной мести).

восемь барановъ, изъ восьми барановъ невѣсту съ юртой и имуществомъ. Онъ былъ очень доволенъ собой.

Кокушъ Чингосовичъ Валихановъ.

Очерки, II, 158; IV, 364. Васильевъ, Образцы киргизской народной словесности, в. 1, Киргизск. сказки, Оренб., 1898, стр. 67—71. Въ вариантѣ, помѣщенномъ въ IV в. Очерковъ, Алдаръ-Косе мѣряетъ землю, чтобы опредѣлить, гдѣ центръ земли. Въ русскомъ преданіи мѣряютъ землю Соломонъ и Балда, но съ другою цѣлью.

11. Талас-пай мергенъ.

Прежде былъ бай. Его ограбилъ батырь Кобланды. У бая былъ единственный сынъ Караманъ. Караманъ послалъ сказать, чтобы Кобланды-батырь остановилъ свое войско. Въ то время Караманъ собралъ свой народъ и потребовалъ, чтобъ Кобланды вышелъ съ нимъ на поединокъ, дабы не проливать лишней крови. Кара-Кыпшакъ Кобланды пустилъ стрѣлу изъ лука; она попала въ камень и вошла въ него на два аршина; стрѣла Карамана вошла въ камень на одинъ аршинъ и одинъ вершокъ. Караманъ сказалъ: „Ты — взрослый, а я еще малолѣтокъ; мнѣ пятнадцать лѣтъ. Дай мнѣ отерочку на пять лѣтъ и тогда приходи сразиться“. Кобланды не согласился. „Хотя ты и малолѣтокъ, но давно извѣстенъ“, сказалъ онъ. Потомъ они сражались и саблями, но не дали другъ другу нанести существенный вредъ. Потомъ сражались и пиками, и тоже ничего не могли сдѣлать. Потомъ стали бороться на лошадяхъ, чтобъ другъ друга свалить съ лошади; ничего не могли сдѣлать; лошади легли на землю отъ ихъ тяжести. Потомъ, они боролись семь дней и семь ночей руками. Наконецъ Кара-Кобланды свалилъ Карамана и отрѣзалъ ему голову, ограбилъ Карамана, увелъ всѣхъ его людей и увезъ его имущество. Остались одинъ старикъ, покрытый котломъ, и мальчикъ, покрытый соломой. Когда враги удалились, старикъ собралъ оставшіяся скотъ, нашелъ мальчика, спрятаннаго подъ соломой, и построилъ юрту. Потомъ они вдвоемъ съѣли весь свой скотъ, стали ловить рыбу и питались ею. Нашли лукъ Карамана, который онъ оставилъ въ степи, когда охотился. Этотъ лукъ обыкновенно носили два балвана (силача), а мальчикъ принесъ одинъ, безъ посторонней помощи. Онъ сталъ стрѣлять разныхъ звѣрей, кулановъ и другихъ. Однажды мальчикъ встрѣтилъ чернаго двухлѣтнаго жеребенка (тай), поймалъ его и привелъ домой. Онъ сказалъ своему отцу: „Этотъ жеребенокъ будетъ моимъ конемъ. Дай мнѣ и ему имена!“ Отецъ далъ ему имя Талас-пай, а жеребенку—Козу-гар'ать. Талас-пай сталъ на этомъ конѣ ѣздить на охоту.

Однажды онъ возвратился вечеромъ домой и не засталъ отца дома. Спустя нѣкоторое время отецъ пришелъ окровавленный. Сынъ

спросилъ отца: „Гдѣ ты былъ“? Отець сказалъ: „На меня упало дерево“.

Когда старикъ сталъ собирать на степи щепочки¹, приходятъ три лебедя и говорятъ:

Талас-пай мергән үждө ма?
Козу гар'ат жемдә ма?
Жемдә туруб балкіј ма?
Балак жүнү шалкіј ма?
Стрѣлокъ Талас-пай дома ли?
Воронко Козу на корму ли?
Стоя у корма, не волнуется ли?
На голени волосъ не колеблется ли?

Старикъ отвѣчаетъ лебедямъ:

Талас-пай мергән үждө жок,
Козу гар'ат жемдә жок,
Жемдә туруб балкымас,
Балак жүнү шалкымас.
Талас-пай мергена дома нѣтъ,
Воронко Козу не на корму;
Онъ, стоя у корма, не волнуется,
Волосъ на голени не колеблется!

Тогда одинъ лебедь другому сказалъ: „Волочите старика по бетеге², обрубите ему лицо, сдерите оболочку съ таволги и оборвите его шубу!“ Волочили его лебеди по степи, изорвали его шубу, ободрали ему лицо. Вотъ отчего у него и было лицо окровавленное. По три дня сряду это съ нимъ продѣлывали лебеди. Наконецъ сынъ говоритъ отцу: „Съ тобой что-то творится? Ты говори правду! Иначе я уйду отъ тебя“. Тогда старикъ рассказалъ, что его волочили лебеди. Талас-пай переодѣлся въ одежду отца и пошелъ собирать щепки. Приходятъ три лебедя, поютъ тѣ же слова: „Талас-пай мергенъ дома ли, воронко Козу на корму ли, на корму стоя, не волнуется ли, волосъ на голени не колеблется ли?“ Талас-пай мергенъ поетъ имъ въ отвѣтъ:

Талас-пай мергән үждө жок,
Козу гар'ат жемдә жок,
Жемдә туруб балкымас,
Балак жүнү шалкымас.
Тобулѣа сүрдүңіс
Тоным жаман жыртыңыс
Бетәгә сүрдүңіс

¹ На дрова.

² Бетеге—„кипець“, *Festuca ovina*.

Бетім жаман жыртынгыс
Көдеге мені сүрдүңіс
Көтен менің жыртынгыс.
Талас-пая стрѣлка дома нѣтъ,
Воронка Козу у корма нѣтъ;
Стоя на корму, не волнуется,
Волосъ на голени не колеблется.
Вы волочили по таволгѣ,
Иводрали сильно шубу мою,
Волочили по травѣ „бетеге“,
Ободрали сильно лицо мое,
Волочили меня по осокѣ,
Ободрали мою задницу.

Лебеди хотѣли было взять Талас-пая и волочить, но онъ всѣхъ трехъ схватилъ и положилъ подъ себя. Три лебедя подняли его на себѣ и полетѣли. Онъ сорвался съ нихъ и пустилъ въ нихъ стрѣлу. Отъ нихъ упалъ на землю золотой перстень (алтын жўзўк). Пришелъ Талас-пай домой. Потомъ онъ убилъ для отца множество кулановъ и другихъ звѣрей, а самъ сѣлъ на лошадь и отправился въ путь. Видѣлъ много дней и ночей, нашелъ много коровъ. Среди нихъ онъ увидѣлъ большого сиваго быка съ сѣдломъ; около него сидѣлъ паршивый парень, искавшій вшей. Талас-пай спрашиваетъ его:—Чьи это коровы? Парень отвѣчаетъ: „Кадырь-кана“. Талас-пай опять спрашиваетъ:—Какъ же ты переправился черезъ это море? „Мнѣ, отвѣчаетъ парень, стоитъ только сказать: переправьтесь, коровы! и онѣ сами переправятся. Телятамъ скажу: привяжитесь, телята! и они сами привязываются. Скажу коровамъ: дойдите! и онѣ сами дойдутъ“.—А гдѣ ты спишь? „У Кадырь-кана есть три дѣвицы; у младшей я лижу подошвы“.—Какія дарованія (ўнѳр) имѣютъ эти дѣвицы? „Онѣ могутъ обращаться въ лебедей. Эти дѣвицы еще не выданы замужъ, потому что младшая не хочетъ выходить, а потому и старшихъ не выдаютъ“. Талас-пай убилъ этого парня, одѣлся въ его платье, свое платье навьючилъ на свою лошадь и отпустилъ ее въ степь. Сѣлъ на сиваго осѣдланнаго быка и произнесъ: „Переправьтесь, коровы!“ Коровы переправились черезъ море. „Привяжитесь, телята!“ сказалъ Талас-пай, и телята сами привязались. „Выйдите, коровы!“ сказалъ онъ, и коровы сами выдоились. У одной коровы онъ отрѣзалъ языкъ и положилъ за пазуху; пріѣхалъ къ аулу Кадырь-кана, легъ и притворился больнымъ; когда его спросили, почему онъ лежитъ, онъ сказалъ, что боленъ. Его на рукахъ внесли въ юрту, въ которой жила дѣвица. Когда дѣвица, ложась спать, протянула къ нему свои ноги и приказала лизать ихъ, онъ незамѣтно вынулъ изъ-за пазухи коровій языкъ и сталъ тереть имъ подошвы дѣвицы. Она выскочила изъ юрты. „Что

съ тобой?“ спрашиваетъ она Талас-ная. „Развѣ твой языкъ треснулъ (жарылды)?“ Онъ говоритъ: „Да, треснулъ“. Она дала ему меду; тогда онъ сталъ гладить ея подошвы помягче. Потомъ она ему наказываетъ: „Завтра ты пойдешь къ водѣ; смотри, не купайся тамъ, гдѣ мы, дѣвицы, купаемся“. Онъ утромъ пошелъ и искупался въ той водѣ, въ которой купаться она запретила. Въ то время прилетѣли туда три дѣвицы подъ видомъ лебедей; младшая изъ нихъ замѣтила у парня золотой хохоль (алтын ајдар)¹ и узнала, что это—Талас-най мергенъ. Вечеромъ дѣвица нарядилась, волосы напонадила, вспрыснула себя духами; въ тотъ же вечеръ они узнали другъ друга и спали вмѣстѣ. Потомъ она спрашиваетъ своего друга: „Какъ же дать знать отцу и другимъ дѣвицамъ, что я хочу выйти замужъ?“ Талас-най говоритъ ей: „Пеките три хлѣба; пусть одинъ сгоритъ, другой пусть наполовину сгоритъ, а третій пусть испечется какъ слѣдуетъ. Ханъ долженъ догадаться!“ Когда принесли хану эти три хлѣба, онъ сразу узналъ, что время дѣвицъ уходитъ, что ихъ нужно отдать замужъ. На другой день ханъ собралъ народъ и объявилъ, что хочетъ выдать своихъ дочерей замужъ, что калыма не нужно, лишь бы женихи были хорошіе люди. А дочерямъ велѣлъ сказать, чтобъ онѣ ловили жениховъ. Старшія двѣ сестры выбрали себѣ жениховъ, младшая никого не выбрала. Только вечеромъ она выбрала этого паршиваго парня (тасча бала). Ханъ выдалъ дочь и далъ имъ кошъ². Они поставили свой кошъ отдѣльно отъ ханскаго аула.

Хану грустно стало, что его дочь вышла за такого паршиваго человѣка, и онъ сталъ хворать. Пришелъ лѣкарь, сказалъ, что для того, чтобы выздороветь, ему нужно съѣсть мясо сайгака. Тогда ханъ велѣлъ своимъ старшимъ зятьямъ поѣхать на охоту и привезти сайгака. Паршивый парень велѣлъ сказать хану, что онъ тоже собирается на охоту. Всѣ трое отправились; двое старшихъ зятьевъ ничего не могли достать; паршивецъ сразу убилъ сайгака и вывалилъ внутренности. Два зятя сказали паршивому парню: „Дай намъ этого сайгака, потому что ханъ не будетъ ѣсть изъ твоихъ рукъ“. Тотъ отдалъ имъ. Два зятя пріѣхали домой, сварили мясо сайгака; паршивый парень сварилъ внутренности сайгака. Когда зятя дали свое мясо хану и онъ поѣлъ, онъ еще пуще началъ хворать. Паршивецъ тоже послалъ хану сайгачьи кишки, но ханъ, увидѣвъ, что это—кишки, велѣлъ ихъ убрать. Ханша сказала ему: „Отвѣдай же немного“. Ханъ мизинцемъ подцѣпилъ немного, попробовалъ, ему понравилось; онъ съѣлъ все, что было подано паршивцемъ, и выздоровѣлъ.

У хана была черная кобыла съ крыльями; она каждый годъ приносила жеребенка, но его всегда уносила черная птица Алып-кара-

¹ Ајдар — пучокъ волосъ, оставленный на темени бритой головы.

² Кош—небольшая юрта съ упрощеннымъ остовомъ.

бус¹. Теперь ханъ приказалъ двумъ старшимъ зятьямъ сторожить жеребенка отъ птицы. Паршивецъ велѣлъ сказать хану, что и онъ тоже собирается сторожить жеребенка. Всѣ три зятя сѣли караулить. Послѣ полуночи двое сказали: „Мы немного соснемъ, а ты посиди“. Паршивый парень сказалъ: „Хорошо“. Появилась птица, захватила жеребенка и улетѣла. Паршивый парень пустилъ стрѣлу и отшибъ хвостъ у жеребенка и вышибъ одно перо у птицы; перо оказалось серебряное. Утромъ зятя сказали: „Отдай намъ хвостъ жеребенка и перышко птицы, потому что все равно, если ты скажешь, что ты это добылъ, тебѣ ханъ не повѣритъ“. Они унесли жеребячій хвостъ, но перышко не въ силахъ были унести. Изъ ханской ставки послали еще двухъ человѣкъ, но и тѣ не могли принести. Тогда паршивецъ принесъ перышко и поставилъ около юрты. Ханъ велѣлъ зятьямъ искать орла. Паршивый парень велѣлъ сказать хану, что и онъ собирается искать. Двое отправились въ одну сторону, а третій, паршивый, пошелъ въ другую. Къ нему присталъ конь Козу-гар'ать; онъ сѣлъ на него и отправился. Черезъ годъ онъ доѣхалъ до одной юрты; подойдя, онъ спросилъ: „кто въ юртѣ есть?“ Изъ юрты вышла старуха съ семью головами. Она сказала ему: „Ты достигнешь своей цѣли, потому что я не хочу тебя сглотнуть. Всѣхъ другихъ я всегда проглатывала“. Она спрашиваетъ его: „За какимъ дѣломъ поѣхалъ?“ Онъ говоритъ: „Ищу орла, который унесъ жеребенка черной ханской кобылы. Я отстрѣлилъ у этой птицы перышко, а у жеребенка хвостъ“. Тогда старуха пригласила его закусить; онъ вошелъ и увидѣлъ, что у старухи было заготовлено одно только человѣческое мясо. Она дала ему этого мяса, но онъ не сталъ его ѣсть. Она дала ему водки; онъ тоже не сталъ пить. Тогда Талас-пай мергенъ подаль ей соль изъ своего кармана; старуха тоже дала ему соли. Затѣмъ они дали другъ другу слово не вредить другъ другу. Старуха сказала ему: „На обратномъ пути зайдите къ намъ, если достигнете цѣли“.

Онъ пошелъ по дорогѣ. Прошло много лѣтъ, онъ доѣхалъ до одного большого табуна лошадей. Всѣ лошади были чубарья. Тамъ онъ увидѣлъ дерево (бај терѣк, „богатый тополь“); онъ легъ подъ нимъ спать. Вечеромъ прилетѣла алып-кара-бус и сѣла на дерево; отъ тяжести птицы дерево наклонилось къ землѣ. Птица стала спать; Талас-пай мергенъ выстрѣлилъ въ нее изъ лука и убилъ. Онъ хотѣлъ взять ее, но ни одна лошадь въ табунѣ не могла везти птицу; это могъ только одинъ его конь Козу-гар'ать. Когда осталось однодневное разстояніе до юрты старухи, онъ увидѣлъ, что за нимъ бѣжитъ дѣвица. Дѣвица выстрѣлила изъ лука и попала въ копьесо его стрѣлы; онъ хотѣлъ стрѣлять въ дѣвицу, но стрѣла его оказалась безъ желѣзнаго наконечника. Дѣвица сказала ему: „Давай бороться. Если побѣ-

¹ Алып — „великанъ“, кара-бус — „орелъ“

дишь меня, то я выйду за тебя замуж". Они стали бороться; боролись три дня и три ночи; онъ побѣдилъ, и она вышла за него замужъ. Пришли въ домъ дѣвицы, чтобы оставить лошадей. Въ домѣ увидѣли много хорошихъ связанныхъ людей, которыхъ принесла черная птица; дѣвица эта была дочь этой птицы. Всѣхъ этихъ плѣнныхъ они выпустили на волю. Навьючивъ имуществомъ восемьдесятъ одногорбыхъ верблюдовъ (нар), покочевали далѣе, пріѣхали къ старухѣ жалмаус¹ съ семью головами. Одну ночь переночевали, утромъ простились и отправились далѣе. Около одной рѣки они увидѣли пожаръ. Отъ пожара бѣжить змѣя; Талас-пай подержалъ передъ ней устье своего рукава; змѣя вошла въ рукавъ. Потомъ змѣя вышла изъ рукава и осталась около рѣки. Когда Талас-пай пошелъ дальше, змѣя спросила его: „Какъ тебя зовутъ?“—Талас-пай мергенъ, отвѣчаетъ онъ. „Открой ротъ! Я плюну слюну, и ты послѣ того будешь знать языки всѣхъ животныхъ, звѣрей, птицъ“. Когда она плюнула, онъ узналъ всѣ языки. Когда Талас-пай съ женой покочевали далѣе, они увидѣли большую пыль. Тогда онъ поправилъ сѣдло на лошади и остановился въ ожиданіи приближенія пыли. Изъ пыли показалась гнѣдая лошадь. Она подбѣжала прямо къ Козу-гар'ату; кони какъ бы поздоровались, и у обоихъ на глазахъ показались слезы; гнѣдая лошадь была братъ Козу-гар'ата. Когда Кобланды ограбилъ табуны и отогналъ ихъ, гнѣдая лошадь убѣжала, и никто не могъ отыскать ее; теперь она отыскала Козу-гар'ата. Талас-пай сѣлъ на гнѣдую лошадь и пріѣхалъ къ хану, своему тестю. Тогда онъ явился домой въ своемъ настоящемъ платьѣ, верхомъ на Козу-гар'атѣ и распустилъ свой золотой хохолъ. Ханъ вышелъ къ нему; Талас-пай мергенъ сказалъ привѣтствіе. Тогда ханъ сказалъ: „Дочь моя—умница, а я—дуракъ!“ У жены Талас-пая родился сынъ, которому было уже четыре года. Талас-пай сталъ просить хана, чтобы онъ отпустилъ его; онъ хочетъ откочевать къ своему отцу. Ханъ разрѣшилъ ему ѣхать, далъ ему половину своего скота и сказалъ, пусть поступить, какъ онъ думаетъ лучше: или возьметъ все свое хозяйство съ собой или здѣсь у хана оставить. Талас-пай мергенъ навьючилъ восемьдесятъ верблюдовъ и откочевалъ. Самъ уѣхалъ впередъ, а остальному каравану велѣлъ ѣхать по слѣду и, гдѣ онъ оставитъ знаки, тамъ чтобы останавливались на ночлегъ. Талас-пай поѣхалъ на гнѣдой лошади. Когда пріѣхалъ къ отцу, у отца изъ запаса осталась одна только голенная кость (асыкты жилик). Отецъ обрадовался, помолодѣлъ отъ радости, какъ будто сдѣлался опять не болѣе, какъ человѣкомъ двадцати пяти лѣтъ. Устроили со-рокадневный пиръ съ играми.

У Талас-пай мергена сынъ выросъ. Однажды старикъ сказалъ: „Слѣдуетъ отмстить кыпчаку Кобланды за грабежъ“. Тогда Талас-пай

¹ Жалмаус—обжорливое чудовище, поѣдающее людей и скоть.

мергенъ поѣхалъ со своимъ сыномъ: онъ—на Козу-гар'атѣ, а его сынъ—на гнѣдкѣ (тор-ат). Когда прошло много мѣсяцевъ и даже годовъ, они доѣхали до народа кара-кыпшакъ, т. е. до народа Кобланды. Одинъ бай въ народѣ кыпшакъ видѣлъ сонъ, будто одинъ голодный волкъ истребилъ весь ихъ скотъ, и разсказалъ объ этомъ Кобланды. Одинъ старикъ растолковалъ этотъ сонъ. Онъ сказалъ: „Приѣдетъ Талас-пай мергенъ, оставшійся мальчикомъ, когда мы ограбили его народъ. Слѣдуетъ приготовляться къ встрѣчѣ“. Когда приѣхалъ Талас-пай мергенъ, то Кобланды послали сказать ему, чтобъ онъ подождаль девять дней, пока народъ кыпшакъ соберется. Талас-пай мергенъ далъ девять дней отсрочки. Въ теченіе девяти дней Талас-пай мергенъ съ сыномъ выспались и выѣхали на назначенное мѣсто. Тогда Талас-пай мергенъ и Кобланды выѣхали на поединокъ. Прежде чѣмъ приступить къ борьбѣ, они стали спрашивать другъ друга; оказалось, что ихъ матери—родныя сестры; тогда они сдѣлались друзьями; у Кобланды была дочь, которую онъ выдалъ за сына Талас-пая. Собрали народъ верхній и нижній (джогарыгы тюменги), зарѣзали кобыль, сорокадневный пиръ (той) устроили. Въ то время приѣхалъ настухъ съ извѣстіемъ, что прибыло большое войско. Они послали посланца узнать, кто такой пришелъ съ войскомъ. Оказалось, что приѣхалъ Ирѣ-Косай, сынъ богатыря Ирѣ-Гокше, котораго убили Кобланды. Талас-пай и Кобланды вышли навстрѣчу, поднялись на Тай-тюбе¹. Ирѣ-Косай звалъ Кобланды на поединокъ; взявъ бѣлую саблю, вышелъ навстрѣчу противнику; Кобланды тоже вышелъ на поединокъ. Сначала сражались пиками. Косай ударилъ саблей, разбилъ пикъ у Кобланды. Тогда Ирѣ-Косай вонзилъ пикъ въ сердце Кобланды, поднялъ его вверхъ на пикъ надъ своей головой и спросилъ своего противника: „Отмстилъ ли я за смерть моего отца?“ Кобланды сказалъ: „Я все еще стою выше тебя!“ Тогда онъ стряхнулъ тѣло Кобланды внизъ. Товарищи Кобланды напали на Ирѣ-Косая, чтобы отнять у него трупъ. Талас-пай мергенъ высвободилъ трупъ изъ толпы. Потомъ вышелъ на поединокъ сынъ Талас-пая. Ирѣ-Косай убилъ сына Талас-пая. Выходитъ сражаться самъ Талас-пай. Семь дней и семь ночей они борются, не могутъ одолѣть другъ друга. Тогда два войска вступили въ переговоры о мирѣ. Люди Талас-пая говорили, что Косай отмстилъ за смерть отца, теперь можно мириться. И они помирились. Талас-пай пригласилъ Ирѣ-Косая къ себѣ въ гости; всѣмъ дали подарки, и они возвратились домой. Талас-пай мергенъ прикочевалъ къ народу Кобланды, т. е. къ кыпчакамъ; старикъ Талас-пай мергенъ сталъ ханомъ².

Нуръ-Сеитъ.

¹ Тай-тюбе—„холмъ однолѣтняго жеребенка“.

² Киргизы, кочующіе на р. Токрау, говорятъ, что сынъ челоуѣка Ирѣ-Гокше назывался Ирѣ-Манасъ; лошадь Кобланды называлась Тай-бурыль, лошадь Манаса—Какъ-кул'атъ. Показываютъ на Токрау мѣсто, гдѣ стоялъ Какъ-кул'атъ; тутъ будто бы есть слѣдъ копытъ. Конь стоялъ подъ горой Бегазы, а ѣлъ траву на вершинѣ горы. Гора Бегазы считается священной.

Рядъ деталей, общихъ съ сойотской сказкой объ Ерь-Сару (Очерки сз. Монг., IV, 341—348). Ерь-Сару живетъ съ матерью, а не съ отцомъ. Въмѣсто троекратнаго пролета трехъ лебедей—троекратный пролетъ семи гусей, которые кричатъ: „Ерь-Сару дома ли, его конь на приколѣ ли?“ Въмѣсто окровавленнаго лица отца здѣсь мать отрѣзываетъ сама себѣ ухо, носъ и губу. Въмѣсто перстня Сару отстрѣливаетъ палець, идетъ искать суженую, встрѣчаетъ пастуха Таракая-Бузыка, убиваетъ и замѣщаетъ его. Какъ и въ киргизской сказкѣ, коровы по слову: дойтеся сами дойтеся. Въмѣсто трехъ дочерей Кадырь-хана—въ сойотской сказкѣ семь царевнѣ; лизать приходится подошвы не царевны, а хана. Добывается вмѣсто мяса сайгака мясо аркара; на мѣстѣ птицы Алыпъ птица Ханъ-Гариде. Сару, какъ и Талас-пай, женится на младшей царевнѣ.

Замѣчается близость сказки о Талас-пай съ другой киргизской сказкой о Козу-Курпешѣ. Въ обѣихъ—сходный эпизодъ о пастухѣ; Козу-Курпешъ встрѣчаетъ пастуха, убиваетъ его и самъ исполняетъ его обязанности, а вечеромъ пригоняетъ стада къ аулу и спитъ въ юртѣ дѣвицы, своей суженой.

У Козу-Курпеша, какъ и у Талас-пая, золотой хохоль на головѣ. Имя Козу въ параллельной сказкѣ перенесено на коня (Козу-гар'атъ). Можетъ-быть, на связь двухъ сказокъ указываетъ и имя Кадырь-ханъ; у Козу-Курпеша соперникъ—Кодарь.

Сойотская сказка начинается рассказомъ о гонимой матери, разлученной съ сыномъ, который былъ брошенъ въ озеро. Такое же начало у другой сойотской сказки о Хэрэкъ-Кирвесѣ (Очерки сз. Монг., IV, 600). Въ киргизской этого начала нѣтъ, но не потому ли, что оно было, въ киргизской сохранилось загадочное мѣсто о слюнѣ змѣи. Въ сойотской въ ротъ пускается не слюна, а молоко изъ груди матери (ib., 604).

Армянская сказка „Меликъ Ширинъ“ (Сборн. матер. для оп. нар. Кавказа, т. XXIV, отд. II, стр. 152) начинается сходно съ сойотской объ Ерь-Сару. Ширинъ убѣгаетъ съ братомъ отъ злого существа, бросаетъ кувшинъ съ водой,—образуется рѣка, останавливающая погоню. Гнавшійся за дѣтьми колдунъ (въ сойотской джелбага) спрашиваетъ Ширину, какъ онъ переправился; повѣривъ его разсказу, надѣваетъ на свою шею жерновъ, плыветъ и тонетъ. Потомъ Ширинъ женится на младшей изъ трехъ царевнѣ, какъ и Талас-пай, добываетъ молоко оленя, соловья и живую воду и обмѣниваетъ свою добычу двумъ своимъ зятьямъ на отрѣзанные у нихъ мизинцы.

Слюна змѣи даетъ Талас-паю знаніе языка птицъ; въ монгольской сказкѣ такое же знаніе даетъ старикъ, сдѣлавъ семьдесятъ наколовъ на языкѣ человѣка (Очерки, IV, 200). Въ монгольскомъ преданіи слюна Цзонкавы одаряетъ краснорѣчіемъ неспособнаго Хара Балдана¹. Въ киргизскомъ преданіи Султанъ-Эпэ плюнулъ глупому Хайруллѣ въ ротъ, и тотъ сталъ премудрымъ (Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, VII, „Преданія адаевцевъ о святыхъ“, стр. 10, 11). Въ славянской легендѣ Кириллу даетъ знаніе болгарскаго языка голубь, бросивъ на него какой-то „зборькъ“ (Бильбасовъ, Кириллъ и Меодій, II, 218).

Въ сказкѣ „Камень Адамъ бильмесъ“ птица Алыпъ карагусъ также сидитъ на деревѣ Байтерекъ; на этомъ деревѣ у нея гнѣздо (см. въ этомъ же собраніи № 32).

12. Ирѣ-Гокше и его сынъ Ирѣ-Госай.

У Камбара былъ сынъ Ирѣ-Гокше. У него былъ одинъ врагъ, у котораго въ войскѣ было сорокъ батырей; родъ этого врага былъ Джилдырмасъ. Ирѣ-Гокше съ сорока батырями отдѣлился отъ войска въ тѣхъ мысляхъ, что при множествѣ войска мало добычи достанется.

¹ Монгольскій отдѣлъ собранныхъ мною сказокъ пока еще остается неизданнымъ.

и достигъ до границы племени Джилдырмасъ. Это племя также готовится къ бою. Сорокъ батырей напали на Джилдырмасовъ и начали истреблять людей; тогда Ирѣ-Гокше, сражаясь, получилъ много ранъ. Какой-то батырь вонзилъ пику въ сердце Ирѣ-Гокше. Ирѣ-Гокше сломалъ пику, но обезсилѣлъ; узнали это товарищи и пріѣхали къ нему. Въ то время Ирѣ-Гокше упалъ съ лошади. Товарищи смугились, не знаютъ, какимъ образомъ вывезти его съ поля сраженія, какъ посадить его на лошадь, чтобы не оставить среди враговъ. Среди товарищей былъ Мынгнанъ-булекъ-батырь. Онъ сказалъ, что Ирѣ-Гокше—храбрый человекъ; если ему сказать, что пріѣхали враги, то онъ, если есть душа въ его тѣлѣ, долженъ сѣсть на лошадь. Тогда товарищи закричали: ай гай!¹—будто пріѣхали враги. Какъ только раздался этотъ крикъ, Ирѣ-Гокше вскочилъ на ноги и самъ сѣлъ на лошадь. Товарищи поддержали его и увели его подальше отъ битвы. Ирѣ-Гокше сказалъ: „У меня нѣтъ болѣе мѣчи! Соберите поболѣе тезеку и разведите огонь. У меня на ребрахъ есть сорокъ ранъ, на позвонкахъ (омуртка)—десять ранъ, на локтѣ—одна рана, въ сердцѣ—одна рана. Если бы не было этой послѣдней, то другія были бы ни по чемъ“. На этомъ мѣстѣ онъ умеръ. Остальные батыри продолжали воевать, истребили все вражеское войско и возвратились съ добычей къ своему народу.

У Ирѣ-Гокше былъ сынъ Ирѣ-Госай. Никто не можетъ осмѣлиться доложить ему о смерти его отца. Ирѣ-Госай самъ догадался, потому что отецъ не пріѣхалъ, хотя всѣ его товарищи были уже дома. Мальчикъ пришелъ съ плачемъ къ матери. „Другіе пріѣхали, а мой отецъ не вернулся. Онъ, вѣроятно, убитъ“, сказалъ Ирѣ-Госай. Мать сказала ему: „Нѣтъ, отецъ твой живъ; онъ отсталъ отъ батырей потому, что одинъ заполонилъ табунъ лошадей и гонитъ ихъ“. Ирѣ-Госай не повѣрилъ матери. Тогда мать собрала народъ и проситъ какъ-нибудь удержать сына. Она посовѣтовала сосватать невѣсту для него. Сосватали сестру девяти сильныхъ молодцовъ, дали имъ скоть въ калымъ за ихъ сестру и отправили Ирѣ-Госая, чтобы онъ посмотрѣлъ невѣсту. Ирѣ-Госай поѣхалъ. Поставили ему юрту, привели невѣсту. Онъ сказалъ дѣвицѣ: „Ты не приходи ко мнѣ! Я буду тебѣ товарищемъ только одинъ день“. Ирѣ-Госай вернулся дѣвицу въ родительскій домъ и ночью поѣхалъ домой. Пріѣхалъ къ матери и сказалъ: „Поѣду искать отца! Найди мнѣ лошадь“. Мать сказала: „Иди въ табунъ, возьми узду и укрюкъ и пригони лошадей. Которая останется сзади всѣхъ, садись на нее“. Поѣхалъ мальчикъ въ табунъ и погналъ лошадей. Осталась одна буланая (сары) лошадь, грива до колѣнъ, копыта величиной въ мѣсто для огня, глаза съ чашку для кумыза (доставан). Ирѣ-Госай сѣлъ на эту лошадь и пріѣхалъ домой. Взялъ оружіе,

¹ Ай гай—крикъ, вызывающій тревогу.

запасъ и отправился искать отца. Проѣхалъ мимо аула тестя. Его невѣста увидѣла, какъ онъ проѣхалъ, и съ одной снохой (дженге) поѣхала поздороваться съ нимъ. Она спросила его: „Когда пріѣдешь?“ Онъ сказалъ: „Пріѣду, если буду живъ, когда копыта моего буланки будутъ съ копыта двухлѣтней лошади, когда его большіе съ достаган глаза будутъ съ глаза двухлѣтней лошади“. Онъ простился съ невѣстой и уѣхалъ.

Доѣхалъ до мѣста битвы отца съ врагами, увидѣлъ множество убитыхъ людей и сталъ искать между ними своего отца. Онъ хотѣлъ узнать, какихъ людей убилъ отецъ. Наконецъ, онъ нашелъ отца; отецъ лежалъ, приподнявши одну ляжку; изъ этого Ирѣ-Госай заключилъ, что его отецъ убилъ только одинъ сан (десять тысячъ) людей. Ирѣ-Госай поѣхалъ дальше искать враговъ. Онъ поднялся на одну гору. Тамъ подъ горой было озеро; на берегахъ его стояло многочисленное войско. Ирѣ-Госай пріѣхалъ къ этому войску и сталъ одинъ съ нимъ сражаться. Сорокъ дней сражался съ этими людьми и истребилъ ихъ всѣхъ. Взялъ много добычи, скота и имущества и возвратился. Пріѣхалъ къ аулу тестя и зашелъ въ его юрту; въ ней было много народу; его никто не узналъ. Его невѣста угощала всѣхъ кумызомъ. Она узнала его. Другимъ давала кумызу полные достаганы, а ему подала неполный достаган. Обнося гостей въ другой разъ, она налила своему жениху побольше, но всетаки меньше, чѣмъ другимъ. Народъ поѣхалъ по домамъ; вмѣстѣ съ народомъ поѣхалъ и Ирѣ-Госай. Кромѣ невѣсты, никто его не узналъ, а Ирѣ-Госай думалъ, что и невѣста не узнала его. Ирѣ-Госай думаетъ: „Вѣроятно, забыли меня всѣ, полагають, что я убитъ. Никто меня не узналъ, а невѣста даже обидѣла меня, давала мало кумыза. Какъ же имъ дать знать о себѣ? Надо свою лошадь потопить въ топь и звать ея братьевъ на помощь; когда они попробуютъ тащить лошадь и откажутся, потому что не въ состояніи будутъ вытащить ее, вытащу ее самъ; тогда они узнають во мнѣ батыря Ирѣ-Госая“. Онъ сдѣлалъ такъ, какъ задумалъ: всадилъ свою лошадь въ грязь, пѣшкомъ пришелъ въ аулъ и попросилъ братьевъ невѣсты вытащить увязшую лошадь. Тогда къ топи пріѣхали девять братьевъ невѣсты, но не могли вытащить лошадь. Ирѣ-Госай пришелъ самъ и говорить имъ: „Что вы за народъ, не можете вытащить одну лошадь! Развѣ вы не кормились? Я самъ утомился, а то бы одинъ вытащилъ“. И вытащилъ коня одинъ.

Послѣ отъѣзда Ирѣ-Госая невѣста сказала женѣ брата, что пріѣхалъ женихъ. Сноха сказала объ этомъ своему мужу. Тотъ пошелъ и привелъ Ирѣ-Госая въ юрту. Собрали народъ, устроили пиръ. Братъ отдалъ ему сестру.

Когда Ирѣ-Госай ѣздилъ за отцомъ, въ то время не было Кобланды. Послѣ того какъ Ирѣ-Госай разгромилъ враговъ своего отца, Кобланды погнался за Ирѣ-Госаемъ, ночью напалъ на аулъ тестя Ирѣ-

Госая и ограбилъ его. Ирѣ-Госай имѣлъ обыкновеніе прятать свое оружіе, когда приходилъ ночевать. Во время ночного нападенія Кобланды онъ бросился изъ юрты въ одной рубашкѣ и увидѣлъ, что его лошадь убѣжала; люди Кобланды хотѣли поймать ее, но не могли. Ирѣ-Госай хотѣлъ выйти на войну въ одной рубашкѣ, но жена не пустила его. Она сказала: „Если вы выйдете, то васъ убьютъ. Надо заботиться о томъ, чтобы спасти голову“. Онъ послушалъ своей жены и спрятался въ камыши береговъ одной рѣки. Кобланды ограбилъ весь его народъ и увелъ въ плѣнъ, а также и жену Ирѣ-Госая. Когда войско Кобланды двинулось въ обратный путь, Ирѣ-Госай вышелъ на ограбленные мѣста. Онъ нашелъ свое спрятанное оружіе, одѣлся въ платье, какое осталось и пѣшкомъ взошелъ на гору. Оттуда онъ увидѣлъ одно черное пятно; пошелъ пѣшкомъ къ этому пятну. Подошедши, увидѣлъ, что это—его собственная лошадь. Онъ поймалъ ее и сѣлъ на нее. Поѣлъ остатки отъ убитыхъ врагами животныхъ и отправился вслѣдъ за врагами. Послѣ многихъ дней преслѣдованія онъ увидѣлъ бумагу, привязанную къ воткнутой въ землю палкѣ. Онъ прочиталъ написанное на бумагѣ; это было письмо его жены, въ которомъ было сказано, что въ этомъ мѣстѣ зарыты мѣшокъ (саба) съ кумызомъ и мясо ягненка; жена совѣтуетъ мужу отдохнуть на этомъ мѣстѣ три дня. Черезъ три дня Ирѣ-Госай поѣхалъ далѣе. Проѣхавъ три дня, нашелъ другую бумагу на палкѣ; по письму и на этомъ мѣстѣ нашелъ зарытые въ землю мѣшокъ съ кумызомъ и мясо ягненка. Онъ тутъ пробылъ три дня, какъ было велѣно въ письмѣ, пилъ и ѣлъ и поѣхалъ далѣе. Проѣхавъ три дня, наѣхалъ на третью бумагу на палкѣ; опять въ письмѣ сказано, что и на этой землѣ зарыты мѣшокъ съ кумызомъ и мясо ягненка; жена совѣтуетъ и тутъ пробыть три дня и сообщаетъ, что враги приблизились уже къ своимъ мѣстамъ. Сдѣлавъ на этой землѣ трехдневный отдыхъ, Ирѣ-Госай поѣхалъ далѣе и догналъ враговъ, когда они уже достигли до своихъ мѣстъ. Ирѣ-Госай притворился простымъ странникомъ (джылаушы) и сталъ искать свою жену, но не могъ ее найти. Однажды ночью онъ увидѣлъ въ серединѣ вражескаго народа лежащихъ верблюдовъ; они лежали, образуя кругъ. Онъ подумалъ, что его жена должна быть среди этихъ верблюдовъ. Въ серединѣ круга была яма. Когда онъ хотѣлъ пройти внутрь верблюжьего круга, верблюды заревѣли. Тогда онъ превратился въ сову и между верблюдами проскользнулъ внутрь круга, и подъ тѣмъ же видомъ совы спустился въ яму. Въ ямѣ онъ нашелъ свою жену и вдвоемъ стали совѣтоваться. Онъ спросилъ жену о силахъ Кобланды; она сказала, что Кобланды Каракыпчакъ—очень сильный человекъ. „Ихъ много, ты одинъ, говоритъ она. Твоя побѣда зависитъ отъ твоей силы“.—Если Богъ дастъ силы, отвѣчаетъ Ирѣ-Госай, то я не боюсь ихъ; я преодолѣю ихъ. „Сначала выведи меня отсюда, просить жена, а потомъ войи съ ними. А то во

время битвы ты не найдешь меня". Ирѣ-Госай вывелъ свою жену изъ колодезя. Когда они проходили мимо верблюдовъ, верблюды опять заревѣли. Когда Ирѣ-Госай и его жена сѣли на лошадей, враги узнали, что Ирѣ-Госай пріѣхалъ; Ирѣ-Госай и жена поѣхали, враги погнались за ними; кто изъ нихъ догонитъ, всѣхъ Ирѣ-Госай истреблялъ. Наконецъ, догналъ его самъ Кобланды Кара-кыпчакъ. Они пустили другъ въ друга пики. Жена увидѣла, что они бьются, и сказала: „Покорюсь тому, кто побѣдитъ“. Семь дней Ирѣ-Госай и Кобланды сражались и саблями и пиками и не могли одолѣть другъ друга. Послѣ семи дней Ирѣ-Госай воткнулъ пику въ Кобланды, поднялъ его на пикѣ вверхъ и спросилъ: „Въ какомъ ты положеніи, батырь?“ Кобланды отвѣтилъ: „Я нахожусь выше тебя“. Тогда Ирѣ-Госай ткнулъ тупымъ концомъ пики въ землю; пика проколола тѣло Кобланды насквозь. Опять Ирѣ-Госай спросилъ своего супротивника: „Теперь каково твое положеніе, батырь?“—Все-таки стою выше тебя, отвѣтилъ Кобланды. Снова Ирѣ-Госай торнулъ тупымъ концомъ пики въ землю; тогда ноги Кобланды дошли до земли. Опять спросилъ: „Теперь въ какомъ положеніи (*инде калай сенъ*)?“—Теперь съ тобой вровень, отвѣтилъ Кобланды. Тогда Ирѣ-Госай сталъ бороться съ Кобланды; Ирѣ-Госай выдернулъ пику, и они боролись три дня и три ночи. Черезъ три дня Ирѣ-Госай свалилъ Кобланды Кара-кыпчака и отрубилъ ему голову. Весь народъ Кара-Кыпчаковъ покорился Ирѣ-Госаю. Такимъ образомъ Ирѣ-Госай отмстилъ за кровь отца. Оставшихся въ живыхъ людей своего отца Ирѣ-Госай вернулъ въ свое мѣсто, самъ съ женой возвратился домой и поздоровался со своимъ народомъ.

Війсимбе.

Вариантъ у Радлова: Proben, III, 112 (Eg Kökschü). О географическомъ распространеніи имени Гокше, Гокче, Кокочу и т. п. формъ въ турецкомонгольскомъ мірѣ и разнообразномъ приложеніи этого имени (въ числѣ звѣздъ, въ числѣ легендарныхъ лицъ, въ именахъ поколѣній, въ именахъ предковъ) см. Танг.-тиб. окраина Китая, II, 119 и 120, Вост. мотивы, 71, 628, 679. Въ Акмолинской области одна горная группа носитъ имя Кокче-тау, „гора Кокче“.

Въ Танг.-тиб. окраинѣ, II, 120, мною указаны нѣкоторыя совпаденія этой киргизской сказки съ монголотибетской повѣстью о Гэсэрѣ. Мѣсто о невѣстѣ, угрожающей кумызомъ гостей, въ числѣ которыхъ находится и неузнаваемый никѣмъ ея женихъ Госай, ср. съ мѣстомъ въ монгольской повѣсти о Рогмо-гоа, обносящей виномъ гостей, въ средѣ которыхъ находится неузнаваемый ея женихъ Гэсэръ (Танг.-тиб. окр., II, 9).

Въ сказкѣ барабинцевъ Кѣдѣнъ-ханъ пронзаетъ пикой Акъ-Кобокъ, подобно Ирѣ-Госаю, который вдѣваетъ на пику своего врага Кобланды; Кѣдѣнъ-ханъ трясетъ пику, и Акъ-Кобокъ скользитъ по ней внизъ (Radloff, Proben, IV, 69). На параллели въ сибирско-турецкихъ сказкахъ объ Акъ-Кобокѣ съ монгольской повѣстью о Гэсэрѣ указано въ Танг.-тиб. окраинѣ, II, 120—122.

Верблюды, лежащія кольцомъ и не допускающіе внутрь круга, гдѣ заточена жена Ирѣ-Госая, повидимому, на мѣстѣ обложного змѣя другихъ сказокъ (между прочимъ, въ сказкѣ объ Ирѣ-Тушлюкѣ, записанной Радловымъ, Proben, IV, 451).

Группировка въ кругъ иногда сводится съ представлениемъ о Плеядахъ (по сѣверокавказскому представлению, Плеяды—кругъ изъ пирующихъ нартовъ; Очерки сз. Монг., IV, 730). Жена Ирѣ-Госая находится на днѣ ямы, подобно тому какъ дѣвица Кунерѣ-сулу, которую отыскиваетъ Ирѣ-Тушлюкъ, находится подъ землей. Какъ жена Ирѣ-Госая даетъ ему совѣты, какъ ее освободить, такъ и Кунерѣ-сулу помогаетъ Ирѣ-Тушлюку своими указаніями.

Сказка объ Акѣ-Кобокѣ и Кѣдонѣ была, повидимому, извѣстна половцамъ и отъ нихъ попала въ одну египетскую лѣтопись (Акѣ-Кубулъ, Акѣ-Кибякъ и Котянъ, отецъ Манкуша; Танг.-тиб. окр., II, 121). Мусульманскій лѣтописецъ Ибнъ-Халдунъ предполагаетъ, что Манкушъ былъ кыпчакъ, а Акѣ-Кибякъ—татаринъ; киргизская сказка батыря Кобланды называется кара-кыпчакомъ.

13. Ерѣ-Тюстюкъ.

1. Въ одно время жилъ Булатъ-пай. У него было девять тысячъ лошадей и девять сыновей. Лошади его ѣли людей, не трогали только своихъ хозяевъ¹. Поэтому народъ избѣгалъ Булатъ-пая. Булатъ-пай, не желая потерять лошадей и жалѣя ихъ болѣе, чѣмъ сыновей, взялъ сто лошадей и уководвалъ, а сыновей и остальныхъ лошадей оставилъ на мѣстѣ. Удаляясь, онъ остановился на одномъ мѣстѣ со своимъ элемъ (поколѣніемъ). Однажды онъ хотѣлъ осмотрѣть своихъ лошадей; когда онъ подѣхалъ къ нимъ, онѣ улетѣли подобно птицамъ². Когда онъ убѣдился въ невозможности остановить лошадей, онъ ухватился за хвостъ одной сѣрополосатой кобылы, поймалъ ее и привелъ домой. Тогда его семидесятилѣтняя жена забеременѣла, и захотѣлось ей съѣсть тюстюкъ³ этой кобылы. Кобылу зарѣзали, тюстюкъ зажарили, и она его съѣла. Когда дошло время, она родила сына⁴. Его назвали Ерѣ-Тюстюкъ.

Онъ сталъ быстро расти; въ день онъ вырасталъ столько, сколько другіе въ годъ. У Булатъ-пая скота не было, и потому онъ кормилъ семью охотой. „Эль“ откочевалъ отъ него, и потому онъ и его семья остались одни. Въ то время въ одномъ „эль“ былъ той, пирѣ. Ерѣ-Тюстюкъ, несмотря на то, что родители не велѣли ему туда ходить, пошелъ на пирѣ. Никто не обратилъ на него вниманія; онъ съѣлъ у двери. Ему дали легкое, печень и ножки бараньи, но онъ ихъ не ѣсть. Одинъ человекъ, замѣтивъ это, говоритъ: „Отецъ его—бѣдный, почему бы ему не ѣсть печень и ножки? Лучше бы онъ отправился отыскивать девять тысячъ лошадей и своихъ девять братьевъ“. Когда Ерѣ-Тюстюкъ пришелъ домой, онъ сталъ допытываться у своихъ ро-

¹ Вар.: лошади не ѣли, а только топтали людей.

² Вар.: не улетѣли, а убѣжали.

³ Тюстюкъ—„грудинка“.

⁴ Вѣроятно, жена Булатъ-пая сначала съѣла „тюстюкъ“, а потомъ уже забеременѣла.

дителей, были ли у него братья, были ли у них лошади. Сидя между родителями, онъ сильно прижалъ ихъ ляшки, принуждая ихъ сказать истину. Тогда они, не стерпя боли, сказали, что было у него девять братьевъ и что у нихъ было девять тысячъ лошадей, которыя ѣли людей, почему они и бѣжали отъ этихъ лошадей, а братья остались на мѣстѣ, и они не знаютъ, живы ли они. Еръ-Тюстюкъ хотѣлъ ѣхать искать ихъ, но отецъ не позволилъ ему. Несмотря на то Еръ-Тюстюкъ заготовилъ родителямъ запасы, набилъ мараловъ и кулановъ, а самъ отправился.

Черезъ нѣкоторое время онъ дошелъ до пастуховъ. Онъ спросилъ у нихъ, не знаютъ ли они о его братьяхъ и лошадяхъ. Пастухи сказали, что въ одномъ аулѣ устраивается пиръ и что тамъ сидятъ его братья. Когда Еръ-Тюстюкъ пришелъ въ этотъ аулъ, онъ увидѣлъ въ одномъ мѣстѣ девять связанныхъ полосатыхъ жеребцовъ и девять полосатыхъ жаргаковъ (шубъ). Они сидѣли въ одной юртѣ; въ ту же юрту зашелъ и Еръ-Тюстюкъ и усѣлся у дверей; ему дали кое-что мясное. Братья собрались уѣхать; не дождались до конца тоя и уѣхали. Еръ-Тюстюкъ пошелъ за ними. Они доѣхали до своихъ лошадей. У нихъ было девять кошей. Когда Еръ-Тюстюкъ приблизился къ табунамъ, къ нему подбѣжалъ рыжий жеребецъ, имѣвшій восемь ногъ. Тогда Еръ-Тюстюкъ сказалъ ему: „Если ты скотъ, приобрѣтенный честно, то понюхай мою грудь и уходи, а если не честно приобрѣтенный, то съѣшь меня!“ Потомъ, проходя среди лошадей, онъ подошелъ къ девяти кошамъ; вошедши въ кошъ, онъ сказалъ братьямъ, что онъ—нищій, ищетъ какое-нибудь мѣсто, хочетъ быть кому-нибудь братомъ. Первый, второй, третій и другіе не приняли его; принялъ его только младшій, который сказалъ: „Богатства хватитъ и мнѣ и тебѣ“. Тогда девятеро братьевъ хотѣли устроить „той“; у нихъ была гнѣдая кобыла, которую они не могли поймать. Они велѣли поймать ее Еръ-Тюстюку. Еръ-Тюстюкъ петлей такъ ловко поймалъ ее, что у ней оторвалась голова. Ее зарѣзали, мясо сварили и съѣли. Потомъ они спрашиваютъ Еръ-Тюстюка, кто онъ такой, какого онъ эля. Еръ-Тюстюкъ говоритъ: „Былъ прежде Булатъ-пай съ девятью тысячами лошадей и съ девятью сыновьями. Оставивъ ихъ, онъ укочевалъ со ста лошадьми, но эти сто улетѣли. Теперь у него ничего нѣтъ. Я—его сынъ Еръ-Тюстюкъ“. Тогда братья признали его и расплакались. Тогда Еръ-Тюстюкъ сказалъ имъ: „Эль откочевалъ отъ нашихъ родителей; можетъ-быть, они голодаютъ. Нужно вернуться къ нимъ“. Еръ-Тюстюкъ съѣлъ на рыжаго жеребца съ семью ногами и поѣхалъ впереди играя на сыбызгѣ¹, а братья погнали скотъ за нимъ. Еръ-Тюстюкъ пріѣхалъ домой за недѣлю ранѣе и покормилъ родителей. Братья пріѣхали потомъ. Булатъ-пай поставилъ юрту и сдѣлался богачемъ;

¹ Сыбызга—„дудка“, „свирѣль“.

у Булатъ-пая стало десять сыновей. Они захотѣли искать десять дѣвиць. Дѣти посадили отца на полосатаго жеребца съ шестью ногами и послали искать десять дѣвиць, чтобъ все десять были дочери одного отца. Булатъ-пай поѣхалъ. Много времени онъ проѣздилъ, не нашелъ дѣвиць и вернулся домой. Его отправили въ другую сторону. На пути онъ встрѣтилъ одну старуху; она позвала Булатъ-пая къ себѣ. Сначала онъ не пошелъ къ ней, но потомъ одумался и зашелъ въ ея юрту. Старуха дала ему пить. Булатъ-пай выпилъ, упалъ и умеръ, но потомъ опять ожилъ и всталъ. Старуха спрашиваетъ его: „Куда ѣдешь?“ Булатъ-пай отвѣчаетъ: „Ищу десять невѣстъ для десяти своихъ сыновей“. Старуха сказала ему, что въ такомъ-то мѣстѣ есть богатый человекъ, у котораго есть десять дочерей. Булатъ-пай отправился къ этому человекъ; пріѣхалъ къ нему, разговорились. Булатъ-пай посватался. Потомъ Булатъ-пай вернулся и опять поѣхалъ къ этому человекъ уже вмѣстѣ съ девятью сыновьями; Еръ-Тюстюкъ остался дома. Булатъ-пай взялъ дѣвиць; младшую изъ нихъ звали Кенджекей. Дѣвицы взяли у своего отца лошадь Шаль-гуйрукъ, бѣлую верблюдицу и бѣлую кольчугу (ак сымал). Поѣхали съ Булатъ-пая въ его домъ. Опять проѣхали мимо той старухи; старуха позвала къ себѣ Кенджекей, но та не пошла. Старуха сказала ей, что впереди есть дерево Бай-Терекъ, возлѣ котораго не слѣдуетъ останавливаться. Когда подѣхали къ дереву, Булатъ-пай не послушался совѣта старухи и остановился у дерева. Когда онъ поилъ лошадей, онъ увидѣлъ на поверхности воды легкое (ѳпкѳ); онъ ударилъ по нему длинной палкой. Тогда легкое схватило его за бороду и превратилось въ старуху (кемпір). Булатъ-пай проситъ старуху отпустить его; старуха соглашается, если только онъ отдастъ ей Еръ-Тюстюка. Тогда Булатъ-пай отдалъ ей золотую бабку (алтын сака) Еръ-Тюстюка. Когда они все пріѣхали домой, Кенджекей спросила Еръ-Тюстюка: „Гдѣ ваша золотая бабка?“ Тогда Булатъ-пай сказалъ: „Можетъ-быть, осталась около дерева Бай-Терека“. Кенджекей сказала Еръ-Тюстюку: „Дорогой мы видѣли дерево Бай-Терекъ, около котораго старуха не велѣла останавливаться, но отецъ остановился. Онъ хочетъ тебя погубить“. Она дала ему бѣлую кольчугу, онъ сѣлъ на Шаль-гуйрука и поѣхалъ. Кенджекей сказала верблюдицѣ, чтобъ она принесла верблюженку, когда Еръ-Тюстюкъ умретъ или когда онъ пріѣдетъ. Дорогой Шаль-гуйрукъ говоритъ Еръ-Тюстюку: „Около дерева сидитъ старуха, у которой находится золотая бабка“. Еръ-Тюстюкъ нашелъ старуху, около которой лежала золотая бабка. Еръ-Тюстюкъ подѣхалъ, схватилъ золотую бабку и убѣжалъ. Старуха погналась за нимъ, ударила его саблей (кльч) и отрубила уши у Шаль-гуйрука. Въ другой разъ ударила саблей и отрубила коню хвостъ. Тогда Шаль-гуйрукъ сильно пустился бѣжать, упалъ въ яму и очутился подъ землей; тамъ было восемьдесятъ старухъ (сексен кемпир). Старухи пустили змѣй;

Ерь-Тюстюкъ не испугался. Старухи увидѣли, что онъ—храбрый человекъ. Старухи сказали, что есть ханъ съ золотой косою; онъ велѣли Ерь-Тюстюку принести косу этого хана,—тогда онъ отпустить его. Ерь-Тюстюкъ отправился добывать косу хана. На пути онъ встрѣтилъ человекъ, который поднималъ гору. Они сдѣлались товарищами и поѣхали вмѣстѣ. Встрѣтили человекъ, который забиралъ въ ротъ всю воду озера, рыбу удерживалъ во рту и съѣдалъ, а воду опять выплевывалъ. И этого Ерь-Тюстюкъ взялъ въ товарищи. Потомъ встрѣтили одного человекъ, который могъ узнавать судьбу человекъ; этого сдѣлали своимъ товарищемъ. Четверо товарищей поѣхали вмѣстѣ и пріѣхали въ „эли“ хана. Остановились у него и потребовали дѣвицу. Ханъ осердился и посадилъ ихъ въ желѣзный домъ; привезли сорокъ возовъ сексеуля ¹, обложили этими дровами домъ и зажгли огонь. Когда стало жарко, одинъ изъ товарищей выпустилъ воду, которая была забрана имъ въ ротъ. Люди хана заглянули внутрь желѣзнаго дома, хотѣли выбросить ихъ трупы, но нашли ихъ живыми. Послѣ того ихъ помѣстили въ другой желѣзный домъ и волшебствомъ спустили на нихъ сверху желѣзо. Эту опасность узналъ тотъ товарищъ, который предугадывалъ судьбу человекъ. Тогда силачъ-товарищъ поддержалъ падающую на ихъ голову гору. Такимъ образомъ, они опять спаслись. Царь еще болѣе осердился. Тогда ханъ велѣлъ доставить котель, хранившійся на днѣ колодезя. Четверо товарищей отправились къ колодезю; одинъ изъ нихъ спустился въ колодезь и привязалъ котель къ веревкѣ, другіе за веревку вытащили котель. Принесли котель хану и потребовали, чтобъ ханъ выдалъ дочь. Ханъ согласился выдать дочь, сдѣлалъ большой „той“, отдалъ за дочерью много имущества и самъ поѣхалъ провожать дочь на двухдневное разстояніе. Когда ханъ хотѣлъ проститься, Ерь-Тюстюкъ отрубилъ ему голову. Потомъ Ерь-Тюстюкъ оставилъ ханскую дочь своимъ товарищамъ, а голову хана повезъ восьмидесяти старухамъ. Старухи отправили его въ сторону „кыбла“ ².

Ерь-Тюстюкъ сильно усталъ, отпустилъ лошадь и легъ подъ деревомъ Бай-Терекъ; тутъ онъ увидѣлъ на вершинѣ дерева дѣтенышей птицы „Алыпъ-кара-гушъ“, которые плакали. Ерь-Тюстюкъ спрашиваетъ ихъ, почему они плачутъ. Тѣ отвѣчаютъ, что въ эту ночь съѣсть ихъ драконъ (аждагар). Драконъ приближается съ пискомъ; Ерь-Тюстюкъ разсѣкъ его саблей пополамъ. Драконъ умеръ, дѣтеныши обрадовались. Они сказали Ерь-Тюстюку, что скоро прилетитъ ихъ мать и что передъ ея прилетомъ бываетъ страшная буря. Прилетѣла птица Алыпъ-кара-гушъ и начала кормить дѣтей поочереди (кезек-мезек). Сидя въ гнѣздѣ, птица говорить дѣтямъ, что она слышитъ человекъ-

¹ Дерево, растущее въ пустынѣ, Haloxylon Ammodendron.

² „Кыбла“—направленіе въ сторону Мекки.

ческий запахъ. Тогда дѣтеныши велѣли ей посмотрѣть внизъ. Она взглянула и увидѣла убитаго дракона. Потомъ они показали ей Ерѣ-Тюстюка. Она проглотила его и снова отрыгнула¹. Потомъ спрашиваетъ его, кто онъ такой. Онъ разсказалъ ей все и просилъ ее вынести его на поверхность земли. По ея требованію, Ерѣ-Тюстюкъ выставилъ ей девяносто жаворонковъ (то нашá) и девяносто сосудовъ (саба) воды. Они полетѣли. Когда стали приближаться къ поверхности земли, у него корму для птицы нѣ хватило. Онъ вырѣзалъ мясо отъ своихъ ляшекъ и далъ ей. Наконецъ они вышли на землю, и Ерѣ-Тюстюкъ обрадовался. Птица спросила его: „Что это было за мясо, которое ты далъ мнѣ въ послѣдній разъ?“ Ерѣ-Тюстюкъ сказалъ, что это мясо онъ отрѣзалъ отъ своихъ ляшекъ. Птица выплюнула это мясо назадъ, и ляшки Ерѣ-Тюстюка снова сдѣлались цѣлыми. Птица дала ему свое перо.

Ерѣ-Тюстюкъ отправился далѣе. Онъ пріѣхалъ къ одной юртѣ, нашелъ въ ней одну красивую женщину и остановился въ ея юртѣ. Онъ спросилъ ее, есть ли у нея мужъ. Она сказала, что есть и что онъ на охотѣ. Когда мужъ вернулся, онъ спросилъ Ерѣ-Тюстюка, кто онъ такой. Ерѣ-Тюстюкъ сказалъ, что онъ—нищій. Боясь Ерѣ-Тюстюка, мужъ женщины вырылъ въ степи яму, переставилъ на нее свою юрту и уронилъ Ерѣ-Тюстюка въ яму, а самъ откочевалъ. Ерѣ-Тюстюкъ остался въ ямѣ. Онъ забылъ о птицѣ Алыпъ-кара-гушѣ. Много времени спустя онъ нашелъ перышко, данное ему птицей и сжегъ его. Въ то же мгновеніе птица явилась, упрекнула его, что онъ раньше объ ней не вспомнилъ, и выпесла его изъ ямы. Прибѣжалъ Шаль-гуйрукъ, птица улетѣла, а Ерѣ-Тюстюкъ поѣхалъ своей дорогой. Черезъ много времени онъ пріѣхалъ домой, превратился въ захудалаго парня (джаман бала) и вошелъ въ домъ. Дома никто не узналъ его, только бѣлая верблюдица принесла жеребенка. Всѣ легли спать. Кенджекей плачетъ. Вдругъ она выскочила изъ юрты, увидѣла Шаль-гуйрука и сразу узнала его, закричала отцу: „Смотри на гостя!“ Отецъ посмотрѣлъ на него и узналъ въ немъ своего сына. Всѣ бросились другъ къ другу и поздоровались.

Харькѣ.

2. Въ прежнее время былъ бай Токпай-бай. Было у него девять сыновей и девять тысячъ лошадей. Гдѣ эти лошади прошли, тамъ оставались рвы отъ ихъ копытъ. Девять сыновей угнали этихъ лошадей въ одну сторону. (Въ ихъ отсутствіе) ихъ мать забеременѣла и захотѣла ѣсть то, что висѣло въ юртѣ на чангаракѣ². Это, оказалось, былъ лошадиный тюстюк (грудина). Съѣвши это, она родила сына,

¹ Такимъ дѣйстви́емъ женщины въ киргизскихъ сказкахъ усыновляютъ чужихъ дѣтей.

² Чангарак—деревянный кругъ, который образуетъ крышу юрты.

которому дали имя Ирѣ-Тюстюкъ. Началь расти Ирѣ-Тюстюкъ; надо бы цѣлый годъ расти, онъ столько вырасталъ въ одинъ день. Играя въ бабки, онъ каждый разъ обыгрывалъ одного паршиваго парня (тасча-бала). Тотъ разсердился на Ирѣ-Тюстюка и сказалъ: „Чѣмъ обижать меня и отбирать у меня девять мѣшковъ бабокъ, лучше бы тебѣ отыскать своихъ братьевъ!“ Ирѣ-Тюстюкъ говоритъ паршивому: „Правда ли то, что ты говоришь? Если правда, то я отдамъ тебѣ всѣ свои бабки. Скажи истину!“ Паршивый рассказалъ ему, что у него было девять братьевъ, которые откочевали куда-то и угнали девять тысячъ лошадей, и гдѣ они теперь, неизвѣстно. Ирѣ-Тюстюкъ отдалъ ему всѣ свои бабки, въ томъ числѣ и золотую бабку.

Тогда Ирѣ-Тюстюкъ вернулся домой и спросилъ у своей матери, правда ли это? Она не сказала. Тогда онъ попросилъ мать сварить пшеницу; когда она сварила, онъ прижалъ ея руки къ котлу и держалъ до тѣхъ поръ, пока она не рассказала ему все, какъ было. Тогда Ирѣ-Тюстюкъ пѣшкомъ отправился искать братьевъ, засунувъ полы за поясъ. Сколько дней, сколько ночей шелъ, дошелъ до аула, въ которомъ устранивался „той“, пирь. Онъ замѣтилъ тутъ девять молодцовъ, сидѣвшихъ на девяти чернобурыхъ иноходцахъ и одѣтыхъ въ чернобурыя шубы (джаргак). Когда толпа стала смѣяться надъ девятью молодцами, что они не имѣютъ ни родителей ни родни, а только занимаются пастьбой скота, тогда онъ понялъ, что это—его братья. Тогда онъ отправился въ кошъ братьевъ и тамъ ѣлъ у нихъ остатки мяса¹. Ирѣ-Тюстюкъ оказался такимъ обжорой, что каждый день съѣдалъ по цѣлой лошади. Старшій братъ не влюбилъ его и передалъ его въ кошъ слѣдующаго по возрасту брата. Тотъ тоже не влюбилъ и переселилъ его въ кошъ третьяго по порядку. Такъ Ирѣ-Тюстюкъ переходилъ изъ коша въ кошъ отъ одного брата къ другому, пока, наконецъ, не поселился у самаго младшаго. Младшій зарѣзалъ нѣсколько лошадей и позвалъ братьевъ въ гости. Онъ сказалъ братьямъ, что гость походить на нихъ, и онъ подозрѣваетъ что-то. Ирѣ-Тюстюкъ признался, что онъ—братъ ихъ и родился безъ нихъ. Тогда всѣ заплакались. Ирѣ-Тюстюкъ сталъ упрекать ихъ, почему они не возвращаются домой; безъ нихъ родители обѣднѣли. Тогда братья рѣшились вернуться домой.

Въ ихъ табунѣ были полосатый жеребецъ шестидесяти сажень длиной (алтпыс кулаш айгыр) и полосатая кобыла сорокъ сажень длиной (кырк кулаш біэ). Ирѣ-Тюстюкъ укротилъ этихъ лошадей и сѣлъ на нихъ. Отправились и всѣ пріѣхали домой, нашли родителей и устроили „той“. Старшій братъ обратился къ отцу съ просьбой, чтобъ онъ женилъ его и его братьевъ. Отецъ сказалъ, что онъ и самъ думалъ уже искать для нихъ десять сестеръ. Отецъ отпра-

¹ Остатки отъ пищи отдаются странникамъ.

вился искать. Дорогой онъ остановился переночевать въ юртѣ одного рыбака (балыкчы). Онъ увидѣлъ на одной сторонѣ юрты пять висѣщихъ шапокъ и заплакалъ, взглянулъ на другую сторону юрты, увидѣлъ еще пять висѣщихъ шапокъ и засмѣялся. Когда жена рыбака спросила его, почему онъ, взглянувъ въ одну сторону, заплакалъ, а, взглянувъ въ другую, засмѣялся, отецъ десяти сыновей сказалъ, что онъ ищетъ для своихъ сыновей десять невѣстъ, десять сестеръ и, увидѣвъ сначала только пять повѣшенныхъ шапокъ, огорчился, потому что подумалъ, что пяти сестеръ не хватаетъ, а когда увидѣлъ еще пять шапокъ, обрадовался и засмѣялся. Жена рыбака сказала ему, что и ея мужъ тоже уѣхалъ искать для своихъ дочерей десять сыновей одного отца. Послѣ этого тотчасъ вернули рыбака домой. Тогда же сговорились родители, и рыбакъ отдалъ всѣхъ своихъ дочерей. Бай взялъ ихъ и отправился домой. Дорогой младшая сестра Кенджекей сказала баю: „На ночлегъ нужно остановиться на возвышенномъ, безводномъ мѣстѣ“. Бай осердился, не согласился остановиться на мѣстѣ безъ воды, и остановился у воды. Когда онъ подошелъ къ водѣ, видитъ—на ней плаваетъ легкое. Когда онъ ударилъ его, легкое превратилось въ старуху (кемпір) съ семью головами, которая взяла его за горло и стала душить. Старикъ обѣщаль отдать ей всѣхъ своихъ лошадей. Она не согласилась. Онъ предложилъ ей своихъ девять сыновей. И на это не согласилась. Наконецъ, онъ пообѣщаль отдать ей своего младшаго сына Ирѣ-Тюстюка и сказалъ, что онъ оставитъ ей свою золотую бабку, за которой долженъ будетъ пріѣхать Ирѣ-Тюстюкъ. Пріѣхавъ домой, бай устроилъ „той“ и роздалъ дѣвицъ своимъ сыновьямъ. Тогда Ирѣ-Тюстюкъ спросилъ у отца свою золотую бабку. Отецъ сказалъ, что она осталась на мѣстѣ ночлега. Ирѣ-Тюстюкъ собрался ѣхать за золотой бабкой. Кенджикей посоветовала ему сѣсть на бѣлую лошадь Шаль-гуйрукъ, взять бѣлую саблю (Акъ-полат) и бѣлую кольчугу (Акъ-сырмал). На пути Шаль-гуйрукъ говоритъ Ирѣ-Тюстюку: „На мѣстѣ юрты сидитъ кемпир-джалмаус (старуха-людоѣдъ) съ семью головами!“ Когда Ирѣ-Тюстюкъ пріѣхаль на мѣсто ночлега, онъ увидѣлъ старуху джалмаус и потребоваль золотую бабку. Джалмаус сказала: „Когда я сижу, не могу встать; когда встану, то не могу сѣсть!“ Тогда Шаль-гуйрукъ сдѣлался выше бетеге¹ и ниже травы джусан². Тогда Ирѣ-Тюстюкъ схватилъ золотую бабку (алтын сака) и побѣжаль. Кемпир-джалмаус махнула саблей, но ничего не могла сдѣлать. Ирѣ-Тюстюкъ обернулся назадъ и началъ биться со старухой джалмаус. Старуха не выдержала, и побѣжала; Ирѣ-Тюстюкъ погнался за ней. Оба провалились подъ землю. Шаль-гуйрукъ оставилъ Ирѣ-Тюс-

¹ Бетеге—кипець, *Festuca ovina*.

² Джусан—попынь.

тюку одинъ волосокъ и удалился. Ирѣ-Тюстюкъ пошелъ пѣшкомъ. Дорогой онъ встрѣтилъ человѣка, который бьетъ одной горой по другой. Они сдѣлались товарищами и пошли вмѣстѣ. Потомъ они встрѣтили человѣка, берущаго въ ротъ воду цѣлаго озера. И этотъ человекъ сталъ ихъ товарищемъ и пошелъ вмѣстѣ. Еще встрѣтили человека, который такъ быстро бѣгалъ, что пѣшкомъ ловилъ звѣрей. И онъ пошелъ вмѣстѣ съ ними. Еще встрѣтили человека, который могъ слышать звуки на большомъ разстояніи. И онъ пошелъ съ ними. Всѣ вмѣстѣ пріѣхали въ аулъ Ульмисъ-хана и сказали ему, что будто у него въ аулѣ укрылся человекъ, который бѣжалъ отъ нихъ и за которымъ они гнались. Ирѣ-Тюстюкъ узналъ, что всѣ товарищи, которые присоединились къ нему на дорогѣ, были посланы ему навстрѣчу дочерью Ульмисъ-хана, которая была влюблена въ него. Ирѣ-Тюстюкъ и его товарищи потребовали, чтобы Ульмисъ-ханъ выдалъ имъ свою дочь. Ульмисъ-ханъ отвѣтилъ, что если они одержатъ верхъ надъ его „балваномъ“ (силачемъ), то онъ выдастъ ее. Ирѣ-Тюстюкъ выслалъ на поединокъ съ ханскимъ „балваномъ“ того товарища, который горой билъ о гору, и ханскій балванъ былъ побѣжденъ. Тогда ханъ сказалъ, что онъ отдастъ дочь, если они побѣдятъ его бѣгунца. Ханъ выставилъ старуху¹, а Ирѣ-Тюстюкъ того человека, который бѣгалъ за звѣрями. Когда и старуха была побѣждена, ханъ посадилъ Ирѣ-Тюстюка съ товарищами въ желѣзный домъ (темир ѳй) и велѣлъ обложить домъ огнемъ. Когда желѣзный домъ раскалился, человекъ, вбравшій въ свой ротъ озеро, выпустилъ воду. Вода затушила огонь и стала разливаться по степи; ханъ испугался этого наводненія и пообѣщавъ отдать дочь. Онъ сказалъ: „Поговорите съ дочерью, согласна ли она“. Ирѣ-Тюстюкъ спросилъ у товарища, у котораго былъ необыкновенный слухъ: „Гдѣ находится дѣвица?“ Тотъ прислушался и сказалъ, что она находится подъ землей. Ирѣ-Тюстюкъ взялъ дѣвицу и отправился домой. Объ этомъ узналъ племянникъ великана Чоюнъ-гулака. Чоюнъ-гулакъ отправился на дорогу поджидать бѣдущаго Ирѣ-Тюстюка; онъ ждалъ его у озера. Когда Ирѣ-Тюстюкъ подъѣхалъ къ озеру, Чоюнъ-гулакъ сказалъ ему о себѣ, что онъ — нищій (каиршы) и привезъ Ирѣ-Тюстюка въ свой домъ. Жена Чоюнъ-гулака сказала Ирѣ-Тюстюку, что Чоюнъ-гулакъ — нехорошій человекъ. Черезъ два дня послѣ этого Ирѣ-Тюстюкъ и Чоюнъ-гулакъ вступили въ бой. Ирѣ-Тюстюкъ одержалъ верхъ, но сабля не беретъ Чоюнъ-гулака. Когда Ирѣ-Тюстюкъ усталъ, Чоюнъ-гулакъ повалилъ его и взялъ его жену. Лошадь Шаль-гуйрукъ убѣжала и рассказала товарищамъ Ирѣ-Тюстюка. Друзья пришли къ нему, нашли его чуть живымъ и спасли его отъ смерти. Черезъ нѣсколько дней Ирѣ-Тюстюкъ поправился. Ирѣ-Тюстюкъ потому не могъ побѣдить Шоюнъ-гулака²,

¹ Вѣроятно старуха была колдунья.

² Разказчикъ употреблялъ то форму Чоюнъ, то форму Шоюнъ.

что душа его была не въ его тѣлѣ, а въ другомъ мѣстѣ. У Шоюнъ-гулака былъ сынъ. Ирѣ-Тюстюкъ просилъ жену Шоюнъ-гулака сказать, гдѣ находится душа ея мужа. Жена Шоюнъ-гулака заставила плакать своего ребенка. Шоюнъ-гулакъ спрашиваетъ, отъ чего ребенокъ плачетъ. Она говоритъ: „Ребенокъ хочетъ присоединить свою душу къ душѣ Шоюнъ-гулака“. Шоюнъ-гулакъ разсердился и ничего не сказалъ. Жепщина снова заставила ребенка плакать. Снова Шоюнъ-гулакъ спрашиваетъ, отчего ребенокъ плачетъ, и женщина опять говоритъ, что онъ хочетъ соединить свою душу съ отцовской. Тогда Шоюнъ-гулакъ сказалъ: „Моя душа — на вершинѣ одной горы; тамъ на днѣ колодезя есть желѣзный ящикъ, а въ ящикѣ—четыре перепелки“. Ирѣ-Тюстюкъ поднялся на эту гору, нашель желѣзный ящикъ, вынулъ изъ него перепелокъ, троихъ убилъ, одну сохранилъ живой. Спустился съ горы, нашель Шоюнъ-гулака и убилъ четвертую перепелку; сталъ бороться съ Шоюнъ-гулакомъ и убилъ его. Потомъ пришелъ домой, собралъ своихъ друзей, жену Шоюнъ-гулака отдалъ „палвану“, остальнымъ роздалъ вещи и сталъ жить дома.

Абэ.

Сказка эта записана Радловымъ у тюменскихъ татаръ въ дер. Калмакларъ (Radloff, Proben, IV, 443). Герой называется Ирѣ-Тюшлюкъ. На мѣстѣ кемпирѣ-джалмауса—змѣя; подъ ея видомъ скрывается царь змѣй. Змѣя окружаетъ караванъ жениховъ и невѣсть и останавливаетъ его; она отказывается отъ всякихъ даровъ, требуетъ только одного Ирѣ-Тюшлюка. Онъ нуженъ потому, что онъ можетъ свергнуть съ змѣянаго царства иго, которое на него наложилъ насильникъ Барса-Кильмасъ. Ирѣ-Тюшлюкъ ѣдетъ къ Барса-Кильмасу съ товарищами; Барса-Кильмасъ убить, Ирѣ-Тюшлюкъ овладѣваетъ его дочерью, сидящей въ подземельи. Въ киргизскихъ вариантахъ нашего собранія эти отношенія кемпирѣ-джалмауса къ Ульмисъ-хану, который отвѣчаетъ здѣсь Барса-Кильмасу, не выяснены или забыты.

Вариантъ у Васильева (I. с., стр. 53—58) подъ именемъ „Караглышъ“. Пять братьевъ женятся на пяти дочеряхъ старухи Жалмаусъ-кемпирѣ. Поѣздъ съ невѣстами остановленъ змѣемъ аждагаромъ и отпущенъ подъ условіемъ, чтобы младшій братъ Караглышъ остался во власти аждагара. Змѣй поручаетъ Караглышу привезти „безсмертную дѣвицу“, ѳльмес-кыз, дочь одного хана. По дорогѣ за дѣвицей Караглышъ встрѣчаетъ людей: одинъ человекъ горы сдвигаетъ, другой озеро глотаетъ, третій слушаетъ, четвертый—стрѣлокъ, пятый—бѣгунъ; всѣ соединились и ѣдутъ шестеромъ на лошади Караглыша. Искусства, которыми владѣли товарищи, пригодились имъ при исполненіи ханскихъ порученій; подобно товарищамъ Ирѣ-Тюшлюка, они были посажены въ желѣзный домъ, стоявшій на горячихъ угляхъ.

Нѣкоторыхъ эпизодовъ, введенныхъ въ киргизскіе варианты сказки объ Ирѣ-Тюшлюкѣ или Ирѣ-Тюстюкѣ изъ другихъ сказокъ, въ вариантѣ Радлова нѣтъ.

Вынужденіе тайны нажимомъ ляшекъ или прижиманіемъ рукъ къ горячему котлу у Радлова отсутствуетъ, но въ сказкѣ барабинцевъ (Radloff, Proben, IV, 14) Козы Курпѣць зажимаетъ горсть своей матери съ горячимъ просомъ и заставляеть ее выдать тайну о назначенной ему невѣстѣ.

Черная птица Альпъ-кара-гушъ, вѣроятно, то же, что монгольская птица Ханъ-Гариде. Алтайскіе турки и сойоты знаютъ эту птицу подъ тѣмъ же име-

немъ, подъ которымъ она является въ монгольскихъ сказкахъ. Птенцы птицы Хань-Гариде (бурят. Хань-Хэрэгдэ) въ гнѣздѣ, спасенные отъ змѣи, въ бурятской сказкѣ (Хангаловъ, Балаганск. сборникъ, Томскъ, 1903, стр. 51); гнѣздо птицы Хань-Гариде съ яйцами въ тибетской сказкѣ моего собранія (Ж. С. 1912, стр. 421).

О душѣ не въ тѣлѣ, а внѣ его рассказываетъ дюрбютская сказка (Очерки, IV, 461); душа мангытхая содержится въ 12 большуха, т. е. въ 12 пташкахъ, корыя заперты въ двухъ ящикахъ; ящикъ заключенъ въ черномъ быкѣ, быкъ—въ двухъ мѣдныхъ домахъ, дома—въ ледяной горѣ, гора—посреди моря. Въ русскихъ сказкахъ этотъ мотивъ связанъ съ именемъ Коцея; его смерть—въ уткѣ, которая заперта въ ящикѣ; ящикъ—подъ дубомъ, который растетъ на островѣ среди океана.

Отгонъ табуновъ (этого мотива у Радлова нѣтъ) въ монгольской сказкѣ моего собранія: „Юсунь-Сульдэ“¹. Табуны отца, оставшагося на мѣстѣ, отогнаны не девятью сыновьями, а только однимъ, но число девять и въ монгольской сказкѣ не забыто; въ ней упоминается девять собакъ, девять птицъ и девять стрѣлъ; да и самъ герой отождествляется съ божествомъ Юсунь-Сульде, „девять бунчуковъ“. Можно предположить, что въ основѣ и монгольской и киргизской сказокъ лежитъ одна и та же девятичленная реальность, которая въ киргизской редакціи оформилась какъ девять отдѣльныхъ персонажей, а въ монгольской—какъ одинъ персонажъ.

Киргизскій вариантъ, напечатанный въ журналѣ „Сибирскіе Отголоски“ (Томскъ, 1906, № 5) г. Алеевымъ, служить переходомъ къ сказкѣ о мальчикѣ, спасающемся отъ злого существа на дерево. Джеты-бекъ подѣхалъ къ водѣ, увидѣлъ плавающее легкое, опкз, взялъ его въ руки, но оно начало расти и превратилось въ вѣдму, кара-кемпир („черная старуха“), которая начала душить Джетыбека и отпустила его только тогда, когда онъ пообѣщаль отдать ей сына Таттыбека. Чтобы передать его, Джетыбекъ скочуеъ и на пепелищѣ костра оставить золотую бабку, алтын сака. Таттыбекъ, хватившись бабки, возвращается на оставленное пепелище, видитъ старуху и просить ее отдать бабку, которую видитъ въ ея рукѣ. Старуха не можетъ отдать бабку, потому что если она встанетъ, то ей уже не сѣсть, а если она сядетъ, то не встать. Но и Таттыбекъ не можетъ слѣзть съ коня и подойти къ ней, потому что если онъ слѣзетъ, то ему не влѣзть, а если влѣзетъ, то не слѣзть². Таттыбекъ выхватываетъ бабку и убѣгаетъ. Далѣе эта сказка расходится со сказкой объ Ирѣ-Тюстюкѣ; дальнѣйшій рассказъ напоминаетъ русскія сказки объ Ивашкѣ (Аван., Н. Р. С., т. I, стр. 91). Таттыбекъ спасаясь отъ старухи, забирается на дерево; старуха, слѣлавъ топоръ изъ своего зуба, рубить дерево; лисица замѣняетъ ее съ умысломъ обмануть старуху и продлить время, чтобъ три собаки успѣли прибѣжать на выручку; Таттыбекъ обращается къ пролетающимъ тремъ голубямъ (въ русскихъ сказкахъ гуси) съ просьбой сказать собакамъ, что онъ въ опасности. По зову голубей собаки прибѣгаютъ и рвутъ старуху на части. Въ сказкѣ упоминаются три дѣвицы, дочери старухи, которыя живутъ въ отдѣльныхъ юртахъ въ трехъ отдѣльныхъ мѣстахъ; ихъ имена: Кунь-кызъ, Ай-кызъ и Джель-кызъ, дѣва Солнце, дѣва Мѣсяцъ и дѣва Вѣтеръ. О сказочной тріадѣ изъ дѣвицъ см. въ моей книгѣ: Восточн. мотивы, стр. 289; на мѣстѣ вѣтра въ якутской—дочь Плеядъ; въ сказкѣ минусинскихъ турковъ у Радлова (Proben, II, 114, 131—134)—дѣвица Алтынъ-Чюстюкъ. Три дѣвицы на пути героя сказки обыкновенно относятся къ нему благопріятно и иногда въ концѣ сказки выходятъ за него замужъ; въ бельгачской сказкѣ одна изъ

¹ Какъ упомянуто выше (стр. 80), монгольскій отдѣлъ собранныхъ мною сказокъ пока не изданъ.

² Гэсэръ, лежащій въ степи подъ видомъ ламы на дорогѣ, по которой проходятъ царевны, не хочетъ встать и говорить: Wenn ich stehe, kann ich mich nicht setzen; sitze ich aber, so kann ich nicht aufstehen“ (Die Thaten, 246).

трехъ какъ будто не симпатизируетъ герою. Ужь не онѣ ли являются въ концѣ сказки подъ видомъ трехъ голубей? Въ бурятской редакціи Гэсэриады три небесныя его сестры, являющіяся съ помощью въ критическіе моменты, называются Хонурь-бурханъ (Танг.-тиб. окр., II, 45 и др.). Въ сказкѣ объ Ирѣ-Тюсюкѣ трехъ благодѣтельныхъ дѣвицъ нѣтъ, но дочь Барса-Кильмаса называется Кунерь-Сулу.

У Васильева (I, с., 58) сказка „Алибекъ“ тождественна со сказкой, записанной г. Алеевымъ; Алибекъ видитъ плавающее на водѣ легкое, которое превращается въ Жалмаусь-кемпиръ; далѣе: оставленные на старой кочевкѣ бабки; старуха, если встанетъ, то не можетъ сѣсть; погоня старухи, потеря лошадыю одной ноги за другой; мальчикъ убѣгаетъ на быкъ, залѣзаетъ на дерево бай-герекъ; гусь даетъ вѣсть, прибѣгаютъ двѣ лошади и три собаки и выручаютъ мальчика.

Тотъ же зачинъ—опасный водоной, обѣщаніе отдать сына, золотая бабка (шягá), тѣ же рѣчи коварнаго существа, дерево, на которое спасается убѣгающій— въ монгольской сказкѣ, записанной около г. Хобдо (Очерки сз. Монг., IV, 348); на мѣстѣ Жалмаусь-кемпиръ въ монгольской шулумъ.

14. Алеуко-батырь, сынъ Алеке'я.

1. Былъ прежде бай; его звали Алеке. У него былъ сынъ Алеуко. (Али-үкѡ?) Этотъ Алеуко видитъ во снѣ дочь хана и влюбляется въ нее. Онъ отправляется искать ее. Ее сторожили сорокъ сторожей; Алеуко посредствомъ волшебства усыпилъ ихъ и пришелъ къ дѣвицѣ; въ головахъ и ногахъ у нея стояло по свѣчѣ; онъ переставилъ ихъ. Дѣвица проснулась, увидѣла, что свѣчи переставлены и велѣла убить сорокъ сторожей, а на ихъ мѣсто назначить другихъ. Алеуко и при новыхъ сторожахъ устроилъ то же самое, то же переставилъ свѣчи. Послѣ этого онъ явился къ ней, и она его полюбила. Она проситъ его отца¹ высватать ее; отецъ отказывается и говоритъ, что ханъ казнить его; ханъ осердится на то, что человекъ черной кости осмѣлился посвататься за его дочь. Алеуко говоритъ своему отцу, что если онъ не пойдетъ къ хану сватать дочь, онъ уйдетъ изъ дому. Тогда Алеке пошелъ къ хану; пришелъ и заплѣ:

Сен темір; сен темір болѣанда мен кѡмѡр.

Темірді ерткелі кельдім.

Экі уланның баласын кель-кель[?] кельдім.

— Ты желѣзо; ты желѣзо, а я уголь.

Я пришелъ расплавить желѣзо.

Я пришелъ соединить дѣтей двухъ взрослых².

Ханская дочь поетъ въ отвѣтъ:

Алма беръ мојнум талды гој, жігіт.

Аркам беръ менім жаурды гој, жігіт.

¹ Т. е. Алеке, отца Алеуко.

² Улан—слово неизвѣстное рассказчику. См. „Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій“ Радлова, I, 1681.

Тауға таман кашь, жігіт!
Карьке сокур джетеді гој, жігіт.
— Моя яблочная шея утомилась, мблodeць.
На моей спинѣ появился нарывъ, мблodeць.
Убѣгай въ горы, мблodeць!
Слѣпой Карьке догоняеть, мблodeць.

Молодець поеть:

Алма берь мојнуң талды гој, бікем!
Аркаңга берь сенің жаурды гој, бікем!
Тауға таман кашь, бікем!
Карьке сокур мнан соғуснај кетер ер мен
емен!

— Твоя яблочная шея утомилась, моя княгиня!
На твоей спинѣ сдѣлалась ссадина, моя княгиня!
Въ горы бѣги, моя княгиня!
Не я уйду, не повоевавъ съ слѣпымъ Карьке!

Ханъ не хочетъ отдать дочь за Алеуко, но дочь говоритъ отцу, чтобъ онъ не выдавалъ ее ни за кого, кромѣ Алеуко, котораго она уже полюбила. Тогда ханъ говоритъ: „Пусть Алеке наполнить скотомъ все мои лѣтовки, зимовки и осеневки; тогда я выдамъ дочь за его сына“. Алеке наполнилъ скотомъ ханскія лѣтовки и зимовки. Въ это время Алеуко уѣхалъ въ какой-то походъ; ханъ, не желая выдать за него дочь, убѣждалъ со всемъ своимъ народомъ. Алеуко вернулся съ большой добычей и не засталъ хана на старомъ мѣстѣ; поѣхалъ слѣдомъ, доѣхалъ до большого моря, хотѣлъ переправиться, но не знаетъ, гдѣ бродъ. Онъ бросился въ воду около одного дерева (Бай терекъ) и вышелъ на другой берегъ. Тутъ оказался бродъ. На другомъ берегу онъ засталъ хана; ханъ собирается выдать свою дочь за слѣпого великана (сокур дау) Карьке; въ ханской ставкѣ устраивался уже пиръ. Начали бороться; съ той стороны вышелъ бороться братъ слѣпого великана; сколько ни выходило противниковъ, онъ побѣждалъ всехъ борцовъ. Алеуко превратился въ тасчá балá (паршивое дитя) и сталъ просить позволенія побороться съ братомъ слѣпого великана. Все начали смѣяться надъ отвагой паршиваго парня. Онъ вышелъ на поединокъ, взялъ брата Карьке за руку и ударилъ его о землю; тотъ разбился въ дребезги (кўль болды). Тогда на борьбу выходитъ самъ слѣпой Карьке; паршивецъ говоритъ, что онъ будетъ драться только въ такомъ случаѣ, если ханъ отдастъ дочь за побѣдителя. Ханъ не согласился, и поединокъ не состоялся. Потомъ стали пускать лошадей въ бѣгъ. Паршивецъ тоже поѣхалъ на жеребенкѣ. Дѣти, сидѣвшіе на бѣгунцахъ, стали смѣяться надъ нимъ. Они уѣхали впередъ; онъ остался сзади. Когда они были на половинѣ дороги, онъ обратилъ своего жеребенка въ его настоящій

видь, пустиль его, обогналь своихъ соперниковъ и прибѣжалъ къ мѣсту первымъ. Въ то время ханская дочь пошла посмотричь на бѣжавшихъ въ бѣгъ лошадей и увидѣла на рукѣ паршиваго парня перстень, который она дала ранѣ Алеуко. По этому перстню она признала его. Они условились бѣжать отъ хана. Она была волшебница, посадила его на себя и полетѣла. Слѣпой Карьке погнался за ними. Онъ сталъ догонять; тогда дѣвица заплѣла: „Больно моей спинѣ; я устала“. Слѣпой „дау“ поеть ей въ отвѣтъ: „Если ты устала, то остановись! Я буду биться съ нимъ“. Она остановилась, и великанъ догналь ихъ. Алеуко сказалъ, что первымъ стрѣлять долженъ онъ, Алеуко, потому что онъ—первый женихъ: онъ раньше другихъ высваталъ ханскую дочь. Карьке согласился. Алеуко выстрѣлиль; стрѣла вонзилась въ грудь противника, и слѣпой великанъ умеръ. Тогда ханъ выдалъ за Алеуко свою дочь. Ханъ навьючилъ на восемьдесятъ верблюдовъ разнаго добра и отпустиль молодыхъ. Алеуко приѣхаль къ отцу съ женой.

Однажды жена Алеуко-батыря подошла къ морю, чтобы выкупаться. Служанка столкнула ее съ берега, и та полетѣла лебедемъ. Служанка одѣлась въ платье жены батыря и вернулась къ Алеуко. Настоящая жена Алеуко-батыря плевала золотомъ, а служанка не могла этого дѣлать. Народъ не сталъ ее уважать. Однажды къ Алеуко-батырю зашелъ какой-то проѣзжій. Алеуко спрашиваетъ у него, не знаетъ ли онъ какихъ новостей.—Никакихъ, говоритъ онъ; только вотъ развѣ одно это. Дорогой летѣль мимо меня лебедь и прокричалъ: „Какъ Алеуко глупъ! Не можетъ догадаться, что живетъ съ подложной женой, а не съ Дѣвиль-сулу“. Служанка, съ которой жилъ Алеуко-батырь, притворилась больной и сказала, что ея утроба требуетъ лебединаго мяса. Алеуко пошелъ и застрѣлиль этого лебеда. Когда оципывали лебеда, одно перышко отлетѣло въ степь и превратилось въ верблюда. Служанка стала просить мяса верблюда. Зарѣзали верблюда, одна косточка упала и обратилась въ текенек (шиповникъ). Служанка потребовала, чтобы срубили „текенек“. Срубили, и одинъ шипъ отлетѣль въ сторону и обратился въ ястреба, который тотчасъ же улетѣль. Потомъ ястребъ попался въ сѣть Алеуко-батыря: онъ принесъ его въ свой домъ и сталъ держать. Тогда въ домѣ стало все само прибираться, приходитъ въ порядокъ; платье само шьется и починивается. Служанка догадалась и стала просить, чтобы Алеуко убилъ ястреба, но онъ не согласился. Алеуко сталъ наблюдать. Однажды ночью онъ замѣтиль, что ястребъ превратился въ дѣвицу, отложивъ въ сторону ястребиную шкурку; дѣвица стала прибираться въ домѣ, шить платье, а къ утру она опять вошла въ ястребиную шкурку. На слѣдующую ночь Алеуко спряталъ ястребиную шкурку. Дѣвица стала искать ее, не нашла и стала просить Алеуко-батыря отдать шкурку, но онъ не давалъ. Тогда она призналась, что

она—Дыйнъ-Сулу, его настоящая жена. Онъ привезъ ее домой къ своимъ отцу и матери. Она имъ сказала, что ихъ сынъ жилъ съ служанкой и оттого пропитался дурнымъ запахомъ; она будетъ съ нимъ жить только послѣ того, какъ его тѣло обмоютъ молокомъ кобылицъ и вытрутъ жиромъ кобылицъ. Такъ и сдѣлали, и запахъ, который издавало его тѣло, исчезъ. Тогда спросили у служанки, чего она желаетъ: сорокъ лошадей или сорокъ ножницъ. Она сказала, что ей нужно и то и другое. Тогда тѣло ея изрѣзали ножницами на сорокъ кусковъ, привязали куски къ хвостамъ сорока кобылицъ, и тѣ разнесли ихъ по степи. Потомъ устроили сорокадневный той. Всѣ цѣли достигнуты.

2. Былъ Алеуко-батырь. У него былъ другъ Али-бій. У Алеуко-батыря было девять сыновей. У Алеуко-батыря были враги калмыки. Онъ послалъ противъ нихъ свое войско подъ начальствомъ девяти сыновей. Они достигли земель калмыковъ послѣ многихъ дней и мѣсяцевъ. Никто не захотѣлъ пойти на карауль, и потому пошли на карауль девять сыновей Алеуко-батыря. Съ горы, на которой они сидѣли, они увидѣли безчисленное войско. Они пошли ему навстрѣчу; войско напало на нихъ. Девять батырей стали биться съ войскомъ, такъ что не могли дать знать объ этомъ нападеніи своему войску. Девять батырей расшибли вражеское войско на девять частей и истребляли его по частямъ. Среди калмыковъ былъ тогда Кобукты-батырь. Этотъ богатырь убилъ вечеромъ старшаго сына Алеуко-батыря. Остальные восемь братьевъ раздѣлили тогда вражеское войско на восемь частей. Сражались шесть дней; на седьмой былъ еще убитъ одинъ изъ девяти богатырей. Стали тогда семеро сражаться. Еще шесть дней прошло; Кобукты-батырь еще одного брата убилъ. Осталось шесть. Шестеро раздѣлили вражеское войско на шесть частей. Еще Кобукты-батырь убилъ одного. Пятеро раздѣлили войско на пять частей. Послѣ шести дней на седьмой Кобукты-батырь еще убилъ одного, осталось четыре. Четверо раздѣлили войско на четыре части. Еще Кобукты-батырь убилъ одного, осталось три. Трое раздѣлили войско на три части. Еще на седьмой день Кобукты-батырь убилъ одного, осталось двое. Двое стали сражаться. На седьмой день Кобукты-батырь еще убилъ одного, остался одинъ. Шесть дней они сражались вдвоемъ; на седьмой день и этого убилъ Кобукты-батырь. Потомъ калмыцкое войско напало на войско Алеуко-батыря. Много дней длилась битва, много было перебито людей въ войскѣ Алеуко-батыря; калмыки побѣдили. Алеуко-батырь съ другомъ Али-біемъ спаслись бѣгствомъ. Приѣхали къ своему элю (народу). Алеуко собралъ свой народъ, сказалъ ему, что онъ остался безъ сыновей, и просилъ совѣта, что дѣлать. Присовѣтовали, чтобъ онъ поѣхалъ къ святымъ попросить себѣ сына. Алеуко взялъ съ собою по самцу отъ каждаго рода скота и отправился со своей женой. Онъ побывалъ у разныхъ святыхъ, каждому закололъ

по скотинѣ (конаг-асы), но не было никакихъ послѣдствій. Остался у него одинъ баранъ-самецъ. Однажды они проѣхали мимо святого Баба-Токти-Шашъ-Тазы и остановились ночевать. Алеуко зарѣзаль послѣдняго самца-барана. Помолились Богу, зажгли свѣчку и легли. Пришелъ къ нимъ одинъ человѣкъ въ бѣлой чалмѣ. Онъ сказалъ: „Я тоже молился о васъ; наша молитва принята. Что ты хочешь: девять сыновей или вмѣсто нихъ одного?“ Алеуко сказалъ:— Мнѣ достаточно одного за девять. Человѣкъ въ бѣлой чалмѣ сказалъ: „Богъ дастъ тебѣ одного сына и одну дочь. Когда родятся, я самъ дамъ имъ имена“. Когда Алеуко и его жена проснулись, около нихъ никого не оказалось. Они съ радостью вернулись домой и устроили пиръ. Вскорѣ жена слѣлалась беременною. Черезъ десять мѣсяцевъ и десять дней родились сынъ и дочь. Алеуко-батырь опять собралъ народъ и устроилъ пиръ. Народъ собрался дать дѣтямъ имена. Алеуко взялъ сына на подолъ, жена взяла дочь на подолъ; они шли и не давали народу дать имена. Они говорили народу: „Кто дастъ хорошее имя, тому мы дадимъ золото съ конскую голову“. Въ то время пріѣхаль одинъ сартъ дуана¹, сидѣвшій на сѣромъ ослѣ (кѣк исек), навьюченномъ курджун'ами²; на головѣ у „дуаны“ была бѣлая чалма. Дуана сказалъ: „Если я дамъ хорошее имя, то отдадите ли вы мнѣ это золото?“— Дамъ, сказалъ Алеуко. Дуана открылъ лицо сына Алеуко-батыря и сказалъ, что имя ему будетъ Оракъ-батырь; открылъ лицо дѣвочки и сказалъ, что имя ея будетъ Карылгачъ („ласточка“). Дуана взялъ два золота, каждое величиною съ конскую голову, и уѣхаль. Народъ сказалъ, что эти имена—нехорошія. „Такія имена, говорили въ народѣ, мы и сами могли бы придумать; поэтому не дадимъ дуанѣ золото, которое онъ увезъ!“ Народъ погнался за дуаной; дуана побѣжалъ отъ народа. Когда народъ приблизился къ дуанѣ, дуана толкнулъ осла и исчезъ вмѣстѣ съ нимъ. Это былъ самъ святой Баба-Токты-Шашъ-Тазы. Дѣтей положили въ колыбели и устроили той.

Другъ Али-бій пріѣхаль къ Алеуко-батырю и спрашиваетъ: „Ѣхать ли къ калмыкамъ воевать или подождать?“ Алеуко-батырь отвѣчаетъ: „Я самъ теперь старъ, хотя и царь; сынъ молодъ. Подождите, пока онъ вырастетъ“. Народъ подождалъ. Дитя достигло семи лѣтъ. Народъ не сталъ болѣе ждать, собрался ѣхать на войну. Семилѣтній сынъ пришелъ къ отцу Алеуко-батырю и просить его: „Дайте мнѣ разрѣшеніе! Я пойду, отомщу за кровь девяти братьевъ“. Отецъ не даетъ разрѣшенія, говоритъ: „Ты еще молодъ“. Онъ пошелъ къ матери, плачетъ. Мать тоже не дала позволенія. „Ты еще молодъ!“ сказала. Онъ подошелъ сестрѣ, и вмѣстѣ съ сестрой они пришли къ

¹ Дуана—„юродивый“ „блаженный“, которому приписывается даръ исцѣлять болѣзни, предвидѣть событія и пр.

² Курджун—переметная сума.

Али-бію, другу Алеуко-батыря. Тогда Али-біи вмѣстѣ съ ними пришелъ къ Алеуко-батырю и сказалъ ему: „Дайте мнѣ вашего сына. Я его не пущу въ битву, буду держать при себѣ. Пусть будетъ только его имя Оракъ среди войска“. Алеуко-батырь хотѣлъ было дать, но сестра Карылгачъ сказала Али-бію: „Подождите сорокъ дней, пока мы приготовимъ одежду для брата Орака и лошадь съ ея сбруей“. Сестра сдѣлала токум ¹, положила въ него между войлоками тобулгы ² и траву кудэ (клеверъ); сдѣлала чапанъ, подъ подкладку положила шелкъ и баурсак ³. Когда кончила, вызвала табунщика Кодара. У Алеуко-батыря было девяносто рабовъ; начальникомъ ихъ былъ Кодаръ. Ему приказали пригнать лошадей къ большой рѣкѣ. Дѣвица Карылгачъ брала каждую лошадь и перебрасывала на другую сторону рѣки. Всѣхъ перебросала и сказала: „Здѣсь нѣтъ лошади, достойной моего брата Орака. Нѣтъ ли еще лошадей, кромѣ этихъ?“ Кодаръ сказалъ: „Десять лѣтъ назадъ я пустилъ нѣсколько лошадей на островъ“. Самъ Кодаръ поѣхалъ за этими лошадьми, сѣвъ на гнѣдого жеребца Токпакъ-жалды. Пригналъ лошадей; ихъ уже стало сто головъ. Дѣвица Карылгачъ и этихъ лошадей начала по одной перебрасывать на другой берегъ. Остался одинъ трехлѣтній сѣрый жеребенокъ. Она также бросила его; онъ упалъ на серединѣ рѣки и вышелъ на тотъ же берегъ, съ котораго дѣвица бросила его. Она снова бросила его; онъ опять упалъ на середину рѣки и опять вышелъ на тотъ берегъ съ котораго былъ брошенъ. Она въ третій разъ бросила его; тогда онъ упалъ на другой берегъ. „Вотъ этотъ годится“, сказала дѣвица. Тогда Оракъ поймалъ эту лошадь и сѣлъ на нее верхомъ. Онъ пріѣхалъ къ отцу Алеуко-батырю; отецъ далъ благословеніе (батá). Черезъ сорокъ дней войско двинулось; оно прибыло на мѣстность Куделі; потомъ пришли на мѣстность Тобулгалы, потомъ на мѣстность Бетегели, потомъ на мѣстность Джусанды, потомъ на мѣстность Токрау, потомъ на мѣстность Шійли, потомъ на мѣстность Булдергенди, потомъ на мѣстность Балдырганды. На этой послѣдней мѣстности на серединѣ остановились. Рѣшили поставить карауль; никто нейдетъ на карауль. Тогда Оракъ самъ вышелъ одинъ караулить. Онъ увидѣлъ въ степи пыль, разглядѣлъ въ пыли туг (знамя), а подъ знаменемъ — многочисленное войско. Тогда онъ приготовился къ бою, взялъ въ руки оружіе и поѣхалъ по направленію къ врагамъ и сталъ одинъ съ ними сражаться. У нихъ былъ батырь по имени Кійсыкъ; онъ вышелъ на поединокъ съ Оракомъ. Оракъ убилъ Кійсыка. Послѣ этого всѣ стали бояться Орака. Оракъ одинъ воевалъ со всѣмъ калмыцкимъ войскомъ; какъ волкъ, онъ истреблялъ противниковъ, такъ что, наконецъ, отъ

¹ Токум — „потники подъ сѣдло“.

² Тобулгы — „таволга“.

³ Баурсак — „хлѣбецъ“, „колобокъ“.

войска немного осталось. Оракъ гналъ ихъ до ихняго города. Въ то время къ Ораку прѣвхалъ Кобукты. Кобукты сказалъ своему народу: „Не бейтесь съ нимъ! Онъ васъ всѣхъ побьетъ, потому что у него есть святой Баба-Токти-Шацъ-Тазы. Надо его взять хитростью, выкопать яму, прикрыть ее и уронить его въ нее. Надо привести изъ города разряженныхъ дѣвицъ и поставить на другую сторону ямы; тогда онъ бросится на нихъ и свалится въ яму“. Привели дѣвицъ, выкопали яму. Оракъ бросился къ дѣвицамъ, но лошадь остановилась передъ ямой, не пошла далѣе. Тогда Оракъ сталъ бить коня; конь перескочилъ на другую сторону ямы, а Оракъ упалъ въ яму. Конь убѣжалъ въ степь. Люди хотѣли поймать коня, но не могли. Конь прибѣжалъ къ своему войску. Народъ тогда догадался, что Оракъ попалъ въ плѣнъ. Калмыки привезли одну гору и поставили ее на яму. Черезъ сорокъ дней они вытащили Орака и оковали его ноги цѣпью. Привели дѣвицу, дочь калмыцкаго хана, чтобы взять плодъ (токум) отъ Орака. Оракъ не захотѣлъ дать плодъ. Тогда опять опустили его въ яму. Черезъ сорокъ дней опять привели дѣвицу, вытащили Орака изъ ямы, но и въ этотъ разъ онъ отказался дать плодъ. Тогда посадили его въ лодку съ восьмидесятью человѣками, чтобы отправить его въ оковахъ на островъ. Дорогой всемьдесятъ человѣкъ совѣтуются между собой: „До острова далеко, море большое, не хватитъ провизіи. Надо ему связать руки и ноги и опустить на дно моря“. Но половина людей сказала: „Это—тоже герой, голодающій всемьдесятъ дней. Надо развязать ему руки и ноги и такъ опустить въ море“. Развязали ему руки и ноги. Тогда онъ всѣхъ ихъ разбросалъ въ морѣ и поѣхалъ въ лодкѣ одинъ. Въ одно время вышелъ на сухое мѣсто, на берегъ. Онъ увидѣлъ одно дерево, стоящее на землѣ, окруженной водою. Это былъ тотъ островъ, куда его везли. Онъ отправился обратно къ своей лодкѣ; подулъ сильный вѣтеръ, и лодку унесло; остался онъ одинъ безъ лодки. Пошелъ шляться по острову безъ пищи и нашелъ подъ подкладкой своего чапана баурсаки, положенные сестрой. Нѣсколько дней питался этими баурсаками, но они всѣ вышли, не осталось ни одного. Опять ему нечего ѣсть. Тогда онъ сталъ шарить по чапану, нашелъ сломанную иголку. Изъ этой иголки сдѣлалъ удочку, изъ шелку, который сестра положила въ чапанъ, сдѣлалъ лесу и сталъ удить. Ловилъ рыбу и питался ею. Однажды попалась большая рыба, которая оборвала лесу. Опять шляется голодный по острову,—ничего нѣтъ, готовится умереть съ голоду. Онъ принесъ весло, разрылъ имъ песокъ, сдѣлалъ яму, легъ въ нее и думаетъ: умру. Лежалъ въ ямѣ нѣсколько дней; осталось немного души и тѣла (ѳлер ѳльмес). Однажды сорокъ вороновъ прилетѣли и выклевали у Орака одинъ глазъ. Онъ лежалъ и плакалъ, думая: теперь умру. Тогда прилетѣла и сѣла на дерево очень большая черная птица. Онъ думалъ, что она съѣстъ его всемъ. Оракъ пла-

каль и думаль: „Отець и мать мои не знаютъ, въ какомъ положеніи я нахожусь! и сестра моя Карылгачъ также этого не знаетъ!“ Тогда кара-бус (орель) сталъ говорить: „Ты не произнесъ ни разу имени твоего святого Баба-Токти-Шашъ-Тазы“. Это и былъ самъ святой, прилетѣвшій въ видѣ орла. Святой сказалъ Ораку: „Я самъ помогаль тебѣ, когда ты воеваль съ врагами, но ты не вспомнилъ меня. Я уронилъ тебя въ яму, чтобы ты вспомнилъ обо мнѣ. Потомъ я опять помогаль тебѣ, когда тебя вынули изъ ямы; я не даваль тебѣ соединиться съ дѣвицей. Снова я положилъ тебя въ яму. Снова заставилъ вынуть тебя и съ восьмидесятью человекъками посадилъ тебя въ лодку. И тогда ты не вспомнилъ меня. На серединѣ моря не даваль бросить тебя въ воду, заставилъ ихъ развязать тебя. Потомъ ты бросилъ этихъ восемьдесятъ человекъкъ въ море; это я помогъ тебѣ сдѣлать это. Потомъ ты вышелъ на островъ; въ видѣ вѣтра я угналъ твою лодку, чтобы заставить тебя вспомнить меня. Сколько дней ты шлялся голодный; я навелъ тебя на колобки (баурсакъ), которые сдѣлала твоя сестра, и ты ѣлъ ихъ. Когда ты удилъ, я явился въ видѣ большой рыбы и унесъ твою удочку, но и тогда ты не вспомнилъ обо мнѣ. Въ видѣ ворона я выклеваль тебѣ глазъ, и то не вспомнилъ обо мнѣ. Во время битвы я не даваль пулямъ коснуться тебя. Всегда я тебѣ дѣлалъ добро, но ты меня никогда не вспоминаль. Поэтому я теперь явился самъ“. Оракъ сказалъ птицѣ: „Я васъ не зналъ, въ какомъ видѣ вы являлись. Не видаль васъ, какіе вы сами. Я какъ буду знать, что ты, сартъ, дѣлаешь!“ Тогда орель спустился на землю и потрясся; изъ подъ его крыльевъ выпали двѣ пули. Онъ поводилъ своимъ крыломъ по глазу Орака, и глазъ выздоровѣлъ. „Сядь мнѣ на спину и закрой глаза“, сказала птица. Оракъ сѣлъ и зажмурился. Птица полетѣла. Нѣсколько времени спустя птица велѣла открыть глаза. Оракъ открылъ глаза и увидѣлъ, что птица стоитъ на горѣ. — Узнаешь ли мѣсто? спрашиваетъ птица. „Узнаю, отвѣчаетъ Оракъ. Это—мѣсто, гдѣ отецъ дѣлаетъ собраніе для совѣта, по имени Кенгесъ-тѣбе (холмъ совѣщаній)“. — А найдешь ли свой домъ? „Найду“, говорить Оракъ. — Въ другой разъ вспоминай меня, сказала птица.

Оракъ пошелъ къ своему злю. Онъ нашель, что родители его постарѣли, что его скотомъ завладѣлъ Кодаръ и насильно хочеть жениться на его сестрѣ Карылгачъ. Оракъ спрятался между ши и тоурлук'омъ¹. Родители его плакали каждый день, вспоминая Орака. Мать Орака говоритъ, что видѣла сына во снѣ и что у ней грудь ослабла (емчекъ ійды); поэтому она думаетъ, что онъ живъ. Въ то время пріѣхаль Кодаръ. „Что ты плачешь каждый день?“ говорить

¹ Ши — цыновка изъ стеблей растенія, по-киргизски называемаго ши, по-монг. дерисун, *Lasiagrostis splendens*, которою одѣвается низъ юрты между деревянной рѣшеткой кереге и войлокомъ, одѣвающимъ низъ юрты поверхъ ши; этотъ войлокъ наз. тоурлук.

онъ матери Орака. „Оракъ давно уже умеръ. Я женюсь на Карлыгачъ и заберу вашъ скотъ“. Отъ страха родители Орака промолчали. Кодарь ушелъ. Тогда Оракъ вошелъ въ юрту, поклонился отцу; поздоровались, расплакались. Люди въ народъ рассказали другъ другу, что Оракъ прѣѣхалъ. Народъ собрался и поздоровался съ Оракомъ. Устроили пирь. Послѣ пира стали расходиться. Оракъ попросилъ призвать Кодара. Позвали его, но Кодарь не пришелъ; Оракъ самъ пошелъ къ Кодарю. Оракъ спросилъ:—Почему ты не пришелъ, когда тебя звали? „У скота не было пастуха, поэтому я не пошелъ“, сказалъ Кодарь. Оракъ поймалъ Кодара, связалъ ему руки и ноги и положилъ въ юртѣ. Каждый день отрѣзывалъ отъ его тѣла кусокъ мяса и заставлялъ его ѣсть свое мясо. Кодарь умеръ.

Оракъ собралъ народъ и сказалъ: „Я отомщу калмыкамъ!“ Онъ отправился съ сорокатысячнымъ войскомъ. Дошли до мѣста, гдѣ должна была произойти битва. Войско калмыковъ теперь было больше, чѣмъ прежде. Оракъ сталъ воевать съ калмыцкимъ войскомъ одинъ; онъ гналъ ихъ, истребляя, до ихняго города; онъ выгналъ изъ города калмыцкихъ женъ и дѣвицъ. Тутъ онъ встрѣтился съ Кобукты; вышли на поединокъ. Семь дней боролись, не могли одолѣть другъ друга. Однажды Оракъ вспомнилъ своего святого Баба-Токти-Шашъ-Тазы и тотчасъ свалилъ Кобукты-батыря. Кобукты сказалъ: „Я принялъ твою вѣру“. Кобукты сдѣлался мусульманиномъ. Пробыли тамъ сорокъ дней и построили мечеть. Кобукты-батыря сдѣлали ханомъ въ томъ городѣ. Кобукты сдѣлалъ много подарковъ Ораку—золота, серебра, проводилъ Орака до дома Алеуко-батыря и простился съ нимъ. Алеуко-батырь сдѣлалъ Орака ханомъ на мѣсто себя. Ораку въ то время было двадцать лѣтъ ¹.

Бійсимбе.

Центральная часть разсказа объ Алеуко заключаетъ въ себѣ отголоски монголо-тибетской легенды объ Эрдени-Хараликѣ, который самой редакціей выдается за воплощеніе бога Арья-Бало. Это—исторія гонимой матери-царевны; двѣ злыя служанки удаляютъ царевну изъ дворца, а ея сына зарываютъ въ землю; на могилѣ вырастаетъ дерево; поѣдая его листья овца родитъ золотокудраго мальчика Эрдени-Харалика; затѣмъ слѣдуетъ возвращеніе изгнанной царевны къ семейному очагу и казнь коварныхъ служанокъ (Ssanang Ssetzen, *Gesch. d. Ost-Mong.*, S. 425—488). Въ киргизской превращенія въ верблюда, въ кустъ шиповника и ястреба совершаются не съ сыномъ, а съ гонимой матерью Дыинъ-сулу.

Начало злосключеній Дыинъ-сулу напоминаетъ южнорусскіе варианты сказки, озаглавленной у Афанасьева по имени героини: Арысь-поле (Н. Р. С. 1897 г., т. II, стр. 153; злая женщина обращаетъ нелюбимую женщину въ птицу, иногда въ щуку; варианты перечислены мною въ Этн. Обзор., кн. VIII, стр. 158, 159).

Разсказъ о женитьбѣ Алеуко на Дыинъ-сулу, которымъ сказка начинается, имѣетъ сходства со сказкой объ Эрдени-Хараликѣ.

¹ Сказка объ Оракѣ, по свидѣтельству г. Султанъ-Газина, на р. Токрау (къ с. отъ оз. Балхаша) неизвѣстна.

Мотивъ о царевнѣ Дыннъ-сулу, охраняемой сорока сторожами, зашелъ въ сказку, повидимому, изъ того же источника, откуда сходная тема попала въ романъ Аденета о Клеомадесѣ, который на деревянномъ конѣ слетѣлъ на башню, гдѣ подъ надзоромъ сорока охранителей жила Клармондина (А. Веселовскій, Сказанія о красавицѣ въ теремѣ. Журналъ Мин. Народ. Просв., ч. СХСХVI, отд. 2, стр. 183).

Сказка объ Алеуко даетъ новыя данныя для очертанія эпической физиономіи святого Баба-Токты-Шашъ-Тазы, который является въ этой сказкѣ въ разныхъ видахъ—подъ видомъ человѣка въ бѣлой чалмѣ, подъ видомъ дуаны на сѣромъ ослѣ, вѣтра, сорока вороновъ и, наконецъ, подъ видомъ птицы кара гус. Въ другой киргизской сказкѣ онъ является стцомъ героя Идыгэ-би (Живая Старина, в. IV, 1897 г., стр. 320).

Кодаръ въ этой сказкѣ—такой же злой персонажъ, какъ и Кодаръ-куль въ киргизской сказкѣ о Козу-Курпешѣ и Баянъ-сулу; кул значитъ „рабъ“; и здѣсь онъ—начальникъ рабовъ. Кодаръ-куль пытается отнять у Козу-Курпеша его невѣсту Баянъ-сулу.

Подобно молодому Ораку въ тибетской повѣсти о Гэсэрѣ собирается умирать самый молодой изъ Гэсэровыхъ богатырей Чагэ-Мунго; къ Чагэ Мунго являются звѣри и птицы и также съ упреками, но рѣчи ихъ—другія; киргизская сказка потерпѣла отъ мусульманскаго вліянія.

Германскій эпосъ имѣлъ рассказъ о смерти въ степи Эрманариха; и здѣсь съ этимъ мотивомъ связана идея о мести за убитыхъ родственниковъ; Кримгильда снаряжаетъ мстителей за смерть своихъ сыновей, какъ Карлыгачъ („ласточка“) снаряжаетъ Орака. Растенія, которыя она зашила въ потники сѣдла своего брата, не пригодились; они забыты редакціей. Они встрѣчаются только потомъ въ именахъ урочищъ, черезъ которыя проходитъ ораково войско: Кудэли, Тобулгалы „таволожное“, Битегели „кипцное“, Бульдергенды „землянничное“, Балдырганды „дыгилевое“.

Рассказъ о спасеніи умиравшаго Орака переработанъ изъ распространеннаго рассказа о гигантской птицѣ, выносящей богатыря изъ подземнаго міра или съ вершины горы; островъ и дерево на острову—остатки старой редакціи.

15. Мергенъ-Дарьши.

Жилъ человѣкъ по имени Каргысчилъ Карабай. У него не было дѣтей, кромѣ одной дочери, которая давнымъ-давно была выдана замужъ; когда ей было двадцать пять, а ея мужу тридцать лѣтъ, тогда мужъ съ нею вмѣстѣ поѣхали къ одному святому (ауліе), зарѣзали жеребца, самца-верблюда и барана и просили, чтобы святой вымолилъ имъ у Бога сына. По возвращеніи домой женщина забеременѣла, и у нея родился сынъ; ему дали имя Мергенъ-Дарьши. Въ тотъ же день родился жеребенокъ; ему дали имя Карагай-гара. Когда Мергенъ-Дарьши достигъ трехъ лѣтъ, онъ сталъ учиться стрѣльбѣ изъ лука. Онъ спрашиваетъ у отца: „Есть ли у тебя врагъ и другъ, съ которымъ я могъ бы имѣть дѣло?“ Его, Мергена-Дарьши, знали всѣ племена. Отецъ просилъ его не ѣздить за три сопки (ѳш төбѣ). Однажды пріѣхалъ человѣкъ громаднаго роста, сидящій на джелъ-мая (миѳическое существо; духъ вѣтра). Люди сказали объ этомъ Мергену-Дарьши. Мергенъ

вступилъ въ разговоръ съ прѣвзимъ; оказалось, что имя его—Чикасыкъ. Прѣвхавшій человекъ сказалъ, что онъ ѣдетъ отъ хана Харафа, котораго осаждаютъ индѣйскій царь (эндѣицъ патшасы); Харафа просить его помощи. Мергенъ-Дарьши обѣщаль прибыть черезъ семь дней. Чикасыкъ поѣхаль назадъ. Мергенъ-Дарьши далъ ему одинъ волосокъ своей лошади. Когда Чикасыкъ прѣхаль, ханъ спросилъ его, былъ ли онъ у Мергена-Дарьши; Чикасыкъ сказалъ, что былъ, что Мергенъ-Дарьши скоро прѣдетъ. Ханъ спросилъ, не послалъ ли онъ чего-нибудь; Чикасыкъ отвѣтилъ, что Мергенъ послалъ волосокъ. Этотъ волосокъ одинъ человекъ съ трудомъ внесъ въ юрту. Ханъ увидѣлъ это и подумаль, что Мергенъ-Дарьши—сильный человекъ.

При дочери хана Харафы была дѣвица Сынчи-Сары-кызъ¹; она угадала время прѣзда Мергена-Дарьши. Мергенъ-Дарьши превратился въ худенькаго человекъ и прѣхаль. Сынчи-Сары-кызъ все-таки узнала его и сказала ханской дочери, что Мергенъ прѣхаль. Ханъ оказалъ ему почетъ. Мергенъ-Дарьши научилъ хана сказать индѣйскому хану, что онъ выдаетъ за него свою дочь, если сила индѣйскаго палвана (силача) побѣдитъ ханскаго палвана, если индѣйскій бѣгунецъ обгонитъ ханскаго бѣгунца и если индѣйскій стрѣлокъ побѣдитъ ханскаго стрѣлка. Со стороны индѣйскаго хана вышелъ желѣзный силачъ (темир балван); отъ хана Харафы вышелъ Мергенъ-Дарьши и побѣдилъ желѣзнаго силача. Потомъ стали стрѣлять; лопатку (джаурун) зайца поставили за шестьюдесятью сопками. Когда выстрѣлили индѣйскій ханъ, стрѣла его долетѣла только до половины разстоянія, а стрѣла Мергена-Дарьши пробила середину лопатки. Послѣ стрѣлбы устроили скачку. Индѣйскій ханъ пустилъ двухъ своихъ аргамаковъ, а Мергенъ-Дарьши пустилъ своего Карагай-гара; сѣдоками были на аргамакахъ двѣ старухи, на Карагаѣ—племянникъ Мергена-Дарьши. Когда прѣхали на мѣсто, откуда должна была начаться скачка, старухи напоили племянника Мергена водкой; онъ уснулъ; старухи положили ему подъ голову турсукъ². Оставивъ его въ такомъ положеніи, онѣ уѣхали. Мергенъ-Дарьши воткнулъ въ землю свою пику, взобрался на ея вершину и оттуда увидѣлъ, что его племянникъ спитъ головой на турсукѣ. Племянникъ проснулся и погнался за старухами, догналъ ихъ и Карагай-гара, убилъ и старухъ и аргамаковъ, на которыхъ онѣ ѣхали; племянникъ прѣхаль одинъ. Индѣйскій ханъ пришелъ въ ярость оттого, что убиты и его лошади и его старухи. Назначили мѣсто и время для битвы. Сражались семь дней и семь ночей; Мергенъ-Дарьши перебилъ множество людей. На мѣсто сраженія прибылъ самъ индѣйскій ханъ и сказалъ: „Давай, будемъ бороться! Кто побѣдитъ, пусть отрубитъ другому голову“. Мергенъ-Дарьши побѣдилъ и отрубилъ индѣйскому хану голову.

¹ Сары-кызъ—„рыжая дѣвица“.

² Турсукъ—кожаная фляга для жидкостей.

Мергенъ-Дарьши пришелъ къ хану Харафѣ и сталъ просить его дочь. Харафа отказалъ ему. Тогда Мергенъ-Дарьши осердился и хотѣлъ воевать съ нимъ. Тогда ханъ испугался и выдалъ дочь и устроилъ большой „той“. Мергенъ-Дарьши взялъ дѣвицу, приданое и отправился домой. Оставивъ жену въ дорогѣ, самъ онъ уѣхалъ впередъ. Приѣхавъ домой, онъ нашелъ, что его эль разграбленъ врагами. Своихъ родителей онъ нашелъ въ одной бѣдной палаткѣ, въ которой они сидѣли слѣпые. Они узнали сына по голосу, поздоровались съ нимъ. Сынъ спрашиваетъ ихъ, кто ихъ ограбилъ. Они рассказали ему, что ихъ ограбили три дау (великаны), которые живутъ за тремя сопками. Мергенъ-Дарьши отправился къ великанамъ. Когда пришелъ, увидѣлъ три бѣлыхъ юрты. Дау питались охотой; они были женаты на трехъ ханскихъ дочеряхъ, которыми завладѣли насильно. Сначала Мергенъ-Дарьши встрѣтился съ этими женами, которыя удивились, что онъ осмѣлился притти къ нимъ. Они знали, что притти сюда могъ только одинъ Мергенъ-Дарьши. Тогда онъ признался, что онъ—Мергенъ-Дарьши и что онъ ищетъ трехъ дау, которые ограбили его родителей, что онъ желаетъ или убить ихъ или самому быть убитымъ. Женщины сказали, что онѣ трое возвратятся въ разное время: одна—утромъ, другая—въ полдень, третья—вечеромъ и что младшая можетъ исцѣлить слѣпоту родителей Мергена. „Если ты освободишь насъ отъ дау, сказали женщины, то мы будемъ рады“.

Одинъ дау приѣхалъ. Женщины сказали Мергену-Дарьши: „Если вы побѣдите этого дау, то его лошадь дастъ объ этомъ извѣстіе двумъ другимъ дау“. Приѣхавшій дау сказалъ, что онъ слышитъ запахъ человѣка (ксі ісі чыҕады); женщины сказали, что никого нѣтъ. Однако Мергенъ-Дарьши вышелъ; началась борьба; Мергенъ-Дарьши взялъ верхъ и отрубилъ дау голову. Лошадь побѣжала сообщить объ этомъ другимъ дау. Мергенъ-Дарьши послалъ вдогонку лошади стрѣлу. Стрѣла, спущенная изъ лука, проколола лошадь насквозь, и она умерла. Второй старшій дау вернулся домой. Онъ увидѣлъ трупъ брата и трупъ его лошади, свою лошадь послалъ за третьимъ дау, а самъ пошелъ навстрѣчу къ Мергену-Дарьши. Они вступили въ борьбу. Низменная мѣста обратились въ возвышенности, возвышенныя мѣста обратились въ низменности. Мергенъ-Дарьши побѣдилъ и этого дау. Приѣхалъ третій дау. Этого Мергенъ-Дарьши побѣдилъ, но не убилъ. Онъ спросилъ у дау: „Гдѣ находятся глаза моихъ родителей?“ Дау сказалъ, что глаза завернуты въ тряпицу и зарыты подъ порогомъ (босага); если достать ихъ и потереть глаза, родители выздоровѣютъ. Мергенъ-Дарьши хотѣлъ послѣ этого отпустить этого дау живымъ, но женщины стали просить, чтобъ онъ убилъ и третьяго; Мергенъ-Дарьши убилъ, привезъ домой трехъ женщинъ, привезъ все имущество трехъ дау и вылѣчилъ глаза своихъ родителей.

Когда онъ женился на этихъ трехъ женщинахъ, приѣхала его

прежняя жена; въ тотъ же день онъ легъ спать съ ней вмѣстѣ. Во время сна онъ видѣлъ два луча; одинъ выходилъ изъ дому, другой—извнѣ. Жена говоритъ ему: „Лучъ, выходящій изъ юрты, принадлежитъ мнѣ; другой лучъ принадлежитъ женѣ великана Чикасыка, который живетъ въ разстояніи семи дней отсюда“. Мергенъ-Дарьши отправился искать Чикасыка. Онъ пріѣхалъ къ одной бѣлой юртѣ, стоящей въ степи; зашелъ въ юрту и увидѣлъ замѣчательно красивую женщину. Женщина сказала: „Вотъ лежитъ великанъ Чикасыкъ въ видѣ сѣрой мыши“ и посовѣтовала Мергену уйти, но онъ не послушался. Тогда она подняла одѣяло; подъ нимъ дѣйствительно лежитъ сѣрая мышь (сур тышкан). Мергенъ-Дарьши выстрѣлилъ по мыши четыре раза, но не могъ убить. Лошадь этого великана чуть не съѣла Мергенова коня Карагай-гарá. Женщина дала совѣтъ Мергену спасти поскорѣе свою лошадь и убѣжать. Мергенъ-Дарьши отстоялъ свою лошадь и убѣжалъ домой. Жена сказала ему, что онъ не избавится отъ этого великана. „Его можно убить только въ томъ случаѣ, сказала женщина, если ты пробьешь стрѣлой подпилокъ (эгѣу), прикрѣпленный на лбу великана“. Мергенъ-Дарьши пробилъ подпилокъ; Чикасыкъ упалъ. Мергенъ-Дарьши убилъ великана, вынулъ его легкое и сталъ смотрѣть. Легкое кипѣло; оно было черный камень. Мергенъ-Дарьши удивился храбрости великана и сожалѣлъ, что не имѣлъ такого храбреца своимъ другомъ. Мергенъ-Дарьши взялъ жену Чикасыка за себя замужъ; у него теперь было пять женъ. Всѣ цѣли были достигнуты, голова достигла до задницы, задница достигла до его головы (барча мурат басына джетти, басы каирлыб кутине джетти, кути каирлыб басынга джетти).

Разсказчикъ не названъ.

Послѣдній эпизодъ о великанѣ Чикасыкѣ ср. съ бурятскимъ преданіемъ объ Эсхэ-Уланъ-батырѣ, который долженъ былъ жениться на дочери царя Ухэръ-Боксо, но дѣвицей овладѣлъ Орбрше-моргоиъ; Эсхэ-Уланъ-батыръ пріѣзжаетъ, чтобъ увезти женщину; Орбрши спитъ подъ одѣяломъ; женщина приподнимаетъ одѣяло и указываетъ на пятно на спинѣ, единственное уязвимое мѣсто на тѣлѣ Орбрше-моргона; соперникъ пускаетъ стрѣлу и убиваетъ (Балаганскій сборникъ, Томскъ, 1903, стр. 182).

16. Дѣти Дарьши-Мергена.

У Дарьши-Мергена было восемь сыновей. Каждый изъ нихъ имѣлъ свое какое-нибудь особое искусство. Они спорили изъ-за отцовскаго лука (садак), кому изъ нихъ онъ долженъ достаться. Старшій изъ братьевъ былъ мѣткій стрѣлокъ; онъ умѣлъ такъ стрѣлять, что стрѣла проходила между двумя плотно другъ къ другу прижатыми предметами, не задѣвъ ни того, ни другого; второй могъ ночью рассмотреть слѣдъ и выслѣживать третій могъ необыкновенно далеко

видѣть; четвертый могъ сдѣлать мостъ черезъ рѣку или море; пятый умѣлъ воровать птенцовъ изъ-подъ птицы, сидящей въ гнѣздѣ; шестой—перехватывать падающее налету; седьмой—строить желѣзный домъ; наконецъ, восьмой—нырять въ землю, какъ въ воду.

Ханъ говоритъ имъ: я разсужу вашъ споръ, но прежде посредствомъ вашихъ искусствъ вы найдете мою дочь, похищенную у меня. Тогда стрѣлокъ говоритъ второму брату: „Смотри, кто похитилъ царевну?“ Тотъ говоритъ, что дѣвицу похитила птица. Тогда велѣли смотрѣть тому, который видитъ далеко. Онъ говоритъ, что видитъ среди моря островъ, на островѣ—дерево (бай терек), на деревѣ—гнѣздо, въ гнѣздѣ—птицу и у птицы подъ крыломъ—украденную дѣвицу. Тогда тотъ, который умѣлъ строить мостъ, построилъ мостъ, и братья перешли по нему на островъ. Одинъ изъ братьевъ, умѣвшій воровать изъ-подъ птицъ, укралъ дѣвицу; братья пошли съ дѣвицей назадъ и перешли мостъ. Въ это время птица проснулась, полетѣла и догнала ихъ; она отняла дѣвицу и поднялась съ нею на воздухъ. Тогда стрѣлокъ выстрѣлилъ и такъ ловко, что отдѣлилъ дѣвицу отъ птицы, и она упала; братъ, умѣвшій перехватывать налету, не далъ ей удариться о землю. Съ этой дѣвицей они укрылись въ желѣзный домъ, который выстроилъ имъ седьмой братъ; птица опять догнала ихъ, но не могла взять ихъ въ желѣзномъ домѣ. Тогда восьмой братъ спрашиваетъ: „Я нырну,—гдѣ вынырнуть?“ Старшій братъ говоритъ: „Вынырни во дворцѣ хана“. Онъ нырнулъ въ землю и вынырнулъ во дворцѣ. По проложенному имъ въ землѣ слѣду братья съ дѣвицей прошли подъ землей и вышли въ ханскомъ дворцѣ. Ханъ выдалъ свою дочь за младшаго, умѣвшаго нырять, потому что еслибъ не онъ, то птица снова бы отобрала дѣвицу. А лукъ ханъ присудилъ старшему, ловкому стрѣлку, потому что остальнымъ братьямъ, не умѣющимъ стрѣлять, лукъ былъ бы бесполезенъ.

А бѣ (уроч. Серембетъ).

Эта сказка больше всего сходна съ русской сказкой о братьяхъ семи Симеонахъ (Аван., Н. Р. Ск., № 84, т. I, изд. 1897, стр. 188), которые добываютъ Елену Прекрасную для своего царя, а также съ монгольскими о братьяхъ или товарищахъ, добывающихъ похищенную женщину (Танг-тиб. окр., II, 145, 147). Монгольскіе варианты кончаются иногда заявленіемъ, что въ группѣ товарищей-мастеровъ нужно видѣть созвѣздіе Плеяды; то же и въ западныхъ вариантахъ (Dänische Volksmärchen, erzählt v. Sw. Gruntvig, üb. v. W. Leo, Leipz. 1878, S. 110; Jagić, Archiv für sl. Phil., V, S. 36). Переносъ на небо и другіе элементы сказки, въ островѣ среди моря и въ птицѣ, сидящей въ гнѣздѣ на деревѣ, съ которыми связано представленіе о центральномъ положеніи, можно предположить Полярную звѣзду. Въ русской сказкѣ нѣтъ острова съ похитителемъ-птицей, но въ ней есть желѣзный столбъ до неба, который скованъ однимъ изъ Симеоновъ для того, чтобъ другой братъ могъ влѣзть на него и увидѣть Елену Прекрасную. Въ киргизской брату-кузнецу дается другая работа; онъ строитъ желѣзный домъ, въ которомъ братья съ дѣвицей скрываются отъ погони. Въ русской сказкѣ также есть разсказъ о погонѣ, но братья находятъ другое средство спастись. Однѣ изъ братьевъ

своей вѣщей силой заставляетъ корабль, на которомъ братья плывутъ, нырнуть на дно морское. Въ киргизской нырянье получило другой видъ; одинъ изъ братьевъ ныряетъ изъ желѣзнаго дома въ землю и выныриваетъ въ царскомъ дворцѣ; по образовавшемуся тоннелю братья съ дѣвицей выходятъ прямо въ покои хана. Ср. съ бурятскимъ преданіемъ о валѣ Чингисъ-хана; онъ образовался оттого, что рыли ровъ, чтобы по нему провезти невѣсту Чингисъ-хана, дочь Наранъ-хана (Солнца-царя), такъ, чтобы Наранъ-ханъ, если бъ вздумалъ преслѣдовать, не могъ сжечь свадебный поѣздъ своими лучами. (Зап. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. I, стр. 130).

Въ русской сказкѣ есть и стрѣлокъ, стрѣляющій въ улетѣвшую лебедь Елену, и другой братъ, подхватывающій налету. Отголосокъ птицы, похитившей царевну и скрывающей ее въ своемъ гнѣздѣ, которой въ русской сказкѣ нѣтъ, все-таки сохранился на Западѣ въ нѣмецкомъ вариантѣ (Аван., Н. Р. С., стр. 195). Одинъ изъ братьевъ, главный исполнитель предирія, обладаетъ искусствомъ воровать. Передъ отправленіемъ, когда братья дѣлали пробы своего искусства передъ глазами своего отца, воръ веруетъ яйца изъ-подъ птицы, сидящей въ гнѣздѣ, стрѣлокъ расширяетъ ихъ удачнымъ выстрѣломъ изъ лука, а третій братъ сшиваетъ ихъ такъ, что они опять стали цѣлы.

Киргизскій вариантъ „Девять братьевъ“ у Васильева (Образцы кирг. нар. словесности, в. I. Кирг. сказки. Оренб., 1898, стр. 3—6) начинается споромъ девяти братьевъ о лукѣ; царь проситъ ихъ разыскать его дочь, кѣмъ-то похищенную. Братья, обладающіе чутьемъ, слухомъ и зрѣніемъ, узнаютъ, что дѣвица находится подъ водой на глубинѣ 40 сажень; одинъ братъ ныряетъ, но только показался изъ воды, царь птицъ Каракусъ выхватываетъ у него дѣвицу изъ рукъ и уноситъ. Тутъ оказываютъ услугу стрѣлокъ и подхватывающій налету. Каракусъ является съ войскомъ; теперь пригодились братъ-богатырь и братъ-строитель крѣпости.

(Ср. также Шидди-кюр и относящуюся сюда литературу).

17. Слѣды Ай-баса.

Когда Ай-басъ-куль¹ поѣхалъ искать Козу-Курпеша, онъ потерялъ дорогой балалайку; это мѣсто называется теперь Домбралы². Гдѣ упала каркара³ дѣвицы Баянъ-Слу, тамъ горы назвали Каркаралы. Гдѣ Ай-басъ-куль потерялъ мунчакъ, грудное ожерелье изъ красныхъ бусъ, которое онъ везъ въ подарокъ дѣвицѣ Баянъ-Слу, тамъ теперь урочище Мунчаклы. Рѣка, у которой онъ потерялъ джамши (женскій чапракъ), получила названіе Джамши. Гдѣ онъ переправился черезъ рѣку Есиль (Шимъ), бродъ называется Караткуль. Рѣка, на которой онъ остановился, получила названіе То-крау.

¹ Кул—„рабъ“, ай—„мѣсяцъ“, бас—„голова“.

² Домбра—„балалайка“.

³ Каркара называются четыре пучка фазаньихъ перьевъ, которыми украшается во время перекочевки посудный ящикъ, киргизскій буфетъ. Такой ящикъ имѣетъ створчатыя дверцы, которыя придаютъ ему видъ шкапика, и четыре коротенькія ножки. Навьючиваютъ на верблюда этотъ ящикъ ножками вверхъ. Пучокъ перьевъ на нижнемъ концѣ имѣетъ придѣланную войлочную трубку, которая и надѣвается на торчащую вверхъ ножку ящика. По-монгольски харкира—косая цапля.

18. Карамань.

Въ прежнее время былъ бай Идилъ. У него былъ сынъ Исимъ. Этотъ Исимъ каждый день ходилъ въ табунъ; каждый день на табунъ нападали враги. Онъ убивалъ всѣхъ и приносилъ домой ихъ сѣдла и пригонялъ ихъ лошадей. Его отецъ никогда ничего не говорилъ ему, ничего у него не спрашивалъ. Сынъ, наконецъ, обидѣлся. Отецъ понялъ это. Однажды сынъ опять привезъ врага. Отецъ сказалъ: „Ты хочешь назваться батыремъ. Если ты убьешь батыря Карамана, тогда можно будетъ назвать тебя батыремъ“. Оба замолчали. Исимъ хотѣлъ искать батыря Карамана; въ одну ночь сѣлъ на лошадь и поѣхалъ, ничего не спросивъ у отца. Когда онъ ѣздилъ, то увидѣлъ—на одномъ хребтѣ раскинуть синій занавѣсъ. Приѣхалъ къ занавѣсу, поднялъ его и смотрѣлъ. Лежитъ желтый дау (сары-дау). Съ одной стороны дѣвица и съ другой стороны дѣвица. Онѣ выдавливаютъ сыпь, которая была на тѣлѣ дау. Исимъ хотѣлъ спасти дѣвицъ, взялъ лукъ и хотѣлъ пустить стрѣлу въ дау. Стрѣла попала въ спину. Дау показалъ дѣвицѣ на спину и сказалъ: „Вотъ это мѣсто!“ Дѣвица вынула стрѣлу и положила ее на землю. Исимъ все стрѣлялъ стрѣлами, дѣвицы вынимали ихъ и клали на землю. Дау всталъ и говоритъ: „Что-то все меня беспокоитъ?“ Дѣвицы говорятъ: „Мы тебѣ не сказали. За занавѣсомъ сидитъ человѣкъ и все пускаетъ стрѣлы“. Дау поднялъ голову и позвалъ Исима. „Ты пришелъ сюда, какъ мужчина, говоритъ дау; не убѣгай же, какъ женщина! иди!“ Исимъ пришелъ и поклонился. Дау сказалъ: „Счастливая дорога!“ Исимъ отвѣтилъ ему: „Пусть будетъ счастливая дорога отъ васъ“. Дау спросилъ: „За какимъ дѣломъ ходишь?“ Ищу батыря Карамана. „Охъ, несчастный! Не только ты, я даже ничего не могъ сдѣлать Караманъ-батырю. Я нѣсколько разъ ходилъ противъ него. Что ты можешь сдѣлать Караману, когда ты цѣлый день стрѣлялъ въ меня и ничего не могъ сдѣлать? Ты—храбрый человѣкъ; оставь Караманъ-батыря; будемъ друзьями“. Обнялись и сдѣлались друзьями. Исимъ сказалъ:—Я поклялся отцу, что я долженъ непременно пойти къ Караману. „Хорошо, иди! сказалъ дау. Караманъ взялъ мою сестру, и сколько я ни старался отнять ее у него, я не могъ“. Исимъ спросилъ:—Кто такой Караманъ? „Это—батырь, отвѣчаетъ дау, съ однимъ глазомъ во лбу“.—Гдѣ онъ находится? „Въ сторонѣ „кыбла“ есть высокая гора. У него есть народъ. Ты застанешь его во время кочевки“. Исимъ простился и ушелъ, сказавши: „Здѣсь встрѣтимся потомъ“.

Исимъ приѣхалъ къ высокой горѣ и взошелъ на ея вершину; съ горы увидѣлъ пылъ; идетъ кочевка и впереди ея что-то черное. Онъ ждалъ, все стоялъ на горѣ. Видитъ, ѣдетъ Караманъ на черномъ пноходцѣ; за нимъ—черная собака. Исимъ оставилъ лошадь въ оврагѣ,

а самъ спрятался въ пещерѣ. Собака Карамана учуяла его запахъ, подбѣжала, сунула свой носъ въ пещеру, и онъ едва-едва вошелъ въ отверстіе пещеры. Собака стала визжать, хотѣла войти въ пещеру, но не можетъ. Она ушла. Исимъ испугался. Коли собака такая, что носъ въ пещеру не входитъ, думаетъ Исимъ, то самъ онъ, должно быть, великанъ. Все-таки онъ рѣшился видѣть Карамана; сѣлъ на лошадь и поѣхалъ за нимъ. Онъ вскачь догналъ Карамана и далъ ему селямъ (привѣтствіе). Караманъ посмотрѣлъ на него косо. Поравнялись и поѣхали рядомъ. Караманъ рукой снялъ Исима съ лошади, положилъ въ кисе (кожаный карманъ) и застегнулъ пуговицу у кисе. Исимъ смотритъ—на днѣ кисе еще два мертвыхъ человѣка лежать. Потомъ Караманъ поѣхалъ рысью. Въ одномъ мѣстѣ остановился, слѣзъ съ лошади, снялъ кисе и бросилъ на землю. Развелъ большой огонь, открылъ кисе и вынулъ всѣхъ троихъ. Одного изъ убитыхъ разрѣзалъ на куски, насадилъ куски на желѣзный пруть и далъ его въ руки Исиму, чтобы жарилъ, а самъ легъ спать. Исимъ снялъ человѣка съ желѣза и желѣзо положилъ въ огонь. Когда желѣзо покраснѣло, онъ воткнулъ его въ глазъ Карамана, самъ тотчасъ же сѣлъ на чернаго иноходца и поѣхалъ. Караманъ пустился догонять, и чуть-чуть было не схватилъ коня Исима за хвостъ, но остался сзади. „Поручаю тебя отцу Кара-гусу (орлу), который отыщетъ тебя“, закричалъ Караманъ вдогонку. Исимъ продолжалъ убѣгать. Нѣсколько времени спустя появилась черная туча. Эта туча захватила Исима и въ одинъ мигъ унесла его и бросила въ одно большое озеро. Исимъ попалъ въ ротъ одной большой рыбы. Внутри рыбы онъ нашелъ много народу. Другъ друга спрашиваютъ: „Ты откуда?“ Исимъ спросилъ у другихъ: „Останавливается ли рыба?“—Временами останавливается, отвѣчаютъ ему находящіеся въ ней люди. Тогда Исимъ сказалъ: „Все равно мы пропадемъ! Когда рыба остановится, я разрѣжу желудокъ“. Половина народа одобрила его намѣреніе, другая половина не одобрила, но онъ рѣшился исполнить намѣреніе. Въ одно время рыба остановилась. Исимъ саблей разрѣзалъ ей желудокъ. Рыба быстро понеслась и приблизилась къ мелкому мѣсту. Люди стали всѣ выходить изъ рта рыбы; вода была по грудь людямъ. Всѣ стали расходиться по разнымъ направленіямъ. Вода, которая раздѣлилась, снова слилась, пришла въ прежнее положеніе. Всѣ люди выходили на сухое мѣсто. Сѣли и сдѣлали совѣтъ, стали спрашивать другъ друга: кто такой? У Исима былъ кремень; развели огонь, сварили мясо рыбы и ѣли. Изъ внутренности рыбы вышла сестра желтаго дау. Всѣ разошлись; Исимъ пошелъ съ сестрой желтаго дау, и спустя нѣкоторое время пришли къ мѣсту желтаго дау. Желтый дау все спалъ. Дѣвицы разбудили его: „Пришелъ твой другъ!“ сказали онъ ему. Дау всталъ и обнялся съ другомъ; поздоровались. Исимъ рассказалъ все происшедшее съ нимъ. Желтый дау сказалъ: „Когда Караманъ-батырь

унесъ мою сестру, съ горя я былъ готовъ умереть. Теперь, слава Богу, мы достигли цѣли. Вотъ эти двѣ дѣвицы—дочери двухъ царей. Я ихъ взялъ для развлечения, послѣ того какъ была похищена моя сестра, а теперь онѣ мнѣ не нужны. Выбери, которую хочешь, а другую я передамъ ея отцу“. Исимъ выбралъ себѣ одну изъ дѣвицъ. Дау сказалъ: „Пока я не прѣйду, сидите здѣсь“. Самъ пошелъ съ дѣвицей, отвезъ дѣвицу и черезъ нѣкоторое время вернулся. Исимъ простился съ дау и съ дѣвицей поѣхалъ къ своему народу. Онъ засталъ своего отца въ прежнемъ положеніи.—Откуда прѣхалъ, сынъ мой? спросилъ отецъ. „Прѣхалъ, убивши Карамана-батыря“, отвѣтилъ Исимъ.—Молодецъ! сказалъ отецъ и похлопалъ сына по спинѣ. Собралъ народъ, сдѣлалъ пирь, и Исимъ женился на дѣвицѣ.

Джанъ-Мухамедъ Чиигисовичъ Валихановъ.

Г. Султанъ-Газинъ слышалъ на р. Токрау рассказъ о двухъ охотникахъ; одинъ назывался Идыль, другой—Джанкъ. Одинъ изъ нихъ попалъ въ пещеру къ одноглазому великану, выкололъ ему глазъ раскаленнымъ желѣзнымъ коломъ и ушелъ изъ пещеры, вошедши въ козлиную шкуру.

19. Чюжэ и Шортанъ-бай.

Чюжэ былъ родомъ изъ кара-киргизъ¹; Шортанъ-бай происходилъ изъ племени Истекъ².

Богатый казакъ-киргизъ Курджу-бай приблизительно въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія устроилъ для народа ас—„трапезу“. На этомъ ас'ѣ киргизскіе поэты Чюжэ и Шортанъ-бай состязались въ импровизаціи. Шортанъ-бай упрекнулъ своего противника, что онъ—не казакъ-киргизъ, а кара-киргизъ.

Казактан атаң кыргыз түбің баска
Кельгенше таласасын осу жаска
Атаң кызыл іттен кыргыз туған
Каж жерден косуласын осу Алашка?

„Твой отецъ—киргызъ (т. е. кара-киргизъ) отъ народа Казакъ—особаго корня; до достиженія этого возраста ты спорилъ. Твой предокъ киргизъ родился отъ красной собаки. Въ какомъ пунктѣ ты сливаешься съ этимъ Алашемъ?“

¹ Кара-киргизами русскіе называютъ турецкое племя, которое кочуетъ въ горной странѣ отъ оз. Иссыкъ-куля на югѣ до истоковъ Инда и которое называетъ себя Кыргызъ, тогда какъ киргизы аралокаспійской низменности называютъ себя Казакъ.

² Именемъ Истекъ казакъ-киргизы называютъ остяковъ, а также прилагаютъ это имя къ башкирамъ и барабинскимъ туркамъ.

Чужэ отвѣтилъ Шортанъ-бау:

Казак пен истек мундар түбим бирге
Бармајсен Кара-тауға нең бар мунда
Кудајдың түсүн бозбан бендесі көб
Бес-атá тók бермеңіз дозакыға.

„Съ казакъ-киргизами, проклятый истек, мой корень единый. Ты не уѣзжаешь на Кара-тау ¹, что твое здѣсь есть? У Бога много лицемѣрныхъ рабовъ. Бесатинцы ², не давайте ничего этому проклятому“.

Записано въ уроч. Серембетъ.

20. Соломонъ.

Солнце, луна, вода и вѣтеръ обратились къ Соломону съ просьбой, чтобъ имъ было разрѣшено не двигаться, а стоять на мѣстѣ, такъ какъ вѣчно двигаться утомительно, а змѣя стала просить, чтобы ей были даны крылья, посредствомъ которыхъ она могла бы летать. Соломонъ собралъ весь свой народъ, всѣхъ животныхъ и птицъ для совѣта. Послѣ всѣхъ пришла летучая мышь и сказала, что всѣмъ надо отказать. Если солнце будетъ на одномъ мѣстѣ, то въ одномъ мѣстѣ будетъ свѣтло, а въ другомъ темно; то же самое будетъ, если и луна перестанетъ двигаться по небу. Если вѣтеръ будетъ дуть въ одномъ только направленіи, то весь песокъ, вся пыль и весь соръ будутъ снесены въ одинъ конецъ земли, и не будетъ равновѣсія. Если вода перестанетъ течь, она соберется въ одномъ мѣстѣ, и будетъ одинъ водопой на весь міръ; нельзя же всему народу прикочевать на одно мѣсто! Если дать змѣѣ крылья, она сгубитъ весь народъ. Тогда солнце сказало: „Если ты, летучая мышь, будешь летать днемъ, я сожгу тебя“. Луна сказала, что она постарается погубить летучую мышь; вѣтеръ сказалъ, что онъ унесетъ ее, вода—что затопитъ, змѣя—что ужалитъ. Тогда Соломонъ сказалъ летучей мыши: „Не летай днемъ и не летай въ лунную ночь, а только—когда наступитъ полная темнота и когда не дуетъ вѣтеръ; не пей воду, а соси свои сосцы; если змѣя заглянетъ въ твою нору и увидитъ тебя, то пусть она ослѣпнетъ.“

Вычиталъ изъ книги Аблесъ Валихановъ.

¹ Кара-тау — передовыя туркестанскія горы, поднимающіяся на южной окраинѣ Киргизской степи.

² Т. е. люди поколѣнія Бесъ-атá.

21. Кызырь.

Когда Кызырь поднимает свою плеть (а это онъ дѣлаетъ каждую весну), то „не остается съ иглу твердаго комка земли, съ монету снѣгу“. Тогда сходить съ земли снѣгъ, замерзшая земля оттаиваетъ и появляется зелень.

Каждый человѣкъ видитъ Кызыра три раза въ своей жизни, но не узнаетъ его. Онъ является или подъ видомъ нищаго, или подъ видомъ странника и т. п. Если бы узнать его въ это время и попросить счастья, онъ осчастливитъ на всю жизнь, но это рѣдко кому удается.

Ночь „кадръ“, кадыр киче бываетъ 27 числа поста рамазана. Въ это-то время онъ и является людямъ. Къ этой ночи относятся слова 97 главы корана, въ которой говорится о сошествіи ангеловъ на землю и о распространеніи на землѣ ихъ благодѣяній.

Записано въ урочищѣ Серембетъ.

Повѣрье о томъ, что Кызырь своимъ появленіемъ сгоняетъ снѣгъ съ полей ср. съ рассказомъ монгольской повѣсти о томъ, какъ вокругъ младенца Гэсэра (Джоро), выброшеннаго на снѣгъ, послѣдній таетъ (Танг.-гиб. окр., II, 41). [Слово „кадр“ въ названіи 97 суры корана не имѣетъ никакого отношенія къ имени пророка „Хызрь“ (по-каз.-кирг. Кызырь); вѣроятно, появленіе Хызра людямъ приурочивается казакъ-киргизами къ ночи „кадръ“ по созвучію этихъ двухъ именъ]. А. С.

22. Самое великое въ природѣ.

Самое большое изъ одушевленныхъ—рыба, изъ неодушевленныхъ—камышъ; джандыда балык улькѣн, джансызда камыс джуан.

Самая большая гора на свѣтѣ—Капъ-тау; самая большая вода—Мухить; самое большое дерево—камышъ; звѣрь—левъ (арслан); птица—Самрукъ, у которой двѣ головы: одна голова говоритъ по-человѣчьи, другая поетъ по-птичьи. Самая большая змѣя—Аждаха; самая большая рыба—Джаинъ.

23. На чемъ стоитъ міръ?

Міръ стоитъ на китовомъ усѣ и на рогу сѣраго или синяго быка.

24. Покровители домашнихъ животныхъ.

Зенги-баба—покровитель рогатаго скота, Чопанъ-ата—барановъ, Ойсуль-кара—верблюдовъ, Джылкычы-ата—лошадей, Чекъ-чекъ-ата—козловъ. Всѣ эти пять покровителей были святыми въ тѣ времена,

когда на землѣ царили святость и чистота; они пасли каждый свое стадо, любили и миловали его.

25. Названія созвѣздій и звѣздъ.

Большая Медвѣдица—Джети-каракчы, т. е. семь воровъ; они похитили ханскую дочь Ульпульдекъ и караулятъ ее до скончанія міра.

Плеяды—Уркѣръ. Когда эта кучка звѣздъ видна, тогда ночи бываютъ холодны, а когда ея нѣтъ на небѣ, на землѣ бываетъ жаръ.

Оріонъ (у русскихъ Кичиги) по-киргизски Таразы, „вѣсы“. Появленіе созвѣздія—признакъ наступленія холода.

Полярная звѣзда называется „Желѣзный колъ“.

Венера (русск. Зарница)—Чолпан. Утромъ она возвѣщаетъ приближеніе дня, вечеромъ приближеніе ночи.

Есть еще звѣзда Запура. Царь Сулейманъ, разсердившись на свою любимую жену Запуру за ея измѣну, по предоставленной ему отъ Бога мудрости превратилъ ее въ звѣзду, съ тѣмъ чтобъ она находилась между небомъ и землею до скончанія міра. Запура была злая женщина и сказала Сулейману: „Если ты меня сдѣлаешь звѣздой, то я всѣхъ тѣхъ, кто встрѣтится мнѣ ночью лицомъ ко мнѣ, буду дѣлать мертвыми, кто встрѣтится мнѣ спиной, у того умретъ семейство, кто съ лѣваго боку, у того падетъ конь, кто съ праваго, тотъ будетъ счастливъ“. Поэтому у киргизъ есть повѣрье: если приходится выѣзжать ночью на какую-нибудь добычу, то для успѣха нужно непременно выѣзжать съ правой стороны звѣзды Запуры.

26. Большая Медвѣдица.

Изъ семи звѣздъ созвѣздія шесть почитаются за шесть воровъ, алты каракчи; седьмая меньшая звѣзда въ серединѣ между ними это царевна. На ней будетъ жениться тотъ воръ, который ближе всѣхъ стоитъ къ ней.

Г. Султанъ-Газинъ (Токрау).

Киргизы знаютъ Джети-каракшы и Гранъ-каракшы¹. У одного бая былъ кусокъ золота съ лошадиную голову; онъ пряталъ его, зарывалъ въ землю подъ своимъ ложемъ. Было въ то же время семь воровъ, джети каракшы; старшій изъ нихъ назывался Гранъ-каракшы. Этотъ Гранъ-каракшы укралъ золото бая. Това-

¹ Гран, собственно кыран—„хищный“, „смѣлый“, „наглый“, „хватящій“ (алгыр).

рищи стали дѣлать и не могутъ раздѣлать. Тогда Грань-каракшы говорить: „Кто же лучше знаетъ, какъ его раздѣлать, какъ не его прежній хозяинъ. Я пойду и спрошу бая“. Онъ пришелъ къ баю; тотъ принялъ его, какъ гостя, и угостилъ его. По киргизскому обычаю, гость долженъ занять хозяина, пока варится мясо для угощенія, разсказомъ какой-нибудь сказки. Какъ бы исполняя этотъ обычай, Грань-каракшы разсказываетъ баю: „У одного бая было золото съ лошадиную голову; было семь воровъ товарищей; одинъ изъ нихъ укралъ это золото, но товарищи не умѣютъ его раздѣлать“. Тогда бай сказалъ: „Для этого нужно только завернуть золото въ жиръ кобылы, который берется для казы¹ и сварить; тогда золото размякнетъ“. Грань-каракшы передалъ секретъ товарищамъ; завернули золото въ жиръ, сварили, и оно размякло; тогда легко разрѣзали его ножомъ на семь частей².

Кокушъ Ч. Валихановъ.
(Серембетъ).

Есть разсказъ, какъ Грань-каракшы укралъ козла. Человѣкъ велъ козла, на которомъ висѣлъ колокольчикъ; человѣкъ, слыша позвякиваніе колокольчика, не оборачивался. Грань-каракшы перевязалъ колокольчикъ къ поясницѣ хозяина козла, а козла увелъ³.

Махм. Ч. Валихановъ.

27. У р к ѳ р ь.

(Плеяды).

Прежде Уркѳрь состоялъ изъ двѣнадцати звѣздъ; благодаря этому, тогда не было ни весны ни лѣта, была вѣчная зима. Тогда животныя рѣшили во что бы то ни стало изловить Уркѳрь и уничтожить. Съ этой цѣлью они стали гнаться за Уркѳромъ. Лошадь поймала четыре звѣзды и затоптала, верблюды затоптали двухъ, а шесть попали подъ копыта коровы, но вслѣдствіе раздвоенности копытъ коровы и ея небрежности всѣ шесть спаслись, отчего зима стала состоять изъ шести мѣсяцевъ. Когда всѣ животныя, разсердившіяся на корову, спросили ее, зачѣмъ она отпустила звѣзды, она отвѣчала: „Лучше ходить на морозѣ съ трескомъ (суукта сыхырлаб джурген джаксы), чѣмъ по жарѣ“. Оттого коровы мороза не боятся.

Г. Султанъ-Газинъ (Токрау).

¹ К а з ы—колбаса изъ конины.

² Преданіе о Грань-каракшы, по свидѣтельству г. Султанъ-Газина, на р. Токрау не знаютъ.

³ По свидѣтельству М. Ч. Валиханова, о Грань-каракшы вообще разсказываютъ воровскія темы.

28. Учь-Аркаръ.

(Оріонъ).

Учь-аркаръ, „три архара“¹ имѣютъ около себя трехъ архарятъ, такъ что созвѣздіе иногда называютъ Алты-аркар, „шесть архаровъ“. Подъ архарами будто бы сидитъ охотникъ (мерген).

Г. Султанъ-Газинъ (Токрау).

29. Звѣзда Исекъ-кырганъ.

Кромѣ Шолпана, есть еще звѣзда Исекъ-кырганъ. Она вводитъ въ заблужденіе караваны. Взойдетъ,—караванъ подумаетъ, что взошелъ Шолпанъ, что, значить, утро близко, завьючится и пойдетъ въ путь, и отъ продолжительнаго хода ослаы перемрутъ; оттого звѣзда и называется Исекъ-кырганъ.

Війсембе.

30. Кранъ - каракшы.

(Коко-тай).

Жилъ одинъ бай; у него были сынъ и дочь. Сынъ занимался охотой. Однажды его беркутъ упалъ на одну лисицу; когда онъ подошелъ, то увидѣлъ, что беркутъ одной лапой держитъ лисицу, а другой ухватился за камень. На камнѣ онъ увидѣлъ изображеніе дѣвицы и влюбился въ нее. Пришелъ домой и сталъ горевать, заболѣлъ и пересталъ говорить съ людьми. Тогда призвали его друга; думали, не заговоритъ ли онъ съ нимъ. Онъ сказалъ своему другу свою тайну. Тогда они двое отправились искать дѣвицу. Сынъ бая взялъ съ собой шесть товарищей и сорокъ навьюченныхъ имуществомъ верблюдовъ.

Много времени спустя около одного города они встрѣтили человѣка, котораго ведутъ люди: шесть—съ одной стороны и шесть—съ другой; на человѣкѣ надѣта желѣзная узда. Имъ сказали, что этотъ человѣкъ—преступникъ Кранъ, который хотѣлъ украсть ханскую дочь. Сынъ бая выкупилъ этого человѣка, отдалъ вмѣсто него сорокъ навьюченныхъ верблюдовъ. Люди, продавшіе вора, сказали сыну бая: „Держи крѣпко, а то убѣжить“. Но сынъ бая снялъ съ человѣка цѣпи, и Кранъ убѣжалъ. Сынъ бая погнался за нимъ на черной кобылѣ съ крыльями. На одномъ полѣ Кранъ остановился. Сынъ бая сказалъ: „Остановись! Я купилъ тебя за честно пріобрѣтенное имущество моего отца“. Кранъ не остановился. Сынъ бая вновь погнался за

¹ Аркар, архар — каменный баранъ, *Ovis Argali*.

нимъ. Кранъ опять остановился. Сынъ бая опять говоритъ ему: „Остановись! Я купилъ тебя за честно пріобрѣтенное имущество моего отца“. Кранъ опять пошелъ впередъ и сынъ бая за нимъ. Въ третій разъ Кранъ остановился, и сынъ бая въ третій разъ говоритъ тѣ же слова. Послѣ этого они сдѣлались друзьями. Сынъ бая сказалъ Крану, что онъ ищетъ красавицу. Кранъ сказалъ, что и онъ пріѣхалъ за ней, но попалъ въ плѣнъ. „Я пойду, говоритъ Кранъ; можетъ-быть, въ теченіе семи дней достану ее. Ты жди“. Кранъ пріѣхалъ ко дворцу дѣвицы, обратился въ слѣпую мышъ (сокур тышкан), сталъ подкапываться подъ стѣну дворца и вышелъ внутри его. Дѣвица находилась въ золотомъ ящикѣ. Кранъ взялъ ящикъ, вышелъ изъ дворца и принесъ ящикъ сыну бая. Кранъ говоритъ сыну бая: „Я пойду; пока не приду, не отворяй ящика. А если отворишь, то обмотай себя ея сорокасаженными волосами и не отпусти ее, несмотря на то, что она будетъ произносить всевозможныя клятвы, и вели ей сказать тогда: пусть меня побьетъ Коко-тай! и если она скажетъ эти слова, то отпусти ее“. Мальчикъ такъ и сдѣлалъ. Когда онъ произнесъ имя „Коко-тай“, она сказала: „Это тебя научилъ Кранъ“. Она произнесла: „Пусть меня побьетъ Коко-тай!“ и послѣ этого они подружились.

Кранъ пришелъ въ городъ воровать иноходца. Его поймали и спрашиваютъ, зачѣмъ онъ пришелъ въ городъ. Кранъ сказалъ: „Калмыцкій ханъ Сахыръ увезъ царевну, но я поймалъ ихъ и пришелъ за иноходцемъ, чтобъ везти ихъ“. Тогда отдали ему иноходца и отпустили его. Онъ пріѣхалъ къ своимъ товарищамъ—мальчику и дѣвицѣ. Трое поѣхали. Кранъ сказалъ имъ: „Я пойду впередъ, а вы поѣзжайте за мной“. Они поѣхали по чужой дорогѣ и достигли до одного города. Мальчикъ слѣзъ со своей лошади, далъ держать ее дѣвицѣ, а самъ вошелъ въ городъ; тамъ его схватилъ дау (великанъ) и посадилъ его въ тюрьму, въ которой прежде сидѣлъ Кранъ. Пріѣхалъ Кранъ и сказалъ дѣвицѣ: „Завтра въ полдень я пріѣду сюда, а если не пріѣду, то ты поѣзжай“. Этотъ домъ былъ домъ Крана; онъ построилъ его со своими родственниками. Когда пріѣхалъ Кранъ, то какой-то старикъ закричалъ, чтобъ Крана также посадили въ тюрьму. Тогда вышелъ одинъ изъ его братьевъ. Кранъ отрубилъ ему голову. Приходить другой—и ему отрубилъ голову; приходитъ третій и потомъ четвертый—всѣмъ Кранъ отрубилъ головы. Пятаго ударилъ саблей, но не могъ отрубить головы; сабля ударила все равно какъ о камень. Стали бороться, и Кранъ побѣдилъ, отрѣзалъ голову и пятому брату, вошелъ въ домъ, увидѣлъ старика, своего отца, и спросилъ:—Гдѣ мой другъ? „Въ той тюрьмѣ, въ которой ты сидѣлъ“, отвѣтилъ отецъ. Кранъ отрубилъ голову отцу и вынулъ у него изъ пазухи сорокасаженную веревку; посредствомъ этой веревки онъ вытащилъ своего друга изъ тюрьмы (зиндан). Потомъ Кранъ трупы своихъ братьевъ

и отца опустил въ эту яму и сказалъ мальчику: „Этотъ домъ принадлежитъ мнѣ; теперь здѣсь никого нѣтъ; будемъ здѣсь жить“. Всѣ стали жить тамъ. Кранъ и мальчикъ уходили на охоту, дѣвица оставалась въ домѣ. Ей дали ключъ отъ сорока домовъ, чтобъ она могла отворять и пересматривать драгоценныя вещи, хранившіяся въ нихъ. Въ одномъ домѣ она увидѣла двухъ аргамаковъ, чернаго и сѣраго, связанныхъ желѣзною цѣпью. Она сняла цѣпи и напоила лошадей. Аргамаки потряслись, обратились въ дау (великановъ), взяли дѣвицу и улетѣли съ нею. Когда Кранъ и мальчикъ вернулись съ охоты, дѣвица нѣтъ въ домѣ. Они сразу догадались, что ее унесли дау, которые были обращены въ лошадей. Кранъ сказалъ: „Восемь дней буду искать; если не вернусь, ты иди“. Сказавъ это, ушелъ.

Кранъ пришелъ къ рѣкѣ (дарья). Тамъ на островѣ жили дау. Кранъ переплылъ къ нимъ на камышѣ. Дау не было дома; въ домѣ сидѣла одна дѣвица. Кранъ сказалъ ей: „У этихъ дау души не при нихъ. Нужно достать ихъ души. Когда они придутъ домой и услышать мой запахъ, скажи, что тутъ моя тибетейка и не говори съ ними много. Когда спросятъ тебя, почему не разговариваешь, спроси, гдѣ ихъ души находятся“. Когда дау пріѣхали, дѣвица поступила такъ, какъ ее научилъ Кранъ. Когда она спросила у дау, гдѣ ихъ души они сказали, что на краю ихъ острова есть дерево бай терек, подъ нимъ есть ручей, въ этомъ ручьѣ—два маленькихъ чебака, которые плаваютъ; это и есть ихъ души. Кранъ пришелъ къ ручью и поймалъ этихъ рыбъ; сдѣлалъ разрѣзъ въ своей ляшкѣ, положилъ рыбъ въ этотъ разрѣзъ и закрылъ (замкнулъ разрѣзъ). Послѣ этого, какъ только поймаешь ляшку, сейчасъ же передъ нимъ являются дау со словами: „Что прикажете?“ Онъ пожалъ ляшку и сказалъ: „Везите меня скорѣе домой!“ Дау привезли его. Дома Кранъ поздоровался съ мальчикомъ, и они стали охотиться попережнему. Дау продолжали служить имъ. Однажды другъ сказалъ: „Мнѣ скучно! Скучаю по своей родинѣ“. Оба сѣли на двухъ дау и пріѣхали въ домъ мальчика. Отецъ мальчика умеръ; на его мѣсто ханомъ выбрали Крана. И всѣ стали жить. Всѣ цѣли были достигнуты.

Нуръ-Сеидъ.

Смерть, скрытая въ постороннемъ тѣлѣ, въ русскихъ сказкахъ составляющая особенность Кошея безсмертнаго, встрѣчается и въ стѣнныхъ сказкахъ: въ монгольской смерть мангатхая въ двѣнадцати пташкахъ (Очерки, IV, 461); въ сказкѣ сѣверныхъ бурятъ у Ашура-шара-мангытхая три души: одна спрятана въ золотогрудой сорокѣ, другая—въ тринадцати перепелахъ, третья—въ зайцѣ, который въ бѣломъ камнѣ, лежащемъ на днѣ моря (Балаганскій Сборникъ, 56); у южныхъ бурятъ душа Шидургу заключалась въ трехъ золотыхъ рыбахъ и въ трехъ пчелиныхъ жалахъ, которыя Хасаръ, братъ Чингисъ-хана, добываетъ изъ моря (Труды Троицкосав. Отд. Геогр. Общ., т. III, вып. I (1900 г.), Ирк., стр. 78).

Мѣстонахожденіе смерти злого существа (дау) въ киргизской сказкѣ описывается близко къ русской; два чебака, въ которыхъ она (собственно⁰ душа) за-

ключается, плаваютъ въ ручьѣ, текущемъ изъ-подъ дерева Бай-терекъ, который растеть на островѣ. Ср. съ русскимъ представленіемъ объ островѣ въ морѣ, на островѣ—дубъ, подъ дубомъ - смерть Кошея. Но въ киргизской сказкѣ смертельный характеръ добытаго предмета не выдержанъ; онъ превращается въ талисманъ, который носитъ Крана по воздуху въ родѣ того, какъ пергаментъ съ именемъ Господа въ еврейской легендѣ носитъ по воздуху Егюшуа. Добывъ пергаментъ Егюшуа сдѣлалъ надрѣзь на икрѣ своей ноги или ляжкѣ и въ этой ранѣ скрылъ пергаментъ (Krauss, Das Leben Jesu nach jüd. Quellen, S. 93); Кранъ поступаетъ подобнымъ же образомъ. Въ другихъ сказкахъ жизнь человѣка обезпечивается тѣмъ, что талисманъ (яйцо, камень) хранится въ недоступномъ мѣстѣ, и если онъ потревоженъ, человѣку (или живому существу) угрожаетъ смерть. Въ сказкѣ о Кранѣ, повидимому, было иначе: чтобы избавить себя отъ гибели, Кранъ долженъ былъ достать чебаковъ; получивъ съ этимъ вмѣстѣ возможность летать, онъ могъ избѣгать смерти, подобно тому какъ Егюшуа при помощи своего талисмана улеталъ на воздухъ отъ своихъ смертельныхъ гонителей.

См. также въ этомъ собраніи въ киргизской сказкѣ Ирѣ-Тюстюкѣ, № 13, 2 (описаніе смерти Шоюнъ-гулака).

31. Канъ-баба.

Ахмедъ-патша былъ. У него былъ единственный сынъ Канъ-баба. Отецъ не нашелъ ни одной невѣсты для него, ни одна дѣвица ему не понравилась. Канъ-бабѣ было уже болѣе двадцати лѣтъ. У Ахмедъ-патши былъ визирь; у него была одна дочь - красавица. Канъ-баба увидѣлъ дѣвицу и захотѣлъ сосватать ее, но Ахмедъ-патша сказалъ, что онъ не считаетъ эту дѣвицу подходящею. Канъ-баба говоритъ отцу: „А мнѣ думается, что мнѣ было бы хорошо на ней жениться“. Устроили сорокадневный пиръ, тридцать дней длились игры. Потомъ Канъ-баба пріѣхалъ къ своему тестю; привели дѣвицу, опустили занавѣсъ, дѣвицу вручили жениху, и женщины, сопровождавшія невѣсту, ушли. Канъ-баба притянулъ къ себѣ дѣвицу поближе, но она отвернулась отъ него и сказала: „Я выйду за тебя замужъ только тогда, когда умретъ Батыръ-канъ!“—и ушла. Канъ-баба остался одинъ. Утромъ онъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ. Вечеромъ опять пріѣхалъ къ тестю; женщины опять привели дѣвицу. Дѣвица опять оттолкнула Канъ-бабу, сказавши: „Выйду только тогда, когда умретъ Батыръ-канъ!“—и ушла. Опять уѣхалъ Канъ-баба и на третій день опять пришелъ. Опять женщины привели дѣвицу, и опять съ тѣми же словами дѣвица ушла. Канъ-баба ушелъ ночью.

Канъ-баба взялъ желѣзную палку, надѣлъ желѣзные сапоги и направился на западъ искать Батыръ-кана. Прошло много дней и много мѣсяцевъ (кѣб кўнъ кѣб айляр ѳтти). Онъ пришелъ къ большой юртѣ. Въ ней онъ увидѣлъ большую старуху. На огнѣ приставленъ котелъ, въ немъ варится мясо жеребенка. Подъ титками у старухи были узюки¹. Старуха спросила Канъ-бабу:—Откуда, куда

¹ Узюк—войлока, покрывающіе верхнюю часть юрты.

идешь, что за человекъ? „Я, отвѣтилъ Канъ-баба, желаю быть дочерью тому, у кого нѣтъ дочери, и сыномъ тому, у кого нѣтъ сына“. Старуха сказала: „У меня есть одинъ сынъ; я хочу сдѣлать тебя его товарищемъ“. Она дала ему одежду и мясо; они съѣли вдвоемъ все мясо, которое было въ котлѣ. Потомъ она вырыла яму въ землѣ, положила Канъ-бабу въ яму, а сама сѣла сверху и говоритъ ему: „Мой сынъ можетъ тебя убить. У него много враговъ, онъ съ ними вѣчно воюетъ; вечеромъ онъ вернется домой; для него было приготовлено мясо“. Вечеромъ пріѣхалъ Батыръ-канъ на птицѣ Самругъ и съѣлъ ужинать; онъ съѣлъ мясо цѣлой кобылы съ жеребенкомъ. Батыръ-канъ спрашиваетъ свою мать: „Что это значитъ, что здѣсь есть запахъ человека?“ Мать отвѣчаетъ: „Я нашла тебѣ брата. Если ты ему не сдѣлаешь зла, то я тебѣ покажу его“. Батыръ-канъ сказалъ: „Я не буду дѣлать ему зла“. Батыръ-канъ былъ очень сильный. Его мать вынула Канъ-бабу изъ ямы. Батыръ-канъ сказалъ птицѣ Самругу: „Проглоти его!“ Самругъ проглотилъ Канъ-бабу. Тогда старуха схватилась за горло птицы, но Батыръ-канъ сказалъ: „Не берись за горло: птица сама выброситъ проглоченное“. Потомъ онъ сказалъ Самругу, „Выбрось!“ Самругъ выбросилъ Канъ-бабу. Мать спросила сына: „Зачѣмъ Самругъ проглотилъ Канъ-бабу?“—Чтобы очистить его, отвѣчалъ Батыръ-канъ.

Батыръ-канъ далъ Канъ-бабѣ хорошее платье; онъ сдѣлалъ его своимъ братомъ; они ѣли всегда вмѣстѣ. У Батыръ-кана было сорокъ сараевъ (дворцовъ); онъ отдалъ Канъ-бабѣ ключи отъ всѣхъ сорока дворцовъ и сказалъ: „Я прошу тебя: тридцать семь дворцовъ можешь открывать, а трехъ не открывай“. Батыръ-канъ уходилъ днемъ, и Канъ-баба ходилъ и осматривалъ дворцы. Нѣсколько дней уже онъ провелъ во дворцахъ. Однажды онъ открылъ одинъ изъ запрещенныхъ дворцовъ и увидѣлъ тамъ двухъ дѣвицъ. Онѣ выбрали его: „Развѣ нашъ братъ позволилъ тебѣ смотрѣть этотъ сарай?“ Потомъ Канъ-баба отворилъ и другой запрещенный сарай; тамъ онъ увидѣлъ одну дѣвицу, красивѣе тѣхъ двухъ. Она посадила его на одѣяло, которое сама постлала, угостила его хорошимъ кушаньемъ и отпустила его. Канъ-баба открылъ и третій дворецъ. Тамъ человека нѣтъ, а только бурый аргамакъ, скованный цѣпями. Канъ-баба хотѣлъ войти во дворецъ; аргамакъ фыркнулъ, и Канъ-баба отлетѣлъ въ сторону. Канъ-баба снова вошелъ, связалъ голову аргамака веревкой, снялъ съ него оковы, сѣлъ на него, немного поѣздилъ и опять поставилъ аргамака на мѣсто, заперъ дверь и ушелъ домой къ старухѣ.—Откуда ты пришелъ? спросила она. Онъ разсказалъ ей, что онъ видѣлъ. Старуха сказала: „Чирагымъ (свѣтикъ мой)! Ты напрасно сдѣлалъ это, коли братъ тебѣ запретилъ“. Вечеромъ пріѣхалъ Батыръ-канъ. Она сказала ему: „Братъ твой сдѣлалъ проступокъ; простишь его или нѣтъ?“ Батыръ-канъ сказалъ: „Что жъ, отчего мнѣ не простить его. Онъ ви-

дѣлать только три дворца; тамъ видѣлъ дѣвицы, сестеръ. Если видѣлъ лошадь, то можетъ сѣсть на нее; онъ будетъ моимъ товарищемъ. Если дѣвицы худыя, то видѣлъ своихъ женъ; если дѣвицы хорошия, то видѣлъ своихъ сестеръ“. Батырь-канъ опять уѣхалъ на войну.

Однажды Канъ-баба спросилъ у Батырь-кана: „Гдѣ вы бываете днемъ?“ Батырь-канъ сказалъ: „Ты не спрашивай объ этомъ“. Но Канъ-баба пристаеетъ къ нему: „Я прошу сказать мнѣ“. Батырь-канъ сказалъ: „Вонъ тамъ видѣется высокая гора. Я перевалилъ черезъ нее на Самругъ; ни на какомъ другомъ животномъ черезъ эту гору перевалить нельзя. Тамъ я воюю съ однимъ народомъ пери“. Канъ-баба сказалъ: „Я тоже желаю съ вами поѣхать“. Батырь-канъ сказалъ: „Для тебя нѣтъ животнаго, на которомъ бы ты могъ поѣхать“. „Если позволите, я поѣду на буромъ аргамакъ“. Батырь-канъ сказалъ: „Я не смѣю сѣсть на него, а ты, если можешь, то поѣзжай“. Канъ-баба пошелъ, отворилъ дворецъ, вывелъ аргамака, сѣлъ на него и пріѣхалъ къ Батырь-кану. Тогда Батырь-канъ далъ ему пику, саблю и ай-балту¹ и сказалъ: „Ты не можешь прямо за мной ѣхать. Ты долженъ обойти гору кругомъ“. Канъ-баба и Батырь-канъ вмѣстѣ воевали противъ народа пери. Въ одно время Канъ-баба оглядѣлся и увидѣлъ, что людей пери осталось немного. Опять начали воевать. Канъ-баба опять открылъ глаза, посмотрѣлъ, — никого не осталось: одни убиты, многіе другіе убѣжали. Среди убитыхъ онъ увидѣлъ Батырь-кана. Его убилъ самъ Канъ-баба въ числѣ другихъ, невѣдомо для себя. Обнявши его голову, Канъ-баба сталъ плакать. Стала говорить птица Самругъ: „Кого ты больше любишь, брата или лошадь, на которой ѣдишь? Если брата любишь больше, то зарѣжь лошадь, самъ сядь внутрь ея туловища; прилетитъ птица алып-кара-гус (богатырь орелъ) съ двумя дѣтьми. Ты лови дѣтей; когда поймаешь, вели имъ, чтобъ они принесли тебѣ вѣчную воду (менги су)“. Канъ-баба послушался, зарѣзалъ лошадь, влѣзъ въ ея тушу. Прилетѣли птицы—мать и двое дѣтей. Онъ переловилъ дѣтей и сказалъ матери: „Принеси вѣчной воды, тогда отпущу твоихъ дѣтей“. Птица алып-кара-гус улетѣла и возвратилась, принесла воду. Канъ-баба убилъ одно дитя, пролилъ на него воду, дитя не ожило. „Принеси настоящую вѣчную воду, сказалъ Канъ-баба птицѣ, а то убью и другого“. Улетѣла птица, нѣсколько дней спустя принесла другую воду. Канъ-баба полилъ этой водой убитое дитя, оно ожило. Канъ-баба полилъ водой тѣло Батырь-кана, и онъ ожилъ. Батырь-канъ хотѣлъ взять дочь царя пери замужъ, но царь не отдавалъ, почему Батырь-канъ и воевалъ съ пери. Теперь они получили дѣвицу и вмѣстѣ вернулись домой на птицѣ Самругъ.

Канъ-баба и Батырь-канъ легли спать подъ деревомъ. Приле-

¹ Ай-балта—сѣкира, топоръ въ видѣ мѣсяца.

тѣли три попугая, стали бесѣдовать между собой, смотрять на спящихъ товарищей и говорятъ: „Оба они ничего не знаютъ, хотя и взяли дѣвицу пери. Когда поѣдутъ домой, царь пери будетъ предлагать имъ миръ, будетъ посылать имъ три вещи: платье съ девятью пуговицами; когда Батырь-канъ надѣнетъ его и застегнетъ девятую пуговицу, онъ умретъ“. Канъ-баба все это слышитъ. „Потомъ царь пери пришлетъ лошадь. Если Батырь-канъ сядетъ на нее, то умретъ“. И это слышалъ Канъ-баба. „Потомъ царь пери пошлетъ третью вещь: тарантула; тарантулъ укуситъ Батырь-кана“. Послѣ этихъ рѣчей попугаи улетѣли, сказавъ еще: „Кто эти слова слышалъ, пусть обратится въ сын-тас¹. Канъ-баба и Батырь-канъ пришли домой.

Нѣсколько дней спустя пріѣхали послы отъ царя пери и привезли черный кафтанъ съ девятью пуговицами. Когда передали кафтанъ Батырь-кану, Канъ-баба сталъ просить, чтобы Батырь-канъ подарилъ этотъ кафтанъ ему, и когда Батырь-канъ уступилъ, Канъ-баба сжегъ кафтанъ. Одинъ посторонній человѣкъ видѣлъ, какъ онъ жегъ. Еще нѣсколько дней спустя царь пери послалъ Батырь-кану лошадь. Канъ-баба опять просить, чтобы уступили ему лошадь. Батырь-канъ отдалъ лошадь, и Канъ-баба сжегъ ее. Батырь-канъ думаетъ, что Канъ-баба ему врагъ, потому что сжигаетъ то, что онъ ему даритъ.

Однажды они лежали въ юртѣ. Канъ-баба поднялъ голову и увидѣлъ, что кто-то принесъ тарантула и пустилъ и тарантулъ чуть было не добѣжалъ до Батырь-кана. Канъ-баба ударилъ тарантула саблей; капля крови тарантула упала на грудь дочери царя пери. Канъ-баба прильнулъ губами къ груди царевны, высосалъ кровь и выплюнулъ. Въ эту минуту проснулся Батырь-канъ. Онъ подумалъ, что Канъ-баба цѣлуетъ его жену. Утромъ всѣ встали. Когда сидѣли за ѣдой, Батырь-канъ спрашиваетъ Канъ-бабу: „Почему ты поцѣловалъ мою жену?“ Канъ-баба сказалъ ему, что онъ зарубилъ саблей тарантула, что капля его крови попала на грудь пери и онъ высосалъ ее. Батырь-канъ не повѣрилъ; Батырь-канъ все думалъ про себя, что Канъ-баба питаетъ къ нему враждебное чувство, потому что и подарки его сжегъ и жену поцѣловалъ.

У Батырь-кана родился сынъ. Батырь-канъ продолжалъ выказывать свое недружелюбіе къ Канъ-бабѣ, пока тотъ не ушелъ. Канъ-баба выписалъ на бумагѣ все добро, какое онъ сдѣлалъ Батырь-кану, и пошелъ навѣстить свою мать. Потомъ опять пришелъ къ Батырь-кану и сказалъ: „Вы мнѣ не повѣрили. Я скажу вамъ правду и уйду отъ васъ. Отецъ твоей жены послалъ тебѣ кафтанъ. Если бъ вы его надѣли, вы умерли бы. А кто это выскажетъ, тотъ обратится въ сын-тас“. Только Канъ-баба сказалъ это и до половины обратился въ камень. Канъ-баба говоритъ: „Потомъ царь пери послалъ вамъ ло-

¹ Сын-тас — „каменная баба“.

шадь. Если бы вы съели на нее, вы должны были бы умереть“. Сказалъ Кань-баба и обратился въ камень до груди. И когда онъ разсказалъ о таранулѣ, обратился въ камень до темени. Батырь-канъ обнялъ камень; вмѣстѣ съ женой двое плачутъ. Пріѣхалъ какой-то человекъ съ бѣлой чалмой на головѣ и спросилъ Батырь-кана: „Кого ты больше любишь: Кань-бабу или своего сына?“ Я люблю Кань-бабу и ради его готовъ пожертвовать сыномъ. „Такъ положи своего ребенка на этотъ камень и зарѣжь его, чтобы кровь окропила камень“. Батырь-канъ перерѣзалъ ножомъ горло своему сыну. Какъ только кровь пролилась на камень, Кань-баба встала и говоритъ: „Я уснулъ“. Ребенокъ былъ мертвый. Батырь-канъ сказалъ Кань-бабѣ: „Изъ любви къ тебѣ я поступилъ такъ со своимъ сыномъ“. Кань-баба полила ребенка вѣчной водой, и ребенокъ ожилъ. Сдѣлали пирь. Батырь-канъ отдалъ красивую свою сестру, сидѣвшую во второмъ сараѣ, замужъ за Кань-бабу.

Нѣсколько дней они жили вмѣстѣ. Потомъ Кань-баба попросилъ у Батырь-кана позволенія вернуться домой. „Что ты возьмешь? спросилъ Батырь-канъ. Сына ли, жену ли? Что хочешь?“ Кань-баба сказала:—Ничего не надо. Только одну вещь дайте! Дайте ту дѣвицу, которая меня оттолкнула. „Нечего дѣлать, сказалъ Батырь-канъ, возьми!“—Какъ же я возьму? „Надѣнь мое платье, сядь на моего гнѣдого жеребца и поѣзжай. Тамъ есть юрта на берегу озера; зайди въ нее и ложись на тюфякъ. Тамъ увидишь!“ Кань-баба пріѣхала въ юрту на берегу озера, вошла въ нее и легла на тюфякъ, а лошадь привязала къ юртѣ. Съ неба прилетѣло много утокъ и съели на озерѣ. Явился кѣк-карчига (сѣрый коршунъ) и началъ поочередно ловить всѣхъ утокъ. Налетѣло много жаворонковъ; прилетѣлъ кѣк-турунтай (сѣрый соколъ) и сталъ поочередно ловить всѣхъ жаворонковъ. Потомъ прилетѣла акъ-ку (бѣлая лебедь), съела на озеро, подплыла къ берегу, пришла въ юрту, скинула съ себя лебяжью шкуру и превратилась въ дѣвицу. Подошла къ лежавшему Кань-бабѣ; она приняла его за Батырь-кана и легла подлѣ него. Кань-баба схватила ее и держитъ крѣпко; достала кинжалъ, который лежалъ подъ тюфякомъ, отрѣзалъ одну титьку, вырѣзалъ одинъ глазъ, отрѣзалъ одну косу и ударилъ кинжаломъ по одной рукѣ. Взялъ шкуру лебедя, дѣвицу оставилъ, съѣлъ на лошадь и пріѣхалъ къ Батырь-кану. Батырь-канъ спросилъ его:—Пришла ли она? „Пришла“, отвѣчаетъ Кань-баба.—Ты что сдѣлалъ? „Отрѣзалъ титьку, вырѣзалъ глазъ, отрѣзалъ косу и отрубилъ руку“. Батырь-канъ заплакалъ. „Лучше бы совсѣмъ убить, сказалъ онъ. Напрасно искалѣчилъ ее“. Кань-баба взяла сестру Батырь-кана и съ сорока товарищами возвратился домой.

Кань-баба пришелъ домой. Отецъ его сталъ старъ. Его матери нѣтъ; ее увела птица алып-кара-гус; эта птица думала, что женщина еще родитъ такого храбраго сына, подобнаго Кань-бабѣ. Кань-

баба отправился искать свою мать. Спросилъ отца, въ которую сторону птица улетѣла. Отецъ сказалъ ему: „На поверхности земли нѣтъ ея. Она подь землей“. Канъ-баба взялъ запасу и сорокъ товарищей и отправился. На дорогѣ онъ увидѣлъ камень съ небольшую юрту. Онъ поднялъ камень, перевернулъ его. Подъ камнемъ было отверстіе. Держась за конецъ веревки, съ кинжаломъ и саблей, Канъ-баба спустился въ отверстіе. Сколько дней спускался, дошелъ до земли. Пошелъ, дошелъ до одной юрты и вошелъ въ нее. Тамъ сидитъ его мать. Онъ сталъ звать ее съ собой, но она не хочетъ итти. „Хотя ты меня увезешь, говоритъ она сыну, птица все-таки меня найдетъ“. Тогда Канъ-баба спросилъ:— Можно ли ее убить саблей? Мать говоритъ: „Можно во время сна“.— Гдѣ она теперь спитъ? „Вонъ за тѣмъ хребтомъ!“ Канъ-баба пошелъ туда съ саблей. Алып-кара-гус спалъ Канъ-баба, желая дать ему знать о себѣ, хотѣлъ сначала разбудить его и потому ударилъ его по голени. Проснулася птица и говоритъ: „Развѣ Канъ-баба пріѣхалъ? Ты теперь не уйдешь отъ меня! Ты не будешь живой!“ Они бросились другъ на друга. Канъ-баба ударилъ саблей и разрубилъ птицу пополамъ. „Что ты сдѣлалъ мнѣ своимъ ударомъ?“ сказала птица. Канъ-баба сказалъ ей: „Ты пошевелись!“ Птица пошевелилася и распалась на двѣ отдѣльныя половины. „Если ты храбрый, то ударь еще разъ!“ сказала птица. Канъ-баба сказалъ: „Два раза не буду рубить!“ Канъ-баба пріѣхалъ къ матери, сталъ звать ее. Она не пошла; она привыкла къ этой птицѣ. Канъ-баба принесъ съ собой мотокъ нитокъ и сказалъ матери: „Этотъ мотокъ послала вамъ сноха“. Далъ ей въ руки одинъ конецъ, а съ другимъ концомъ ушелъ отъ нея. Мать, желая смотать нитку, шла за Канъ-бабой и такимъ образомъ дошла до отверстія. Канъ-баба схватилъ тутъ свою мать и привязалъ къ веревкѣ; товарищи вытащили ее наверхъ. Самъ Канъ-баба пошелъ къ юртѣ, собралъ все имущество и самъ по веревкѣ вышелъ наверхъ. Съ товарищами и матерью вернулся къ отцу и отдалъ ему мать. Отца его сдѣлали царемъ. Изъ людей, которые жили въ одно время съ Канъ-бабой, никого не было храбрѣе его.

Бійсимбе.

Проглатываніе богатыря безъ злобной цѣли, какъ это сдѣлала птица Самругъ съ Канъ-бабой,—черта, встрѣчающаяся нерѣдко въ киргизскихъ сказкахъ; я слышалъ отъ киргизъ нѣсколько сказокъ, въ которыхъ старуха проглатываетъ проѣзжающаго богатыря и вновь его выплевываетъ; черезъ это дѣйствіе богатырь становится сыномъ старухи.

Завоеваніе дочери пери для „названнаго брата“ ср. съ Урусланомъ русской сказки, завоевывающимъ невѣсту для князя Ивана (Балаганскій Сборникъ, 272; Этногр. Обзор., XLVI, 17, 36), но въ киргизской сказкѣ нѣтъ разсказа о спящемъ въ полѣ богатырѣ. Мотивъ разсѣченія пополамъ, просьба еще разъ ударить и отказъ (эпизодъ съ птицей Алып-кара-гусъ) въ сказкѣ объ Урусланѣ прикрѣпленъ къ Зеленому царю Огненному щиту (Ровинскій, Народн. картинки, IV,

139; Бурятск. сказки, Ирк., 1889, стр. 150); въ бурятской сказкѣ Гужиръ разсѣкаетъ Нарапъ-Гэрэла (Бурятск. сказки, стр. 74).

Нитка, по которой мать Канъ-бабы вышла изъ подземелья, напоминаетъ эпизодъ изъ повѣсти о Гэсэрѣ: жены Гэсэра, желая узнать, куда уходитъ ихъ мужъ на дневное время, привязываютъ къ его платью нитку и по ней добираются до общества боговъ, въ которомъ онѣ увидѣли и своего мужа (Очерки, IV, 254; ср. на стр. 175 съ легендой о летучей мыши).

Окаменѣніе въ русскихъ сказкахъ (Аван., Н. Р. Ск., I, стр. 217, № 93, вар. с; Записки Красн. Подъотдѣла Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 52), какъ и въ этой киргизской, постигаетъ того человѣка, который добываетъ невѣсту для своего друга; онъ узнаетъ о грозившихъ поѣзду съ невѣстой опасностяхъ, предупреждаетъ ихъ во-время, но онъ не долженъ объ этомъ говорить подъ страхомъ окаменѣнія. Подозрѣнія, появившіяся въ головѣ жениха, заставляютъ его нарушить запретъ, и онъ окаменѣваетъ. Я указалъ уже въ другихъ статьяхъ на нѣкоторые случаи, въ которыхъ замѣчаются слѣды существованія въ степной памяти сказки объ окаменѣніи человѣка въ связи съ увозомъ женщины; наприм., преданіе о шаманѣ Гарханъ-бо. (Зап. Красн. Подъотдѣла Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 250), которому, во-первыхъ, приписывается увозъ ханской дочери, а потомъ окаменѣніе; не слѣдуетъ ли дополнить это преданіе въ томъ смыслѣ, что Тарханъ-бо привезъ дѣвину не для себя, а для своего друга?

32. Камень Адамъ-бильмесъ.

Быль бай. У него былъ единственный сынъ. Отецъ умеръ; сынъ обѣднѣлъ. Тогда онъ вышелъ изъ города. Шелъ, шелъ и въ одномъ мѣстѣ отъ голода упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, увидѣлъ, что одинъ сартъ ведетъ рабыню за верблюдомъ пѣшкомъ. Сартъ остановился, развязалъ рабыню и велѣлъ ей собирать тезекъ (пометь), а самъ поставилъ кумганъ¹ на огонь. Рабыня, собирая тезекъ, подошла къ голодавшему джигиту и спросила: „Бѣдный! что ты тутъ лежишь?“ Я человѣкъ несчастный, говоритъ ей джигитъ. Лежу въ безсиліи отъ голода. „Я тоже несчастная. Иди къ сарту и купи меня“.—Мнѣ не на что купить ѣды, и я голодаю,—на какія же средства я тебя куплю? „Иди къ сарту, онъ дастъ тебѣ токаш-мукаш (хлѣбъ). Когда наѣшься, попроси, чтобъ продалъ меня. Онъ скажетъ: не продамъ. А ты все-таки настаивай. Если согласится, то купи, а плату я сама отдамъ“. Джигитъ подошелъ къ каравану. Сартъ далъ ему чаю, и джигитъ ночевалъ въ караванѣ; онъ попросилъ сарта продать рабыню. Сартъ сказалъ: „Не продамъ. Она мнѣ служить, собираетъ тезекъ“. Продайте да продайте! пристааетъ джигитъ.—Отдамъ, говоритъ сартъ, если принесешь тысячу золотыхъ. „Отдай сегодня рабыню, говоритъ джигитъ, а золото я завтра принесу“. Сартъ отдалъ рабыню и сказалъ: „Завтра въ полдень принеси золото“. Джигитъ взялъ рабыню и удалился. Рабыня сказала ему: „Иди въ городъ и принеси семь разныхъ шелковъ, а деньги, скажи, отдамъ завтра“. Приѣхалъ джигитъ въ городъ къ

¹ Кумган—чугунный или мѣдный кувшинъ.

одному сарту, попросилъ семь разныхъ шелковъ, деньги пообщать принести на другой день. Отдалъ купецъ шелкъ джигиту, и тотъ принесъ его рабынѣ. Она велѣла помаленьку топить тезекъ по ночамъ и сама стала прясть шелкъ. Къ утру она соткала урамаль (платокъ). Она сказала джигиту: „Отдай этотъ урамаль сарту, у котораго взялъ шелкъ, и спроси сдачу, сколько слѣдуетъ“.—Сартъ взялъ у джигита урамаль и далъ ему сдачи тысячу золотыхъ. Это золото джигитъ отдалъ тому сарту, у котораго купилъ рабыню. Сартъ, простившись, уѣхалъ.

Джигитъ съ рабыней пріѣхали въ городъ, заняли одинъ худой домъ, исправили его и стали въ немъ жить. Она опять велѣла ему итти къ сарту и принести семь разныхъ шелковъ. Опять соткала урамаль. Никто не могъ узнать, изъ одного ли сорта шелка сотканъ урамаль или изъ семи сортовъ. „Передай тому же сарту,—учить она,—другому не давай! Если продашь другому, узнаютъ насъ и насъ разлучатъ“. Джигитъ отдалъ урамаль сарту; сартъ далъ за урамаль полторы тысячи золотыхъ. Еще онъ взялъ у сарта семь разныхъ шелковъ; она сдѣлала третій урамаль; джигитъ опять отнесъ его къ сарту и, получивъ деньги, вернулся. Они стали богаты.

Однажды жена хана вышла на базаръ, вошла въ лавку сарта и увидѣла урамаль. „Продай урамаль“, говоритъ сарту. Сартъ запросилъ пять тысячъ золотыхъ. Ханша выдала пять тысячъ и принесла урамаль во дворецъ. Собрался народъ и сталъ разсматривать урамаль. „Какой-токой челоуѣкъ сдѣлалъ эту вещь? Мы еще не видывали, говорятъ, такого мастера“. Ханъ пришелъ въ восторгъ и захотѣлъ непременно увидѣть челоуѣка, который соткалъ этотъ урамаль. Онъ послалъ къ сарту челоуѣка спросить, кто ему продаетъ такіе урамалы. Ханскій посланный пришелъ къ сарту, спросилъ. Сартъ сказалъ, что по утрамъ до восхода солнца приноситъ эти урамалы одинъ челоуѣкъ. „Я не спрашивалъ, кто онъ такой, и потому не знаю“. Вернулся посланный и доложилъ хану, что сартъ не знаетъ, кто ткеть эти урамалы. Собралъ ханъ народъ: не можетъ ли кто найти мастера, ткущаго эти урамалы. Въ это время одна старуха сказала: „Я найду. Дайте мнѣ курджунъ¹ разнаго шелка“. Дали ей шелкъ. Взяла шелкъ, сѣла на верблюда, поѣхала и закричала: „Продаю шелкъ!“ Кто купилъ у ней четыре сорта шелку, кто пять, но все сорта купить не нашлось челоуѣка. Она проѣзжаетъ около дома, въ которомъ живутъ джигитъ съ рабыней и кричитъ подъ окномъ: „Не покупаете ли шелку?“ Жена сказала джигиту: „Ей, бѣдняга! Старуха пріѣхала къ несчастью. Насъ узнали“. И потомъ, обращаясь къ старухѣ, сказала: „Намъ шелку не надо. Если привезешь шерсти или конопли, то купимъ“. Такимъ образомъ она прогнала старуху. Старуха при-

¹ Курджун—кожаная переметная сума.

шла къ хану. „Нашла ли?“ спрашиваетъ ханъ. „Нешла, говорить, но думаю, что въ этомъ домѣ, гдѣ меня прогнали и гдѣ сказали, что шелку не надо, а нужно только шерсти и конопля, ткуются эти урамалы“. Ханъ поставилъ караульщика около дома джигита. Они перестали продавать урамалы. Жена джигита, бывшая рабыня, была красивая женщина; она ходила подъ покрываломъ. Сартъ, у котораго нашель ее джигить, взялъ ее насильно; она не захотѣла быть его женой, и потому онъ обратилъ ее въ рабыню. Когда она спала, она снимала покрывало, перне. Когда она узнала, что пришли караульщики, она надѣла „перне“. Джигить сказалъ:—Спи, снявши перне, какъ дѣлала прежде. „Нѣтъ, бѣдняжка! говорить она. Если снять, то намъ придется разлучиться“. Джигить не согласился съ нею и заставилъ ее снять перне. Когда она сняла, красота ея обнаружилась. Это увидѣли караульщики и спросили сююншю¹ у хана. „Мы нашли!“ говорятъ. Ханъ послалъ челоуѣка позвать джигита. Пришелъ джигить къ хану. Ханъ сказалъ ему:—Отдай мнѣ свою жену и исполни одно мое дѣло. „Хорошо, сказалъ джигить, пойду, исполню твое дѣло“. Пришелъ къ женѣ и плачетъ; сказалъ ей: Ханъ велѣлъ отдать ему мою жену и принести камень Адамъ-бильмесъ (челоуѣкъ не знаетъ). „Бѣдняга! говорить жена. Ханъ хочетъ разлучить насъ. Теперь слушай меня. Принеси шелку три отдѣльныхъ мотка по семи сортовъ (ѹш бѣлек джети тѹрлѹ джибек)“. Джигить принесъ. Она соткала три урамала, отдала ему на руки. Потомъ она говорить джигиту: „Я скажу тебѣ свою тайну. Я была сначала дочерью пери. Были у меня три брата. Я была ихъ единственной сестрой. Было три снохи. Сартъ, который меня привелъ, былъ врагомъ моего брата. Когда сартъ ѣздилъ по торговымъ дѣламъ, мой братъ ограбилъ его. Когда мой братъ уѣхалъ въ путь, сартъ отнялъ меня у снохъ. Поѣзжай! Можетъ-быть, мои братья знаютъ, гдѣ находится этотъ камень“. Джигить взялъ урамалы и пошелъ. Она еще дала ему одно наставленіе: „Когда выѣдешь, посмотри назадъ не больше трехъ разъ. Тогда я дамъ какой-нибудь знакъ“. Прошелъ онъ немного, оглянулся и увидѣлъ, что его домъ поднимается. Прошелъ еще, еще оглянулся; домъ поднялся еще выше. Прошелъ еще дальше, еще оглянулся; домъ поднялся до облака. Больше не смотрѣлъ.

Ѣхалъ, ѣхалъ, черезъ нѣсколько дней доѣхалъ до одной бѣлой юрты въ степи. Тамъ увидѣлъ одну молодую красивую женщину. Сѣлъ въ юртѣ. Она спрашиваетъ:—Ты кто такой? „Я—странникъ“, отвѣчаетъ бѣдняга. Онъ умылъ себѣ лицо, вынулъ урамаль и вытерся. Женщина схватилась за урамаль и говорить: „Этотъ урамаль сдѣланъ женщиной, которая похищена сартомъ. Откуда ты взялъ этотъ урамаль?“ Это была юрта одного изъ трехъ братьевъ. Джигить сказалъ:

¹ Сююншю—подарокъ за радостное извѣстіе.

„Ваша сестра попала ко мнѣ“ и передалъ урамалъ. Его приняли съ почетомъ, какъ гостя. Вечеромъ пришелъ мужъ женщины подъ видомъ беркута. Онъ проглотилъ джигита. Женщина съ плачемъ схватила его за горло и показала ему урамалы. Онъ выплюнулъ джигита, оказалъ ему почетъ, спрашиваетъ, по какому онъ дѣлу пришелъ. „Я пришелъ по совѣту вашей сестры“, говоритъ джигитъ. Одинъ ханъ притѣсняетъ меня, велѣлъ принести камень Адамъ-бильмесь. Поэтому я пришелъ къ вамъ“. Тотъ сказалъ: „Я тоже не знаю. Можетъ-быть, знаетъ мой братъ, который живетъ подальше“. Онъ показалъ джигиту свое искусство, далъ ему обликъ (шкуру) беркута.

Джигитъ пришелъ къ среднему брату, далъ ему съ женой одинъ урамалъ. Средній братъ говоритъ: „Я тоже не знаю, гдѣ находится камень Адамъ-бильмесь. Можетъ-быть, знаетъ мой младшій братъ“. Средній братъ показалъ джигиту искусство сдѣлаться бѣлой мышью. Пошелъ джигитъ искать младшаго брата, нашелъ и ему далъ одинъ урамалъ. Младшій братъ говоритъ: „Я тоже не знаю. Въ этой землѣ есть большое море, дарья, посрединѣ моря — островъ, на этомъ островѣ—бай терек (тополь), на немъ—гнѣздо, въ гнѣздѣ—два дѣтеныша и ихъ мать Алыпъ-кара-гусь. Иди къ этой дарьѣ!“ Этотъ младшій братъ имѣлъ искусство летать въ видѣ сильнаго ястреба и научилъ джигита этому искусству. „Иди, сказалъ онъ еще джигиту, сломи одну камышину, положи ее въ воду, а самъ прицѣпись къ ней подъ видомъ мухи“. Джигитъ пришелъ къ дарьѣ вдвоемъ съ этимъ младшимъ братомъ. „Прицѣпись, говоритъ братъ, къ этой камышинѣ въ видѣ мухи! Если камышина приплыветъ близко къ острову, это будетъ хорошо. А если нѣтъ, то обратись въ ястреба, который можетъ не садясь, пролетать одно дневное разстояніе“. Джигитъ сѣлъ на камышину мухой; камышина поплыла. Много дней, много ночей плыла и близко подплыла къ дереву бай-терек. Потомъ джигитъ сдѣлался сѣрымъ ястребомъ и полетѣлъ. Сѣлъ на острову, около дерева, легъ подъ нимъ и сталъ человѣкомъ. Въ одно время птенцы (балапан) закричали. Джигитъ посмотрѣлъ, увидѣлъ: аждахаръ (драконъ) ползетъ по дереву къ гнѣзду. Джигитъ сталъ его рубить саблей, аждахаръ умеръ. Дѣтеныши упали на землю. Онъ взялъ ихъ и спряталъ подъ крыло. Прилетѣлъ Алыпъ-кара-гусь съ сильнымъ вѣтромъ и сейчасъ же проглотилъ джигита. Птенцы взяли свою мать за горло: Алыпъ-кара-гусь выбросилъ джигита. Дѣти сказали матери: „Этотъ джигитъ спасъ насъ отъ аждахара; надо ему сдѣлать добро, а не зло“. Тогда большая птица (чон-кус) спрашиваетъ джигита, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Тотъ говоритъ: — Я — несчастный! я ищу камень Адамъ-бильмесь. Я надѣюсь, что вы окажете мнѣ милость. „О, дитя! сказала птица джигиту. На одномъ островѣ у меня есть девяносто голодныхъ душъ, которыя пропитываются посредствомъ этого камня. Я тебя доведу туда. Ты долженъ самъ взять его“. Алыпъ-кара-гусь

доставилъ джигита на островъ; тамъ было много голодающихъ. Они разостлали бѣлый войлокъ и сказали: „Раскройся, Адамъ-бильмесь!“ Тогда Адамъ-бильмесь раскрылся, и изъ него вышло много пищи. Люди ѣли эту пищу; джигить, обратившись въ муху, тоже ѣлъ выпедшія изъ камня разныя кушанья. Подъ видомъ мухи онъ вошелъ въ сундукъ, въ которомъ хранился этотъ камень Адамъ-бильмесь. Люди сказали: „Соберись, Адамъ-бильмесь!“ Все, что вышло изъ Адамъ-бильмеса, снова въ него собралось. Люди положили камень въ сундукъ. Муха осталась сидящею въ сундукѣ. Весь народъ заснулъ. Муха обратилась въ бѣлую мышь, которая стала грызть сундукъ. Люди проснулись, говорятъ: „Кто-то хочетъ украсть Адамъ-бильмесь, вставьте!“ Встали и открыли сундукъ. Джигить принялъ видъ сѣраго ястреба, схватилъ камень и улетѣлъ. Много дней спустя, проголодавшись, ястребъ опустился на одномъ мѣстѣ. Желая ѣсть, онъ сказалъ: „Откройся, Адамъ-бильмесь!“ Камень открылся. Явилось сорокъ поставленныхъ юртъ; въ нихъ были готовы кушанья. Джигить пробылъ тамъ одинъ день. Посмотрѣлъ—много людей идетъ. Испугался, велѣлъ Адамъ-бильмесу собраться; онъ собрался. Пришелъ большой караванъ и увидѣлъ только одного человѣка, все остальное исчезло. Караванщикъ спросилъ джигита: „Ты что за человѣкъ? Гдѣ юрты и скоть, куда дѣвались?“ Онъ сказалъ: „У меня ничего нѣтъ. Я одинъ“, Караванщикъ сказалъ: „Ловите его!“ Поймали его. Говорятъ: „У него есть Адамъ-бильмесь. Ты скажи, есть у тебя Адамъ-бильмесь? Не скрывай! А то убьемъ!“ Испугавшись, джигить сознался, что у него есть Адамъ-бильмесь. „Если есть, говорятъ, то открой его. Мы—путешественники, мы насытимся“. Джигить открылъ Адамъ-бильмесь. Всѣ люди каравана наѣлись. Онъ закрылъ камень. Караванщикъ спрашиваетъ джигита: „Ты зачѣмъ искалъ его и гдѣ нашелъ?“ Онъ сказалъ: „Ханъ велѣлъ мнѣ отыскать его; ему несю“. Караванщикъ сказалъ: „У насъ тоже есть Адамъ-бильмесь; изъ него выходятъ только люди; ты возьми нашъ, а свой отдай намъ; намъ нуженъ скоть. А нашъ ты отнеси хану“. Джигить отдалъ свой Адамъ-бильмесь; караванщикъ далъ ему свой. Караванщикъ сказалъ: „Дорогой не открывай! Если откроешь, то выйдетъ войско, и если не будетъ врага, то тебя самого убьютъ“. Джигить обмѣнялся и ушелъ. Въ видѣ мухи залѣзъ подъ покрывало (джабу) одного верблюда изъ того каравана, съ которымъ обмѣнялся. Въ одномъ мѣстѣ караванъ остановился; люди стали просить караванщика открыть Адамъ-бильмесь, чтобы утолить аппетитъ. Караванщикъ говоритъ: „Не открою! Если открою, то отниметъ хозяинъ“. И не открылъ въ тотъ день. На слѣдующій день шли сильно, проголодались, стали просить открыть. Караванщикъ говоритъ: „Я открою, но мы потеряемъ Адамъ-бильмесь; хозяинъ возьметъ его“. Онъ открылъ. Всѣ сѣли; вышло мясо; ѣли; съ ними ѣлъ и джигить въ видѣ мухи. Потомъ собрали камень и

положили въ сундукъ. Когда караванъ спалъ, джигить, обратившись въ бѣлую мышь, началъ грызть сундукъ. Караванщикъ закричалъ: „Ей, вставайте! воруютъ Адамъ-бильмесь! унесутъ его!“ Народъ всталъ и собрался; открыли сундукъ. Джигить, сдѣлавшись сѣрымъ ястребомъ, схватилъ Адамъ-бильмесь и улетѣлъ. Онъ полетѣлъ въ видѣ беркута по направленію къ народу хана. Достигъ города, посмотрѣлъ на свой домъ. Домъ опустился низко; подошелъ къ нему, домъ упалъ на землю. Джигить вошелъ въ домъ, обнялъ жену, ночевалъ съ ней. Когда разсвѣтало, послалъ челоуѣка къ хану сказать — принеси-де Адамъ-бильмесь. „Пусть ханъ придетъ въ гости ко мнѣ“. Ханъ пришелъ въ гости къ джигиту со всѣми своими подданными. Пришли всѣ, никто не остался въ своемъ дому. Джигить заставилъ хана войти въ домъ, открылъ Адамъ-бильмесь, всѣмъ далъ пищу, всѣхъ угощалъ собственноручно. Жена сидѣла и поражала всѣхъ своей красотой; всѣ смотрѣли на нее и не могли ничего ѣсть. Ханъ думалъ, что онъ возьметъ и Адамъ-бильмесь и жену вмѣстѣ. Онъ собрался итти домой и сталъ просить джигита отдать жену. Джигить спросилъ жену, что дѣлать. „Скажи, говоритъ она, что отдашь“. Онъ сказалъ хану, что отдастъ. „Идите домой! Я слѣдомъ за вами приведу ее“. Ханъ обѣщалъ прежде дать джигиту свою дочь, если онъ принесетъ Адамъ-бильмесь; теперь захотѣлъ взять Адамъ-бильмесь и жену и не хочетъ дать невѣсту. Ханъ возвратился домой. Когда ханъ и люди ушли, жена открыла Адамъ-бильмесь, полученный отъ каравана, и сказала: „Выйди, вооруженное войско, и истреби все, кромѣ ханской дочери“. Вышло многочисленное войско, истребило народъ хана, оставило только дочь хана. Джигить женился на ханской дочери и самъ сдѣлался ханомъ.

Отъ первой жены родился сынъ. Однажды джигить положилъ сына на грудь. Ребенокъ испустилъ мочу; джигить засмѣялся. Старшая жена была около него и спросила, зачѣмъ онъ смѣется. Такъ, говорить; не сказалъ причину. „Зачѣмъ скрываешь? говорить жена. Зачѣмъ не скажешь свою тайну, по какому поводу засмѣялся?“ Джигить уступилъ. „Ну, скажу, говорить. Вотъ когда ты была рабыней сарта и, собирая тезекъ, подошла ко мнѣ, въ какомъ положеніи я лежалъ: спалъ или бодрствовалъ?“ — Ты спалъ. „Что дѣлали мои руки тогда?“ — Ты держалъ руки кверху, какъ будто хотѣлъ поддержать что-то. „Въ то время я видѣлъ сонъ. Изъ моей головы взошла луна, изъ ногъ взошло солнце, а изъ середины тѣла—звѣзда Шолпанъ. Изъ этой звѣзды капнула капля на мою грудь. Тогда я протянулъ руки, чтобы достать звѣзду. Я толкую этотъ сонъ такъ: луна—это ты, солнце—ханская дочь, звѣзда Шолпанъ—это твой сынъ, капля — его моча. Вспомнивъ этотъ сонъ, я засмѣялся“.

Бійсимбе.

Камень Адамъ-бильмесъ („человѣкъ не знаетъ“) — это тотъ сундучокъ русскихъ сказокъ, въ которомъ компактно замкнутъ цѣлый міръ; когда сундучокъ открывается, міръ освобождается и развертывается. Сундучокъ приносится въ исполненіе приказанія: „Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что“ (Аѳан. Н. Р. С., II, 31).

Камень Адамъ-бильмесъ находится въ гнѣздѣ, которое на деревѣ Бай-терекъ, дерево — на островѣ, островъ — среди „дарья“. Слово „дарья“ въ Туркестанѣ придается большимъ рѣкамъ. Въ русскихъ сказкахъ сходное представленіе: море-океанъ, среди него — островъ, на островѣ — дубъ, подъ дубомъ — утка, въ уткѣ — яйцо, въ которомъ скрывается смерть злого Кощея. Представленія о яйцѣ, въ которое втиснуто цѣлое царство, также встрѣчается въ русскихъ и европейскихъ сказкахъ (Аѳан., Н. Р. С., I, 225 и др.).

Киргизская сказка показываетъ, что степному фольклору были не чужды не только представленія о смерти внѣ собственного тѣла, въ родѣ представленія о Кошеѣ, но ему были знакомы также и представленія въ родѣ тѣхъ, которыя существуютъ въ русскомъ фольклорѣ о чудесномъ камнѣ среди океана, т. е. о бѣль-горючемъ камнѣ Алатырѣ.

Чаще подобныя представленія объ источникахъ человѣческаго благополучія встрѣчаются въ степномъ фольклорѣ не въ такой тѣсно очерченной обстановкѣ. Въ степи существовала вѣра, что человѣческое благополучіе связано съ нѣкоторыми предметами, какъ неодушевленными, такъ и одушевленными, — съ онгонами. Къ преданіямъ о живыхъ онгонахъ я причисляю рассказы объ отыскиваніи царя, иногда потерявшагося царя (см. въ этомъ собраніи киргизскія преданія о Чингисъ-ханѣ и Алаша-ханѣ). Его находятъ, поднявшись вверхъ по рѣкѣ. Объ убѣжищѣ Чингисъ-хана узнаютъ по перьямъ, плывущимъ по рѣкѣ; въ буддійской легендѣ плывущія по рѣкѣ яблоки даютъ знать о существованіи въ вершинѣ рѣки дерева; эти яблоки были источникомъ благоденствія для людей, населявшихъ низовье рѣки (Танг.-тиб. окр., II, 253). Дерево называется Галбырсень-модо.

33. Ку-бала.

(Хитрый мальчикъ).

Былъ ку-бала, хитрый мальчикъ; у него была сестра. Ханъ слышалъ, что этотъ Ку-бала всехъ обманываетъ, и захотѣлъ испробовать его хитрость. Онъ думалъ, что Ку-бала не будетъ въ состояніи обмануть его. Ханъ поѣхалъ къ Ку-балѣ. Ку-бала встала подъ деревомъ (бай-терекъ), обхватила его стволъ и держитъ. Подъѣхавшій ханъ спрашиваетъ, зачѣмъ онъ держитъ дерево. „Если я его отпущу, оно упадетъ“, говоритъ Ку-бала. „Обмани меня! проситъ ханъ. Говорятъ, ты ловко обманываешь. Можешь ли обмануть меня?“ Ку-бала ищетъ у себя за пазухой, потомъ говоритъ: „Я могъ бы обмануть тебя, но я забылъ дома книгу, по которой я обманываю. Если ты мнѣ дашь, ханъ, своего коня съѣздить въ мой домъ за книгой, то я берусь обмануть тебя“. Ханъ далъ ему своего коня. Ку-бала на ханскомъ конѣ уѣхала, а ханъ остался подъ деревомъ. Ку-бала на ханскомъ конѣ пріѣхала къ ханшѣ и сказала, что ханъ прислалъ его на своей лошади и велѣлъ привезти сорокъ тысячъ золотыхъ монетъ. Ханша,

видя, что Ку-бала дѣйствительно пріѣхалъ на ханской лошади, выдала золото.

Ку-бала пріѣхалъ домой; сестру спрятали, самъ одѣлся въ ея платьѣ и сидитъ. Ханъ ждалъ, ждалъ,—наконецъ, соскучился ждать, пошелъ въ домъ Ку-балы; входитъ, видитъ только сестру и спрашиваетъ: „гдѣ твой братъ?“ „Ушелъ куда-то, не знаю“, отвѣчаетъ женщина. Ханъ думаетъ, что бы взять взаменъ лошади; рѣшилъ взять сестру. Взявъ переодѣвшагося Ку-балу, привелъ въ свой домъ и приставилъ его служанкой къ тремъ своимъ дочерямъ. Ханскія дочери говорятъ своей новой служанкѣ:—Покажи намъ искусство своего брата. Не знаешь ли какого искусства? „Знаю одно, говоритъ служанка. Если прыгнешь съ наръ, то обратишься въ мужчину“. Старшая изъ сестеръ прыгнула, осмотрѣлась, никакой перемѣны не нашла въ себѣ; прыгнула другая, тоже осталась безъ перемѣны; и третья тоже. Онѣ сердятся и говорятъ, что сестра Ку-балы обманула ихъ. Переодѣтый Ку-бала говоритъ, что онѣ не умѣютъ прыгать. „Смотрите, какъ я прыгну!“ сказалъ онъ и прыгнулъ. И въ самомъ дѣлѣ вмѣсто женщины передъ ними былъ мужчина. Стали три сестры жить съ Ку-балой и начали ссориться изъ-за мужчины. Ссора дошла до того, что старшая сестра пошла къ брату хана и сказала, что служанка—гадкая и чтобъ ханъ убралъ ее. Ханъ отдалъ служанку сарту. Сартъ привелъ служанку въ свой домъ и велитъ ей ночью лечь въ постель вмѣстѣ съ нимъ. Служанка говоритъ, что прежде ей нужно выйти на дворъ. Сартъ не соглашается, боится, что служанка убѣжитъ. Служанка говоритъ, что онъ можетъ къ ея рукѣ привязать веревку. На это сартъ согласился. Переодѣтый служанкой Ку-бала вышелъ на дворъ, отвязалъ веревку отъ своей руки, привязалъ ее къ рогамъ козла, а самъ убѣжалъ. Сартъ беспокоится, что-то долго неидетъ его служанка, и потянулъ за веревку. Козель заревѣлъ. Онъ вышелъ посмотрѣть, увидѣлъ, что веревка привязана къ козлу, и подумалъ, что женщина превратилась въ козла. Сартъ пошелъ жаловаться хану, что его жена превратилась въ козла. Въ то же время пришелъ Ку-бала и сталъ жаловаться, что ханъ увелъ его сестру во время его отсутствія, отдалъ ее сарту, отчего она обратилась въ козла и просилъ вознаграждать его за потерю сестры. Ханъ согласился отдать за него одну изъ своихъ дочерей. Ку-бала выбралъ младшую.

Коса (Серембетъ).

Ср. съ русскими сказками о хитромъ обманщикѣ (Клима, Сенька маломъ и др., Аван., Н. Р. С., II, № 219, стр. 346, 348 и др.).

Ку-бала, поджидая ѣдущаго хана, держится за дерево Бай-терекъ; тибетскій обманщикъ (Танг.-тиб. окр., II, 169) держится за торчакъ, т. е. за храмовую мачту. Въ киргизской сказкѣ, повидимому, недосказано; въ тибетской обманщикъ заставляетъ подѣхавшаго всадника встать на свое мѣсто къ дереву и убѣгаетъ на его лошади. Вѣроятно, и въ киргизской первымъ обманомъ Ку-балы былъ хит-

рый обмѣнъ мѣстомъ—мотивъ, который очень часто встрѣчается въ разсказахъ объ обманщикѣ, какъ русскихъ (Этн. Обзор., XLV, 168; LIII, 4), такъ и монгольскихъ (о Балынъ-Сэнгэ, Очерки, IV, 236).

Отвѣтъ Ку-балы хану тотъ же, который въ монгольскомъ преданіи даетъ летучая мышь; она держитъ скалу (т. е. виситъ въ теченіе дня, прильнувши къ скалѣ) потому, что иначе скала упадетъ (Очерки, IV, 175, вар. 3; въ вариантѣ ж летучая мышь прижалась къ дереву). По сѣверно-индійскому сказанію (Liebgecht, Zur Volkskunde, 103) летяга, держа ноги кверху во время сна, поддерживаетъ небо.

Монгольское повѣрье также знаетъ мифическое дерево (Урупъ или Оропъ; Очерки, II, 162; IV, 187, 326); повидимому, съ нимъ связывалась идея объ источникѣ человѣческаго благополучія, потому что подъ нимъ найденъ младенецъ, предназначенный стать царемъ народа и принести ему порядокъ и счастье. Отголоски о такомъ мировомъ деревѣ есть и въ русскихъ сказкахъ; у Садовникова (Сказки и пред. самарск. края, стр. 37) „великій Каракульскій дубъ“, уступая молитвамъ трехъ сестеръ, открывается и выпускаетъ изъ себя живую и мертвую воду. Въ книжной сказкѣ объ Урусланѣ, по списку Ундольскаго, дубъ, къ которому слетаются птицы хохотуны, превращающіяся въ дѣвицы.

34. Три совѣта.

Быль бай Кѣшпесъ; онъ былъ очень богатъ. Было у него три сына и семь приказчиковъ. Бай умеръ. Семь приказчиковъ завладѣли имуществомъ Кѣшпеса, ничего не дали его сыновьямъ. Младшій сынъ назывался Ахмедъ. Ахмедъ остался на мѣстѣ, а два старшихъ брата разошлись въ разныя стороны. Жена Ахмеда была красивая. Ахмедъ былъ бѣденъ, потому что имущество отняли приказчики. Жена говоритъ Ахмеду: „Не будемъ жить въ этомъ городѣ; надо куда-нибудь уѣхать“. Уѣхали въ другой городъ. Дорогой они голодали; жена не могла дойти до города. Она говоритъ мужу: „Иди впередъ!“ Дала ему мотокъ нитокъ и сказала, чтобъ онъ купилъ для нея хлѣба. Мужъ взялъ нитки и ушелъ въ городъ. У воротъ города онъ встрѣтилъ старика съ сѣдой бородой. „Куда ты идешь?“ спрашиваетъ старикъ. Ахмедъ сказалъ:—Мы вдвоемъ съ женой. Жена отъ голода не могла дойти до города. Я хочу продать мотокъ нитокъ и купить для нея хлѣба. „Я тебѣ дамъ совѣтъ, говоритъ старикъ, а ты мнѣ отдай нитки“. Тотъ согласился, отдалъ мотокъ и проситъ дать совѣтъ. „Мой совѣтъ, говоритъ старикъ: раньше смерти никто не умретъ! и только“. Ахмедъ вернулся къ женѣ. „Гдѣ хлѣбъ?“ спрашиваетъ она. „Я отдалъ за совѣтъ старику“, отвѣчаетъ мужъ. „Зачѣмъ ты отдалъ нитки старику? Я умираю съ голоду“. Она дала другой мотокъ нитокъ и велѣла непременно принести хлѣба. Опять онъ пошелъ въ городъ и опять встрѣтился съ тѣмъ же старикомъ. „Отдай мнѣ твои нитки за совѣтъ“, проситъ старикъ. Тотъ отдаетъ нитки, и старикъ даетъ ему совѣтъ: если будешь въ гостяхъ, то не ложись раньше хозяина. Пришелъ къ женѣ; жена плачетъ безъ хлѣба. Опять дала мотокъ нитокъ на по-

кунку хлѣба. Пошелъ онъ въ городъ и еще разъ встрѣтилъ того же старика и опять отдалъ нитки за совѣтъ. Въ этотъ разъ старикъ далъ такой совѣтъ: когда осердишься, не дѣлай ничего. Мужъ возвратился къ женѣ. Жена плачетъ: „Что мнѣ дѣлать съ твоими совѣтами, когда мнѣ надо хлѣба!“ Тогда онъ бросилъ жену и ушелъ отъ нея.

Шель, шель и пришелъ въ одну черную юрту. Увидѣлъ—черная корова связана съ теленкомъ и сидитъ старуха, прядетъ нитку. Старуха спрашиваетъ его:—Откуда идешь? „Я—несчастный странникъ, отвѣчаетъ онъ; иду издалека“. Старуха подоила корову, испекла на молокѣ хлѣбъ и подала ему. Былъ вечеръ; онъ остался тамъ ночевать и просидѣлъ долго. Старуха говоритъ ему: „Ложись спать“. Онъ ей на это отвѣтилъ: „Раньше хозяина лечь нельзя. Пока вы не ляжете, и я не лягу спать“. Старуха говоритъ: „Волей-неволей ты долженъ будешь лечь“. Юрта ея была полна золота и серебра. Джигитъ помнилъ совѣтъ старика не ложиться раньше хозяина и боялся старухи,—думалъ, что старуха убиваетъ своихъ гостей. Со страхомъ легъ, завернулся въ шубу. Старуха не спитъ, сидитъ, прядетъ; молодой человѣкъ тоже не спитъ, лежитъ, не смыкая глазъ. Старуха подумала, что онъ спитъ, и помочилась надъ мѣстомъ, гдѣ былъ разведенъ огонь; джигитъ видѣлъ это. Огонь потухъ; изъ этого мѣста выпла зеленая трава (къ джапрак¹); черезъ нѣкоторое время эта трава сдѣлалась сухою. Старуха взяла эти сухіе листья въ руку. Стала толочь ихъ, сдѣлала порошокъ, стала мѣсить вмѣстѣ съ тѣстомъ. Испекла изъ тѣста на огнѣ хлѣбъ и заложила его въ джибыкъ². Послѣ этого легла и заснула. Тогда джигитъ всталъ, взялъ немного порошка, сдѣланнаго старухой, и самъ сталъ мѣсить тѣсто. Замѣсилъ и испекъ хлѣбъ, взялъ хлѣбъ старухи и положилъ себѣ подъ голову, а на его мѣсто положилъ свой. Разсвѣтало; оба встали. Старуха подоила корову; достала съ джибыка хлѣбъ, сварила его въ молокѣ и подала джигиту. Онъ сталъ ѣсть. Старуха смотрѣла на него и дивилась; онъ съѣлъ весь хлѣбъ и все-таки остался живъ. Поѣвши, джигитъ сказалъ: „Теперь я уйду“. И сказалъ еще: „У меня тоже есть хлѣбъ. Отвѣдайте моего“. Онъ подаль свой хлѣбъ старухѣ; та съѣла его и умерла. Джигитъ ушелъ отъ нея.

Шель, шель и увидѣлъ большой караванъ; тамъ, гдѣ онъ шель, не было воды, былъ только большой колодезь. Прежде этотъ колодезь былъ извѣстенъ караванамъ: они всегда тутъ останавливались и поили свой скотъ; воду изъ колодезя доставали, опуская въ него человѣка на веревкѣ. Караванные люди спустили одного человѣка въ колодезь и вытянули его безъ головы; воды не добыли. Другого опустили,—этого вынули безъ нижней половины тѣла. Въ это время къ

¹ Собственно „зеленые листья“.

² Джибыкъ—верхній край кереге, т. е. юрточной рѣшетки.

нимъ подошелъ Ахмедъ-джигить. „Что вы дѣлаете?“ спросилъ онъ. Караванные рассказываютъ, что каждый годъ останавливались здѣсь и доставали воду изъ колодезя, опуская челобѣка на веревкѣ; нынѣ спустили въ колодезь двоихъ, одного вынули безъ головы, другого безъ заду. „Кто намъ достанетъ воду, тому дадимъ третью часть нашего скота“, сказали они. „Я достану вамъ воды, сказалъ джигить; но вы потомъ не дадите мнѣ третью часть вашего скота?“—Дадимъ, сказали караванные люди. Спустили Ахмеда въ колодезь. Тамъ было много лѣстницъ. Внизу стоялъ челобѣкъ пяти аршинъ ростомъ съ саблей въ рукѣ.—Ты куда идешь? спросилъ онъ. „Я иду за водой для каравана“, отвѣчалъ джигить. Челобѣкъ, стоявшій съ саблей, взялъ джигита за руку и привелъ въ большую юрту. На одной сторонѣ внутри юрты былъ растянута занавѣсъ изъ шелковой матеріи, на другой—изъ простой. Привязанъ одинъ черный ягненокъ. Въ юртѣ лежитъ кустарникъ. Хозяинъ, вошедши, закричалъ: „Стойте! пріѣхалъ судья“. Съ одной стороны встала молодая женщина, съ другой—пожилая. „Давай справедливое рѣшеніе, говоритъ хозяинъ, а не то срублю голову. Эта—молодая, та—пожилая; которая изъ нихъ красивѣе?“ Ахмедъ сказалъ:—Красивѣе не то, что красиво, а то, что любишь (сулу сулу имес, суйген сулу). „Я буду твоимъ другомъ, сказалъ хозяинъ. Я знаю тайну. Пожилая—моя первая жена, молодая—недавно взятая. При первой женѣ всѣ молодые люди были у меня въ гостяхъ, пировали, было весело. При второй женѣ бываютъ споры, нѣтъ прежнихъ удовольствій. Однажды я спалъ; была ночь. Утромъ, когда я проснулся, очутился здѣсь со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, съ ягненкомъ и кустарникомъ. Каждый день зарѣзываю ягненка, каждое утро онъ оживаетъ“. Тогда Ахмедъ сказалъ: „Мои товарищи страдаютъ безъ воды; прежде чѣмъ продолжать бесѣду, надо ихъ напоить“. Онъ досталъ своимъ товарищамъ воды и сказалъ имъ, что завтра онъ поднимется на поверхность земли, доставивъ воду. Самъ вернулся въ ту юрту. Переночевалъ въ ней. Утромъ хозяинъ спрашиваетъ: „Что хочешь отъ меня? любую изъ женъ возьми, но ягненка дать тебѣ нельзя, потому что имъ мы питаемся“.—Я отъ васъ ничего не желаю, только дайте мнѣ саблю въ знакъ дружбы, сказалъ Ахмедъ. Хозяинъ опять далъ воды каравану. Когда караванъ сказалъ, что болѣе воды не надо, Ахмедъ простился съ хозяиномъ юрты и вышелъ на поверхность земли. Караванъ приготовился отдать Ахмеду третью часть скота. У начальника каравана была карая лошадь, осѣдланная золотымъ сѣдломъ. Ахмедъ просилъ эту лошадь, а если не дадутъ, то не хотѣлъ брать третьей части скота. Хотя всѣ люди въ караванѣ хотѣли отдать, но хозяинъ лошади не согласился. Хозяинъ лошади говоритъ: „Надо спросить его, какъ онъ досталъ воды и что тамъ есть на днѣ колодезя“. Ахмедъ сказалъ каравану: „Тамъ есть джалмаусъ (живоглотъ) съ семью головами; онъ-то и убилъ

вашихъ двухъ людей, а я убилъ его самого; силой взялъ воду и отобралъ у него саблю“. Караванъ пошелъ; лошади, которую онъ просилъ, ему не дали, и онъ не взялъ третьей части скота. Товарищи стали совѣтоваться: „Надо отдать лошадь Ахмеду, потому что онъ— богатырь, можетъ истребить насъ. Онъ убилъ джалмауса, у котораго глазъ былъ величиною съ чангаракъ¹. Посовѣтовались и отдали Ахмеду лошадь, которую онъ просилъ.

Ахмедъ ушелъ отъ каравана. Онъ сдѣлалъ сыбызгы², сѣлъ на иноходца и сталъ искать жену. Приѣхалъ въ большой табунъ и спросилъ: чей это табунъ? Пастухъ сказалъ: „Ахмеда“. Приѣхалъ къ большому стаду верблюдовъ, спросилъ у пастуха: чьи верблюды? „Ахмедовы“, отвѣчаетъ пастухъ. Подѣхалъ къ стаду коровъ, спросилъ: чьи коровы? „Ахмеда“. Подѣхалъ къ овцамъ: чьи овцы? „Ахмеда“. Ахмедъ подумалъ: „Моя жена, вѣроятно, безъ меня вышла за другого и, вѣроятно, разбогатѣла. Чтобы мое имя не было забыто, она велѣла называть скотъ принадлежащимъ мнѣ. Нужно убить ея мужа“. Вошелъ въ юрту, видитъ, раскинутъ занавѣсъ. Онъ отдернулъ занавѣсъ, увидѣлъ, — спитъ жена, съ нею вмѣстѣ спитъ молодой лѣтъ пятнадцати красивый джигитъ. Ахмедъ вынулъ саблю, хотѣлъ зарубить джигита, но вспомнилъ наставленіе старика: „когда осердишься, не дѣлай ничего“ и остановился. Ахмедъ разбудилъ жену. Жена встала, узнала мужа, заплакала. Они поздоровались. Жена разбудила спавшаго съ нею сына и говорить: „Богъ далъ намъ, отецъ приѣхалъ!“ Она осталась беременною отъ мужа. Скотъ, который видѣлъ Ахмедъ, былъ данъ его сыну за показъ, кѣрендик. Когда жена съ сыномъ разбогатѣли, они откочевали въ степь.

Бійсимбе.

35. Джаналы.

Былъ бай; у него былъ единственный сынъ Джаналы. У бая было три гнѣдыхъ лошади. Однажды бай пошелъ напоить трехъ лошадей. Вдругъ появился айдахаръ (драконъ) и взялъ его за воротъ. Бай сталъ умолять его отпустить, и айдахаръ отпустилъ, но подъ условіемъ, что бай отдастъ ему сына Джаналы. Бай пришелъ домой и сталъ горевать. Сынъ спрашиваетъ, о чемъ онъ горюетъ. Бай сказалъ, что обѣщалъ отдать его айдахару. Сынъ спросилъ, въ какой день назначена отдача. Когда наступилъ срокъ, Джаналы приходитъ къ гнѣдому коню и говорить: „О, тор'атым, тор'атым! джал

¹ Чангарак—деревянный кругъ или обручъ, служащій крышей или сводомъ юрты.

² Сыбызгы—киргизская флейта.

гуйругуң канатым төрт аягың булатым!¹—Сколько ты лѣтъ можешь жить?“ Конь отвѣчаетъ: „Могу бѣгать тридцать лѣтъ“. Джаналы приходитъ къ другому коню и ему говорить тѣ же слова: О, тор'атым! и пр. Другой конь тоже можетъ тридцать лѣтъ бѣгать. А третій конь на тотъ же вопросъ отвѣчаетъ: „До тѣхъ поръ могу бѣгать, пока будутъ черныя копыта“. Въ это время приблизился айдахарь. Когда онъ свисталь, то беременныя женщины выкидывали ребятъ. Джаналы сѣлъ на младшую гнѣдую лошадь, простился со своимъ народомъ, отправился къ Золотой горѣ и сказалъ, что на этой горѣ могутъ найти его кости. Тридцать лѣтъ бѣжалъ Джаналы, тридцать лѣтъ видѣлъ вершину Золотой горы, все это время айдахарь гнался за нимъ. Отецъ въ это время женился на другой; у него родился сынъ, которому тоже дали имя Джаналы. Этотъ новый Джаналы игралъ въ бабки. Однажды одинъ мальчикъ сказалъ ему: „Почему ты не ищешь брата, котораго айдахарь угналъ на Золотую гору?“ Джаналы приходитъ къ матери и проситъ сварить пшеницу, потомъ прижимаетъ ея руку къ котлу и спрашиваетъ ее, есть ли у него братъ. Не вытерпѣвъ боли, она говоритъ, что есть, что онъ теперь на Золотой горѣ, его угналъ айдахарь. Тогда онъ подошелъ къ гнѣдому коню и говоритъ: О, тор'атым, тор'атым! и пр. Онъ сѣлъ на коня, поѣхалъ и въ теченіе тридцати лѣтъ достигъ до Золотой горы; онъ увидѣлъ, что его братъ бѣжитъ впереди, а айдахарь гонится за нимъ. Кругомъ Золотой горы уже образовался ровъ отъ копытъ ихъ лошадей. Джаналы пустилъ стрѣлу и подсѣкъ двѣ ноги коню своего брата; тогда айдахарь сталъ догонять стараго Джаналы. Младшій братъ еще разъ выстрѣлилъ и отдѣлилъ у айдахара голову отъ туловища, подѣхалъ къ брату и велѣлъ пересѣсть къ нему на лошадь сзади. Они хотѣли отправиться домой. Тогда по Божьей волѣ безногій конь началъ говорить: „О, Джаналы! Зачѣмъ ты меня оставляешь?“ Джаналы остановился. Тогда по Божьей волѣ ноги у коня выздоровѣли, и старшій Джаналы сѣлъ на своего коня. Пріѣхали домой, устроили той, пустили лошадей въ скачку, достигли большого почета. Всѣ цѣли были достигнуты (барча мурат басына джетти).
Сексенъ.

36. Джаурунъ.

(Кость лопатка).

У одного бая былъ сѣрый быкъ (кѣк бука), который сорилъ золотомъ, мочился серебромъ; этого быка пасли три сына бая; младшій пасъ хвостъ быка, средній пасъ бокъ быка, а старшій голову. Однажды къ младшему брату подѣхалъ проѣзжій человекъ (джилаучи); па-

¹ О, мой гнѣдой конь, мой гнѣдой конь! Грива и хвостъ твои—мои крылья, четыре ноги твои—моя сталь!

стухъ бычьяго хвоста говорить гостю, что ему нечѣмъ угостить его, потому что у быка запоръ, желудокъ испортился, и онъ прекратилъ сорить золотомъ. „Поѣзжай далѣе, говорить онъ гостю; тамъ мой средній братъ пасетъ бокъ быка; быкъ мочится серебромъ, и братъ угостить тебя“. Джилаучи отправился далѣе, ѣхалъ цѣлый день и только къ вечеру доѣхалъ до средняго брата. Онъ разсказалъ среднему брату, что онъ былъ у младшаго брата, что этотъ братъ сказалъ ему, что быкъ пересталъ сорить (тышпайды), и потому велѣлъ ѣхать къ среднему. Средній братъ говорить, что онъ тоже не можетъ принять гостя, какъ обычай велить, потому что быкъ прекратилъ изливать серебро, что дѣлалъ прежде. Онъ послалъ гостя къ старшему брату, который пасетъ голову. Джилаучи отправился впередъ. Поѣхалъ съ утра и только къ вечеру доѣхалъ до головы быка; разсказалъ старшему брату, что видѣлъ и младшаго брата и средняго и тѣ сказали, что быкъ не выдѣляетъ ни золота ни серебра, и послали его къ старшему брату. Старшій братъ говорить, что и онъ замѣтилъ перемѣну въ быкѣ; быкъ пересталъ ѣсть траву и потерялъ жвачку. Въ это время появляется алыпъ-кара-гусъ (богатырь орелъ), беретъ быка въ когти, уноситъ на воздухъ и опускается надъ стадомъ, которое паслось въ степи, садится на рогъ одного козла и начинаетъ ѣсть быка. Подъ бородой козла въ тѣни спалъ пастухъ. Лопаточная кость сѣраго быка выпала изъ когтей птицы и попала въ глазъ спавшаго пастуха. Проснувшись, онъ чувствуетъ, что что-то есть въ глазу и мѣшаетъ ему. Онъ пошелъ къ своей женѣ, чтобъ та посмотрѣла. Та увидѣла лопаточную кость (джаурун), начала тянуть, но не могла вытянуть. Взяла лопатку (күрек), выковырнула ею кость изъ глаза мужа и бросила ее въ степи. Пошелъ дождь. Въ ямочкѣ лопаточной кости скопилась вода, образовалось озеро; прежде въ этой степи воды не было, теперь тутъ стали останавливаться люди во время перекочевки; собралось множество народа и скота, который поили въ этомъ озерѣ, занимавшемъ чашечку лопаточной кости. Бѣжала мимо лисица, замѣтила на лопаткѣ остатки сухожилия, схватила лопатку, побѣжала съ нею. Народъ пустился за лисицей отнимать лопатку; догнали лисицу и убили ее. Стали снимать съ нея шкуру; сняли съ одной стороны, обращенной кверху, но шкуру на другой сторонѣ должны были оставить неснятой, потому что не могли перевернуть лисицу на друбой бокъ. Изъ снятой половины шкуры вышли всему народу тумакъ (шапки). Въ это время въ томъ народѣ одна женщина родила ребенка. Она тоже хотѣла сшить своему ребенку шапку изъ лисейей шкуры. Она пошла, перевернула лисицу, сняла шкуру съ другого бока и стала шить; хватило шкуры только на четверть шапки. Спрашивается, что больше: сѣрый ли быкъ, козелъ ли, птица ли, родившійся ли ребенокъ, пастухъ ли, — или лисица?

Кокэ (Серембетъ).

Васильевъ, Образцы киргизск. народн. словесности. Оренб., 1898, в. I, стр. 84, сказка „Три брата“; Сборникъ свѣд. о кавказск. горахъ, вып. III, стр. 14.

37. Урь-токпакъ.

Былъ одинъ бай. Онъ сътью поймалъ сѣраго ястреба (кѡк-карчига), принесъ его домой и привязалъ. Сѣрый ястребъ заговорилъ человѣческимъ голосомъ: „Ты меня не держи въ плѣну, а отпусти на волю. Я дамъ тебѣ подарокъ, который тебѣ пригодится“. —Если я отпущу тебя, говоритъ бай, гдѣ же и какъ я тебя найду? „Иди на востокъ и спрашивай: гдѣ живетъ Кѡкъ-карчига-бай? Тебѣ покажутъ дорогу, и ты найдешь меня“. Бай отпустилъ птицу.

По прошествіи нѣкотораго времени бай отправился за обѣщаннымъ подаркомъ. Встрѣчаетъ стадо барановъ—такое большое, что оно покрываетъ степь, насколько человѣческой глазъ можетъ обнять. Бай спрашиваетъ у пастуховъ: чье это стадо? Тѣ отвѣчаютъ, что это—стадо Кѡкъ-карчига-бая, и въ свою очередь спрашиваютъ, куда бай идетъ. Бай говоритъ, что идетъ къ Кѡкъ-карчига-баю, который приглашалъ его къ себѣ въ гости и обѣщалъ подарокъ. „Что посоветуете просить у него?“ спрашиваетъ бай у пастуховъ. „Не проси ни скота ни золота, совѣтуютъ пастухи, а скажи, что возьмешь только закоптѣлый казанъ (котель)“. Идетъ бай дальше, встрѣчаетъ пастуховъ лошадей, потомъ пастуховъ коровъ, верблюдовъ; каждое стадо покрываетъ степь, насколько можетъ охватить человѣческой глазъ; всѣхъ спрашиваетъ, чьи это стада и табуны. Тѣ также отвѣчаютъ, что эти стада—все того же Кѡкъ-карчига-бая, и также совѣтуютъ не просить ничего, кромѣ закоптѣлаго котла. Наконецъ, бай увидѣлъ бѣлую юрту и вошелъ въ нее. Тамъ сидѣлъ Кѡкъ-карчига-бай уже въ человѣческомъ видѣ. Онъ принялъ пришедшаго бая ласково, угостилъ его и спрашиваетъ, что же онъ желаетъ получить отъ него. Бай говоритъ, что ему не нужно ничего изъ его скота, а возьметъ онъ у него только закоптѣлый котель. „Хорошо, сказалъ Кѡкъ-карчига-бай. Возьми! У этого котла есть одно свойство, которое ты долженъ знать. Это котель такой, что стоитъ только сказать: котель! наполнись тѣмъ-то! и онъ самъ собою наполнится такой пищей, какую ты пожелаешь“. Бай взялъ котель, подвѣсилъ къ своей спинѣ и понесъ. Дорогой онъ захотѣлъ ѣсть. Онъ поставилъ котель на землю и сказалъ: „Наполнись мясомъ!“ И котель мгновенно наполнился варенымъ мясомъ. Бай поѣлъ, снова подвѣсилъ котель на спину и пошелъ далѣе. Пришелъ въ одинъ аулъ, возлѣ котораго играли дѣти. Онъ оставилъ котель на степи, а дѣтямъ сказалъ: „Не трогайте мой котель и не говорите ему: наполнись мясомъ!“ и вошелъ въ юрту. Дѣти подошли къ котлу и сказали: „Наполнись мясомъ!“ Котель наполнился мясомъ; дѣти съѣли мясо, котель спрятали, а вмѣсто него поставили совершенно такой же

съ виду другой. Бай не замѣтилъ, что котель подмѣненъ, взялъ его и пошелъ домой. Приходитъ и говоритъ своей старухѣ (кемпір), что онъ принесъ подарокъ отъ Кѡкъ-карчига-бая. Старуха стала бранить его за то, что онъ не догадался выпросить подарокъ болѣе цѣнный. Бай говоритъ ей, что это котель не простой, а съ достоинствомъ, что слѣдуетъ только сказать: наполнись, котель, мясомъ или молокомъ, какъ онъ сейчасъ же и наполнится. Чтобъ доказать, что онъ не лжетъ, бай сказалъ котлу: „Наполнись мясомъ!“ Но котель остался пустымъ, какъ и былъ. Старуха еще болѣе разсердилась на бая.

Пошелъ онъ опять къ своему другу Кѡкъ-карчига-баю. Встрѣчаетъ поочередно тѣхъ же самыхъ пастуховъ, рассказываетъ имъ, что у него подмѣнили казанъ и спрашиваетъ ихъ, что теперь просить. Они говорятъ: „Не бери ничего изъ скота, а попроси одинъ только старый сундукъ. У этого сундука достоинство: какъ только отворишь крышку, изъ ящика начнетъ выходить всякій скотъ—бараны, коровы, лошади, верблюды“. Бай дошелъ до Кѡкъ-карчига-бая и попросилъ у него другой подарокъ, именно старый сундукъ. Кѡкъ-карчига-бай далъ ему сундукъ. Бай опять дошелъ до того аула, въ которомъ играли дѣти. Онъ оставилъ сундукъ на стени, дѣтямъ сказалъ, чтобъ они не открывали сундукъ, и вошелъ въ юрту. Дѣти открыли сундукъ; изъ него сталъ выходить скотъ. Дѣти спрятали сундукъ, вмѣсто него поставили другой такой же. Бай не замѣтилъ подмѣны, взялъ подмѣненный сундукъ и пошелъ домой. Пришедши, говоритъ женѣ, что принесъ новый подарокъ отъ друга Кѡкъ-карчига-бая—старый сундукъ. Жена опять бранить его, что не могъ выпросить что-нибудь получше. „Но этотъ сундукъ съ достоинствомъ“, оправдывается бай. „Если открыть его крышку, изъ него начнетъ выходить всякій скотъ“. Бай открылъ крышку; никакого скота не показывается. Принялась жена бранить его пуще прежняго. Пошелъ опять бай къ своему другу. Проходя мимо пастуховъ, рассказываетъ имъ о своемъ горѣ и спрашиваетъ, что ему теперь просить. Тѣ посоветовали ему просить токпакъ¹. У этого токпака такое достоинство. Слѣдуетъ только сказать: „ур, токпак! бей, колотушка!“—и токпакъ начнетъ колотить. Стоитъ только сказать: „кой, токпак! перестань, колотушка!“—и токпакъ успокоится. Бай получилъ и этотъ третій подарокъ отъ своего друга Кѡкъ-карчига-бая. На обратномъ пути приходитъ въ аулъ, въ которомъ играютъ дѣти; онъ бросилъ колотушку на стени, дѣтямъ сказалъ: „Не говорите моему токпаку: „ур, токпак!“ и самъ вошелъ въ юрту. Дѣти подошли къ колотушкѣ и сказали: „ур, токпак!“ Колотушка принялась колотить ихъ. Дѣти бѣжать отъ нея, колотушка гоняется

¹ Токпак—деревянная колотушка; ею заколачиваютъ въ землю колышки, къ которымъ прикрѣпляется натянутый арканъ для привязыванія жеребятъ на время доенья кобылъ.

за ними и бьетъ ихъ. Они кричатъ и плачутъ; и до тѣхъ поръ колотушка била ихъ, пока не вышелъ изъ юрты бай. Они кричатъ ему, чтобъ онъ остановилъ колотушку, что они выдадутъ ему и казанъ и сундукъ. Они выдали баю эти вещи; онъ сказалъ: „кой, токпак!“— и колотушка успокоилась. Бай взялъ токпакъ, закоптѣлый котель и старый сундукъ и возвратился домой. Когда онъ сказалъ котлу: „наполнись!“—котель наполнился мясомъ. Когда открылъ крышку сундука, изъ него вышелъ всякій скотъ, и степь покрылась стадами и табунами. Бай сдѣлался богатымъ. Онъ предупредилъ свою старуху, чтобъ она побереглась, не говорила колотушкѣ: „ур, токпак!“ Во время его отсутствія старуха не утерпѣла и сказала: „ур, токпак!“ Колотушка ударила ее и убила.

Кокэ (Серембет).

38. Темиръ-гендикъ.

Былъ богачъ; у него были сынъ и дочь. Приходятъ враги—наполовину русскіе, наполовину казакъ-киргизы. Сынъ, по имени Темиръ-гендикъ¹, перебилъ ихъ всѣхъ. Однажды его сестра нашла въ степи человѣка, лежащаго подъ камнемъ или придавленнаго камнемъ (тас мнан бастырган). Онъ сталъ просить ее поднять камень; дѣвица отказалась; тогда онъ пообѣщалъ жениться на ней; она подняла камень, отвела человѣка въ свой домъ и спрятала въ золотой сундукъ. Однажды было нужно перенести юрты; люди подняли ящикъ и нашли, что онъ очень тяжелъ. Сестра говоритъ брату: „Я больна; достань мнѣ молока чернаго сайгака со звономъ на шеѣ“. Темиръ-гендикъ отправился доставать молоко. Ему встрѣтился человѣкъ въ дорогѣ и сказалъ, что исполнить дѣло, за которымъ онъ поѣхалъ, грудно, и совѣтуетъ ему вернуться. Но Темиръ-гендикъ не соглашается. Тогда встрѣтившійся ему человѣкъ учить его: „На пути тебѣ встрѣтятся двѣ собаки; имъ слѣдуетъ дать мяса съ бедра, джанбасъ. Потомъ попадется верблюдъ, который успокоится, если ему бросить нагайку и сказать ей: обратись въ поводакъ! Потомъ встрѣтятся три дау—бѣлый, синій и черный и, наконецъ, встрѣтится старуха (кемпір), которой принадлежит сайгакъ“. Темиръ-гендикъ отправился далѣе. Онъ встрѣчаетъ двухъ собакъ и бросаетъ имъ джанбасъ; собаки не дѣлаютъ ему вреда. Встрѣчаетъ верблюда, бросаетъ нагайку и говоритъ ей: обратись въ поводакъ (бійде)! Верблюдъ пропустилъ его. Встрѣчаетъ бѣлаго дау, борется съ нимъ четыре дня и четыре ночи и убиваетъ его; потомъ борется съ синимъ дау и послѣ четырехъ дней и четырехъ ночей убиваетъ его; наконецъ, борется съ чернымъ дау также четыре дня и четыре ночи и этого также убиваетъ. У всѣхъ трехъ отрѣзываетъ

¹ Темир-гендикъ,—„желѣзный пупъ“.

уши. Потомъ онъ добрался до чернаго сайгака со звонкомъ, который пасся около старухи (кемпір), починявшей треснувшую землю. Темиръ-гендикъ выдоилъ молоко изъ вымени сайги и убѣжалъ; старуха пустилась за нимъ. Когда они бѣжали черезъ мѣста, гдѣ жили дау, старуха крикнула: „Дау! ловите!“ Тогда Темиръ-гендикъ показалъ ей отрѣзанныя уши, чтобъ она узнала, что они уже убиты. Потомъ они ѣдутъ мимо верблюда. Старуха кричитъ верблюду: „Задуши его!“ Верблюдъ говоритъ ей: „Ты никогда не снабжала меня поводкомъ, а онъ далъ мнѣ поводокъ. Поэтому никогда не буду тебѣ служить“. Далѣе они встрѣчаютъ собакъ. Старуха приказываетъ имъ: „Задуйте его!“ Онѣ отказываются. „Ты, говорятъ, никогда насъ не накормила, а онъ далъ намъ мяса“.

Темиръ-гендикъ привезъ сайгачье молоко домой. Приближаясь къ дому, онъ видитъ ауль и спрашиваетъ: „чей это ауль?“ Люди отвѣчаютъ, что этотъ ауль принадлежитъ теперь человѣку, лежавшему подъ камнемъ, а прежде принадлежалъ Темиръ-гендику. Далѣе Темиръ-гендикъ встрѣчаетъ своихъ родителей; они пасутъ овецъ. Онъ спрашиваетъ ихъ: „чей это ауль?“ Они отвѣчаютъ: „Раньше принадлежалъ нашему сыну Темиръ-гендику, а теперь богатырю, лежавшему подъ камнемъ, женившемуся на сестрѣ Темиръ-гендика и обратившему насъ въ рабовъ“. Темиръ-гендикъ остался въ юртѣ на ночь. Онъ попросилъ старуху-мать погладить ему спину. У него на спинѣ было родимое пятно. Мать увидѣла, узнала, что это — ея сынъ, обняла его; всѣ заплакали. Темиръ-гендикъ признался, кто онъ; всѣ окружавшіе узнали его, устроили большой пиръ. Народъ присягнулъ ему. Привели богатыря, лежавшаго подъ камнемъ, и сестру Темиръ-гендика; Темиръ-гендикъ отправился къ народу богатыря, лежавшаго подъ камнемъ, покорилъ этотъ народъ, убилъ богатыря, лежавшаго подъ камнемъ, убилъ свою сестру и сдѣлался ханомъ двухъ народовъ. Темиръ-гендикъ достигъ своей цѣли.

Сексень, старикъ 64 лѣтъ (Серембетъ).

39. Лисица.

Живетъ старикъ со старухой. Онъ ловить рыбу. Каждый день лисица отнимаетъ у него рыбу, такъ что старику приходилось умереть съ голоду. Старуха велитъ ему взять топоръ и сразиться съ лисицей. Когда старикъ пришелъ на рыбную ловлю съ топоромъ, лисица не подошла къ нему. Всю наловленную рыбу онъ положилъ въ телѣгу и отправился домой. Лисица легла на дорогѣ, притворилась мертвою. Старикъ увидѣлъ ее, обрадовался, поднялъ лисицу и положилъ въ телѣгу. Онъ замечтался о томъ, какъ онъ сошьетъ изъ ея

шкуры тумакъ¹ и задумался, какой матеріей покрыть его. Пока онъ мечталъ, лисица съѣла всю его рыбу и вылъзла изъ телъги. Старикъ пріѣхалъ домой и вызываетъ старуху: „Радуйся, старуха! Я привезу и рыбу и лисицу. Богъ далъ! Сшей мнѣ шапку“. Посмотрѣли въ телъгѣ—ничего нѣтъ. Тогда старуха побила старика.

Идетъ дау (великанъ) и вырываетъ деревья съ корнями. Старуха велѣла старику выйти навстрѣчу и сказать о себѣ, будто онъ ищетъ дау, съ которымъ онъ могъ бы помѣряться силой. Когда старикъ сдѣлалъ такъ, какъ велѣла старуха, дау сказалъ старику, что и онъ, дау, ищетъ себѣ соперника.—Какъ же мы будемъ мѣряться? спросилъ дау. „Давай, выведемъ мозгъ земли“, говоритъ старикъ. Старуха зарыла въ землю въ одномъ мѣстѣ рыбы кишки. Дау топталъ, топталъ землю, ничего не вышло. Старикъ топнулъ ногой, гдѣ были зарыты кишки рыбы,—кишки вышли наружу. Тогда дау сказалъ: „Ты сильнѣе меня!“ И они подружились. Жена научила старика, чтобы онъ позвалъ на-завтра дау къ себѣ въ гости. Старикъ пригласилъ дау и отпустилъ его домой. Ночью старикъ со старухой держалъ совѣтъ, какъ освободиться отъ дау; мало-по-малу онъ подъ конецъ узнаетъ, что у нихъ силы нѣтъ, и убьетъ ихъ. Старуха совѣтуетъ: „Завтра, когда придетъ дау, ты говори мнѣ: сварю мясо для друга. Я скажу: ничего нѣту,— что я сварю? Ты опять скажи: сварю голову перваго дау, или грудь послѣдняго дау, или въ крайнемъ случаѣ этого самого дау. Тогда онъ не стерпитъ и убѣжитъ“. Назавтра, когда дау пришелъ, старикъ и старуха такъ и сдѣлали, какъ уговорились наканунѣ. Когда дау услышалъ этотъ ихъ разговоръ, подумалъ, что его самого хотятъ сварить, испугался и бросился бѣжать, надѣвъ на шею чангарак². Такимъ образомъ старикъ со старухой спаслись отъ этого великана и жили потомъ спокойно.

Кокушъ Ч. Валихановъ.

40. Аби и Таби.

Были два брата сироты. Однажды они заблудились и пришли къ разстану съ надписями; на одной дорогѣ было написано: барса келер, если пойдешь, то придешь; на другой барса кельмес, если пойдешь, то не придешь. Братья заспорили; каждый старался убѣдить другого — пойти по счастливой дорогѣ. Наконецъ, споръ кончился тѣмъ, что по счастливой дорогѣ пошелъ старшій братъ. Онъ пришелъ въ одинъ городъ, зашелъ къ одному человѣку и, когда тотъ началъ

¹ Тумак—шапка съ ушами.

² Чангарак—деревянный обручъ, который служитъ верхнимъ вѣнцомъ юрты. Вѣроятно, дау, испугавшись, опрометью бросился въ верхнее отверстіе юрты, и чангаракъ самъ надѣлся ему на шею.

разспрашивать его, сказалъ, будто онъ заблудился и теперь желалъ бы къ кому-нибудь поступить въ сыновья. Тотъ человѣкъ былъ бездѣтный; онъ усыновилъ этого пришельца; сталъ названный сынъ торговать, разбогатѣлъ, женился на богатой невѣстѣ и получилъ въ наслѣдство богатство названнаго отца.

Младшій братъ по своей дорогѣ пришелъ къ одному старику, у котораго была старуха и было пять козъ (бес ички). Поселившись у старика, онъ пасетъ козъ и видитъ, кромѣ солнца, которое заходить и восходить, еще другое солнце, которое никогда не закатывается. Старики не велятъ разспрашивать. Они нашли въ тюсекѣ¹ пятьдесятъ золотыхъ монетъ. Онъ сталъ просить стариковъ, чтобъ они отпустили его; они не отпускаютъ. Они нашли въ его тюсекѣ еще пятьдесятъ золотыхъ. Онъ опять проситъ, чтобъ отпустили; не отпускаютъ старики. Онъ увидѣлъ, кромѣ незаходящаго солнца, еще бѣдную юрту. Старики нашли въ его тюсекѣ сто золотыхъ. Онъ говоритъ имъ: „Будетъ съ васъ! отпустите меня“. Все-таки не отпускаютъ. Еще нашли въ его тюсекѣ полтора ста золотыхъ. Когда у стариковъ накопилось пятьсотъ золотыхъ, онъ расстался съ ними и пошелъ.

Была дѣвица, которая выбирала себѣ жениховъ, но, сколько ихъ ни приходило, всѣ ей не нравились. Пришелъ и этотъ человѣкъ, который жилъ у стариковъ, принялъ видъ паршиваго дитяти (тасча бала) и просидѣлъ у дверей съ утра до вечера. Невѣста говоритъ, что, ей сдается, это и есть ея женихъ. Мать ея думаетъ то же самое. Три дня сряду онъ приходилъ къ дверямъ невѣсты и просиживалъ съ утра до вечера подъ видомъ тасча-бала. Отецъ невѣсты спрашиваетъ его: „Что ты за мальчикъ? Какія твои искусства?“ — Никакихъ искусствъ у меня нѣтъ, отвѣчаетъ мальчикъ. Дѣвица проситъ, чтобъ ее выдали за этого тасча-бала; отецъ не соглашается. Тогда дѣвица говоритъ своему жениху: „Улетимъ на отцовскомъ тронѣ, покрытомъ ковромъ, и захватимъ палку“. Они сѣли на тронъ и улетѣли, спустились и сѣли подъ бай-терек'омъ (тополь). Онъ сталъ ловить рыбу (и этимъ они питались). Но она опять улетѣла назадъ къ отцу. Онъ голодаетъ, оставшись одинъ. Прилетѣли сорокъ жаворонковъ и разговариваютъ между собой:—Эта вѣтка можетъ обратиться въ летающій тронъ, а эта вѣтка—въ палку, превращающую людей въ животныхъ. Выслушавъ этотъ разговоръ, онъ сломилъ обѣ указанныя вѣтки. На одну сѣлъ, прилетѣлъ къ хану, ткнулъ каждаго человѣка палкой и обратилъ ихъ всѣхъ въ кобыль, отдалъ кобыль одному пастуху и велѣлъ ѣздить на нихъ. Это былъ пастухъ Аби. Братья признали другъ друга. Братъ Таби обратилъ кобыль въ прежній, человѣческій видъ.

(Серембетъ).

¹ Тюсек — матрацъ изъ войлоковъ, прошитыхъ и обшитыхъ матеріей.

Ср. съ тибетской сказкой „Ронгчжу“, бульюкъ 1 (Ж. С. 1912, стр. 421), гдѣ также летаніе на трости. Cosquin указываетъ на русскую сказку (у Dietrich'a, № 5), въ которой герой слетаетъ съ Золотой горы на найденной палкѣ (Contes de Lorraine, I, 15). См. также Аван., Н. Р. Ск., I, 140; Этн. Обозр., XLVII, 6, LIII, 1—38, гдѣ указаны другія средства полета: коверъ-самолетъ, конь Гиверъ. Конь Бурко, вѣщій коурко (Аван., Н. Р. С., т. I, стр. 292, № 106) помогаетъ караулившему могилу отца сыну добыть себѣ невѣсту. Въ монголобуддійской легендѣ (Очерки, IV, 310) Аю-бодисатта находитъ въ пустынь голоднаго, утомленнаго, оставленнаго безъ призора странника; можно предположить, что въ другихъ вариантахъ на этомъ мѣстѣ говорилось о неубранномъ, непохороненномъ покойникѣ (ср. Cosquin, Contes de Lorraine, t. I, p. 211 и 214-215) или о заброшенной, запыленной статуѣ бога. Аю-бодисатта омылъ пустытника и отнесъ въ тѣнистое мѣсто (похоронилъ?). Въ видѣ пустытника былъ богъ Бурханъ-багши; богъ обращается въ коня, носитъ на себѣ Аю-бодисатту и привозитъ ему на себѣ невѣсту. Въ вариантахъ, указанныхъ у Cosquin'a, благодарный покойникъ служитъ или подъ видомъ корабельщика, или лисицы, или медвѣдя.

41. Черепъ.

Одинъ бай увидѣлъ валяющийся въ степи черепъ. Когда бай проходилъ мимо, черепъ сказалъ: „При жизни я стоилъ жизни восьмидесяти человѣкъ и теперь еще стою жизни сорока“. Бай взялъ черепъ, сожегъ его, пепель положилъ въ тряпочку и сунулъ въ сундукъ. Его дочь (или сестра), шаря въ сундукъ, нашла тряпочку, развернула, лизнула, зачала и родила. Баю было стыдно, и онъ отдалъ ребенка одной старухѣ. Та выкормила его и отдала въ обученіе муллѣ.

Ханъ увидѣлъ сонъ и сейчасъ же его забылъ. Онъ собралъ всѣхъ муллъ и приказалъ имъ рассказать, какой онъ видѣлъ сонъ, и разгадать его. Мулла пришелъ домой и плачетъ. Ученикъ, которому въ это время было уже семь лѣтъ, спрашиваетъ его: „о чемъ плачешь?“ Мулла говоритъ:—Ханъ велѣлъ намъ, мулламъ, рассказать забытый имъ сонъ и разгадать его. „Не плачь, скажи, что я за тебя разгадаю“, сказалъ ученикъ. Ханъ согласился выслушать ученика. Мальчикъ пришелъ къ хану и сказалъ:—Вы видѣли во снѣ, будто вы сѣли на лошадь, переѣхали черезъ мостъ, на другомъ концѣ моста увидѣли сорокъ драконовъ, которые хотѣли васъ разорвать, но небольшая желтая птица спасла васъ. Ханъ повеселѣлъ. „Именно это я видѣлъ во снѣ, сказалъ онъ. Теперь ты разгадай, что этотъ сонъ значить“.—Вы сѣли на лошадь, толкуетъ сонъ мальчикъ,—это, значить, вы правите народомъ. Мостъ—это ваша справедливость, дерево—вашъ народъ, плоды его—дань, которую вы съ него берете. Сорокъ драконовъ—это сорокъ вашихъ визирей, которые хотятъ васъ убить. Желтая птица—это я.

Ханъ казнилъ визирей, а мальчика сдѣлалъ визиремъ.

Г. Султанъ-Газинъ (Токрау).

У Радлова (Proben, III, 488) только зачинъ сходный; мудрый мальчикъ, зачатый отъ пепла отъ сожженнаго черепа, встрѣчается въ западныхъ преданіяхъ; см. Веселовскій, Журн. Мин. Нар. Просв., 1875, апрѣль, ст. „Легенда о возвращающемся императорѣ“.

Желтая птица не значитъ ли, что сказка—ламайскаго происхожденія и что на мѣстѣ ученика муллы стоялъ лама, ученикъ желтой вѣры (ламы носятъ желтое одѣяніе)?

42. Дочь визиря.

Былъ ханъ. Онъ много слышалъ о женской невѣрности и потому не рѣшался жениться. Черезъ каждые три дня онъ бралъ дѣвицу и потомъ, продержавъ ее три дня, убивалъ ее. Однажды очередь дошла до дочери визиря. Визирь, придя домой, заплакалъ. Дочь спрашиваетъ его: „О чемъ плачешь?“ Онъ разсказалъ, что ее ожидаетъ смерть, и вотъ поэтому онъ плачетъ. „Не плачь, сказала она. Если Богъ дастъ, я или умру или избавлю всѣхъ дѣвицъ отъ этого хана“. Визирь отвелъ свою дочь къ хану. Съ самаго начала дѣвица начала занимать хана интересными разсказами. Ханъ въ теченіе тридцати дней все слушалъ и не казнилъ ее; она не дала себя убить. Народъ обрадовался тому, что казни прекратились. Ханъ сказалъ: „Я поѣду на охоту и пробуду въ отсутствіи около года. Ты роди сына, похожаго на меня. Послѣ того кобыла родитъ жеребенка, похожаго на того чернаго жеребца, на которомъ я поѣду“. Сказавъ это, ханъ велѣлъ ящикъ, наполненный драгоценными камнями и запечатанный его печатью, передать ханшѣ и самъ отправился. Когда онъ удалился, она вызвала своего отца и разсказала ему, что ей велѣлъ ханъ. Отецъ ея заплакалъ. Она успокоила отца и сказала, что она намѣрена предпринять походъ. Собрала множество служанокъ и жителей, всѣхъ переодѣла въ мужское платье и сама надѣла ханское платье; всѣ уѣхали вслѣдъ за уѣхавшимъ ханомъ. Они встрѣтились на охотѣ. Ея люди въ дѣлѣ охоты оказались искуснѣе, чѣмъ люди хана. Тогда ханъ спросилъ: „Кто вы такіе?“ Они сказали, что сынъ такого-то хана пріѣхалъ на охоту. Они познакомились, остановились близко, ходили другъ къ другу въ гости. Сначала ханъ былъ въ гостяхъ у дѣвицы; она угощала его, разговаривали. Стали играть въ шахматы. Дѣвица обыграла хана, выиграла все его золото, серебро, чернаго жеребца аргамака и его печать (перстень). Печать и чернаго жеребца она отправила къ своему отцу, чтобы онъ распечаталъ ящикъ, наполненный драгоценными камнями, и вновь запечаталъ, а чернаго жеребца случилъ съ кобылой. Сама дѣвица осталась на охотѣ. Она сказала хану: „Вы мнѣ очень понравились. У меня есть сестра, которую я не хочу ни за кого выдать замужъ. Я доставлю ее вамъ во время нашего пребыванія на охотѣ, но только на ночное время, а ко дню вы должны возвращать ее мнѣ. Ханъ съ удовольствіемъ согласился. Поставили палатку. Дѣвица переодѣлась въ жен-

ское платье и пришла въ палатку къ хану. Ханъ сразу влюбился въ нее. Онъ провелъ съ ней нѣсколько ночей, а днемъ она уходила и одѣвалась въ мужское платье. Она забеременѣла; забеременѣла и черная кобыла. Затѣмъ она возвратила хану печать и черного жеребца, возвратила также золото и серебро. „Мнѣ, говорить, ничего не нужно“. Тогда ханъ сталъ просить мнимаго ханскаго сына выдать за него свою сестру, но ханскій сынъ отказался, отговариваясь тѣмъ, что далъ обѣтъ не выдавать ее ни за кого. Ханъ заплакалъ и спросилъ: „Когда мы съ вами опять увидимся?“ Онъ умолялъ ханскаго сына опять привезти съ собой свою сестру. Тотъ обѣщалъ.

Дѣвица, которую ханъ принималъ за ханскаго сына, вернулась домой ранѣе хана. Она родила ребенка, и черная кобыла родила жеребенка. Нѣкоторое время спустя пришла вѣсть о приближеніи хана. Онъ пріѣхалъ; дочь визиря встрѣтила его. Ханъ спросилъ ее, исполнила ли она его приказаніе. „Исполнила“, отвѣтила она. Она велѣла привести жеребенка; его нельзя было отличить отъ чернаго жеребца, на которомъ ханъ пріѣхалъ. Она велѣла привести сына; его нельзя было отличить отъ хана. Принесли ящикъ, запечатанный его печатью и наполненный драгоценными камнями. Ханъ сталъ сердиться, думая, что сынъ прижитъ ханшей отъ посторонняго человѣка и что жеребенокъ—тоже отъ другого жеребца. Она сказала хану: „Сынъ—твой собственный, жеребенокъ—отъ твоего жеребца и ящикъ запечатанъ твоей печатью“. Онъ сказалъ:—Это неправда. Я былъ на такомъ далѣкомъ разстояніи, что я не могъ имѣть дѣло съ тобой и жеребецъ также, также и печать“. Тогда жена спрашиваетъ его: „Когда вы были въ степи на охотѣ, вы не встрѣтили ли тамъ такого-то ханскаго сына?“—Да, сказалъ ханъ, охотились вмѣстѣ, подружились. „Не выигрывалъ ли онъ вашего жеребца и печать и не уступалъ ли онъ вамъ свою сестру?“—Да, это было, сказалъ ханъ. Дочь визиря сказала: „Ханскій сынъ, съ которымъ вы познакомились, это была я; его сестра—это тоже была я“. Тогда ханъ сказалъ; „Такой глупой женщины, какъ ты, я не видалъ! Неужели ты хочешь обмануть меня? Уходи отсюда!“ Дочь визиря вышла, переодѣлась въ то мужское платье, въ которомъ она видѣлась съ ханомъ на охотѣ, а также переодѣла въ мужское платье и людей, бывшихъ съ нею тогда, и послала сказать хану, что пріѣхалъ его другъ. Ханъ вышелъ навстрѣчу и поздоровался. Ханъ сказалъ гостю: „Моя коварная жена хочетъ обмануть меня и выдумываетъ небылицы“. Ханъ рассказалъ все своему другу. Тотъ сказалъ хану: „Та ваша жена и есть“. Дочь визиря сняла свое мужское платье. Ханъ удивился, сознался въ своей глупости и женился на дочери визиря.

Кокушъ Ч. Валихановъ.

[Начало, очевидно, изъ 1001 ночи, болѣе широко распространенная тема объ умной женѣ].

43. Невѣрная жена.

Былъ ханъ. Въ то время одинъ нищій занимался рыбной ловлей. Однажды онъ поймалъ рыбу, у которой голова золотая, задъ серебряный; принесъ рыбу своей женѣ; она говоритъ, что „эта ѣда намъ не по чину, что мѣсто этой рыбѣ—на столѣ хана“. Мужъ отнесъ рыбу хану. Ханъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на рыбу: что за рыба? У хана была жена и сорокъ дворцовъ. Ханша жила въ четырехъ дворцахъ; у нея было сорокъ караульщицъ (кырк караулчи катын). Ханъ послалъ рыбу съ визиремъ къ женѣ спросить: можно ли эту рыбу ѣсть? Ханша тоже посмотрѣла на рыбу съ удивленіемъ. Визирь спросилъ ее, можно ли рыбу ѣсть. Ханша сказала: „Намъ не дозволено ѣсть эту рыбу“. Тогда мертвая рыба осердилась, ударила золотой головой о серебряный свой задній конецъ и опять замерла. Отсюда слѣдуетъ нравоученіе: у женщины волосъ дологъ, но умъ—короткій, и умъ находится въ задней части тѣла. Рыбу отнесли назадъ къ хану. Ханъ спросилъ: „что сказала моя жена?“ Визирь разсказалъ, какія слова сказала ханша и что сдѣлала рыба. Ханъ былъ удивленъ, почему ханша дозволенную рыбу назвала недозволенною, велѣлъ собрать народъ и приказалъ народу въ теченіе одного дня угадать поводъ къ такимъ словамъ ханши. Народъ собрался, но ничего не могъ объяснить. У хана былъ семилѣтній сынъ; онъ учился у муллы, который также получилъ приказаніе разгадать слова ханши. Утромъ, когда мальчикъ пришелъ къ муллѣ, онъ нашелъ муллу плачущимъ. „Что ты плачешь?“ спросилъ ханскій сынъ. Мулла сказалъ:—Попалась рыба съ золотой головой и серебрянымъ заднимъ концомъ и ударилась золотой головой о серебряный конецъ. Ханъ велѣлъ угадать, что это значить, а если мы не угадаемъ, то онъ долженъ всѣхъ насъ казнить. „Не плачь, сказалъ мальчикъ. Я найду, что сказать, если ханъ меня спроситъ“. Тогда мулла отправился къ хану и доложилъ ему, что этотъ мальчикъ дастъ ему отвѣтъ. Ханъ велѣлъ мальчику говорить. Мальчикъ всталъ передъ ханомъ на колѣни и сказалъ: „Эта рыба создана, когда я находился во чревѣ матери. Она дозволена для насъ, а если бъ мы ее съѣли, мы узнали бы языки семидесяти семи народовъ и узнали бы мы мысли всѣхъ. При этомъ власть должна быть наслѣдственной вѣчно въ нашемъ родѣ. У моей матери есть задняя мысль“. Послѣ этого ханъ сталъ производить обыскъ во дворцахъ ханши и нашелъ одного чернаго раба, который днемъ носилъ женскій джавлукъ¹, ночью спалъ съ царицей. Тогда ханъ перебилъ всѣхъ сорокъ караульщицъ, жену и чернаго раба и рѣшилъ больше не жениться никогда. Тогда семилѣтній сынъ сказалъ отцу: „Моя мать измѣнила вамъ, и я клянусь не жениться“. Ханъ сказалъ: „Же-

¹ Джавлук—женскій головной уборъ.

нись, а то мой родъ пресѣчется“. На это мальчикъ сказалъ: „Я женюсь на такой, у которой пупка никто не рѣзалъ и которая никого не видала“. Тогда молодые люди стали смѣяться, гдѣ онъ такую найдетъ. Вздорь!

Мальчикъ выросъ. Однажды на охотѣ въ голой степи увидѣлъ черную точку. Онъ приблизился къ ней и услышалъ голосъ; подошелъ,—лежитъ ребенокъ женскаго пола, только-что родившійся. Онъ самъ отрѣзалъ дѣвчкѣ пупокъ и велѣлъ воспитывать ее. Когда она выросла, онъ вступилъ съ нею въ бракъ. Было одно озеро (дарья куль); вокругъ его былъ лѣсъ, въ серединѣ озера былъ островъ. Онъ велѣлъ на островѣ построить дворецъ, а напротивъ острова на берегу озера другой. Вокругъ острова была сдѣлана рѣшетка, въ которой былъ одинъ только выходъ; къ нему былъ приставленъ одинъ осклоненный сторожъ. Самъ ханскій сынъ ѣздилъ къ женѣ, жившей на островѣ, на лодкѣ. Къ женѣ была приставлена одна надсмотрщица-старуха. Однажды ханскій сынъ лежалъ на кровати; онъ увидѣлъ на потолкѣ слюну и задумался: кто это плюнулъ? Позвалъ жену и велѣлъ ей лечь рядомъ. Она легла, спрашиваетъ: „Что прикажешь?“ Давай плевать въ потолокъ! говоритъ онъ. Сначала она не согласилась, но потомъ уступила. Онъ плюнулъ въ потолокъ, не могъ доплюнуть; она тоже не доплюнула. Тогда ханскій сынъ самъ себя сказалъ: „Эта слюна не принадлежитъ ей, а это плюнулъ человѣкъ, который стоитъ выше меня“. Затѣмъ ханскій сынъ сказалъ женѣ: „Завтра я уѣду въ такой-то городъ; вели приготовить немного провизіи“. Жена приготовила провизію, и на другое утро онъ отправился. Онъ перешелъ въ береговой дворецъ, оставилъ царское платье, переодѣлся въ простое и отправился на своей лошади по берегу моря. Дорогой залѣзъ на дерево Бай-терекъ (тополь), которое зналъ въ дѣтствѣ, сѣлъ на немъ и сталъ смотрѣть въ зрительную трубку. Увидѣлъ, что какой-то мужчина гуляетъ на островѣ съ его женой, обнявъ ее и цѣлуясь съ нею. Въ это время къ нему подъ дерево подошелъ какой-то бѣлобородый ходжа-старикъ¹, вынулъ изъ своего кармана дѣвицу; она раздѣлила съ нимъ ложе, послѣ чего онъ сталъ совершать омовеніе. Дѣвица отпросилась сходить выкупаться. Идя къ берегу, она вынула изъ своихъ волосъ молодого человѣка, и съ этимъ раздѣлила ложе; потомъ они оба стали купаться вмѣстѣ. Выкупавшись, дѣвица снова заложилла молодого человѣка въ свои волосы, пришла къ ходжѣ и разбудила его; онъ положилъ ее въ карманъ и отправился далѣе. Все это наблюдалъ ханскій сынъ съ дерева. Онъ слѣзъ съ дерева, подошелъ къ ходжѣ и поздоровался: асселям алейкум! Оказалось, что они прежде еще были знакомы; разговорились. Ханскій сынъ позвалъ ходжу къ себѣ въ гости. Сначала ходжа отказывался, но ханскій ханъ заставилъ его согласиться. Пришли въ береговой дво-

¹ Ходжа—потомокъ пророка.

рець. Оба сѣли въ лодку, переправились на островъ къ женѣ царевича и тамъ почевали. Ханскій сынъ приказалъ приставленной старухѣ привести барана для угощенія гостя. Зарѣзали барана, сварили мясо; ханскій сынъ велѣлъ разложить мясо на семь блюдъ; приказалъ старухѣ поднести гостю воду умыть руки и разостлать скатерть. Старуха хотѣла разостлать ее только передъ ходжей, но ханскій сынъ велѣлъ разостлать ее пошире. Потомъ онъ велѣлъ подавать блюда. Когда одно изъ нихъ поставили передъ ходжей, ходжа сказалъ: „Зачѣмъ же другія блюда?“ Ханскій сынъ велѣлъ поставить передъ нимъ еще одно блюдо и сказалъ: „Найди товарища!“ Ходжа говоритъ, что у него товарища нѣтъ. „Я пріѣхалъ съ вами одинъ, никого со мной не было“.—Я знаю, а все таки найди! сказалъ ханскій сынъ строгимъ голосомъ. Тогда ходжа испугался и вынулъ дѣвицу. Ханскій сынъ велѣлъ подавать третье блюдо и велѣлъ дѣвицѣ найти героя, хозяина (іе) этого блюда. „Кромѣ ходжи, господинъ, у меня никого нѣтъ“, сказала дѣвица. Ханскій сынъ пригрозилъ убить ее. Тогда отъ страха она вынула молодца изъ своихъ волосъ. Ходжа съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дѣвицу и на молодца. Тогда ханскій сынъ велѣлъ подать два блюда для своей жены и приказалъ женѣ найти хозяина для другого блюда. „У меня, господинъ, никого нѣтъ, кромѣ васъ“, сказала она и стала плакать, но не открыла правды. Тогда ханскій сынъ пригрозилъ старухѣ. Старуха испугалась и привела молодца. Тотчасъ же ханскій сынъ отрубилъ головы пятерымъ; остались ханскій сынъ и ходжа. Стали бесѣдовать. Ханскій сынъ сказалъ ходжѣ: „Какимъ образомъ ты могъ вмѣстить ее въ карманъ?“ Ходжа отвѣтилъ: „Я былъ ученымъ муллою и имѣлъ двухъ женъ; обѣ были вольницы. Я убилъ обѣихъ и послѣ того съ семилѣтняго возраста училъ эту дѣвицу и посредствомъ волшебныхъ силъ помѣщалъ ее въ карманъ. Но, какъ видно, она перехитрила мое искусство“. Потомъ онъ обратился къ ханскому сыну съ вопросомъ: „Почему вы построили дворець среди моря?“ Ханскій сынъ сталъ рассказывать; онъ началъ рассказъ со своего отца, какъ ему измѣнила его жена, какъ отецъ поклялся не жениться и какъ онъ, ханскій сынъ, думалъ, что убережетъ свою жену, помѣстивъ ее на островъ, но обманулъ въ своей надеждѣ, не уберегъ жены отъ невѣрности. Тогда оба поклялись не жениться никогда и сдѣлались друзьями. И до своей смерти не женились. Всѣ цѣли были достигнуты¹.

Харькѣ.

[Извѣстная сказочная тема. Ср. И. Ждановъ. „Повѣсть о королевичѣ Вальтасарѣ и былины о Самсонѣ-Святогорѣ“. Соч. I. 842—869. II. 511—512].

¹ По мнѣнію киргизъ, три вещи невѣрны: лошадь, сабля и жена. Вы можете собственной своей саблей ранить себя смертельно; на вашу лошадь можетъ сѣсть вашъ врагъ, погнаться за вами и убить васъ.

44. Звѣри - товарищи.

Одинъ медвѣдь, одинъ волкъ, одинъ верблюдъ и одна лисица были товарищами. Идутъ. Дорогой лисица говоритъ волку:—Давай, съѣдимъ верблюда! „Медвѣдь будетъ сердиться“, сказалъ волкъ. Лисица пришла къ медвѣдю и сказала: „Волкъ хочетъ съѣсть верблюда“. Медвѣдь не повѣрилъ. Лисица пришла къ верблюду и говоритъ: „Волкъ и медвѣдь хотятъ тебя съѣсть“.—Зачѣмъ они хотятъ меня съѣсть? спрашиваетъ верблюдъ. „Ты—большой. Твою шкуру и твои ноги можно продать“. Верблюдъ согласился, чтобъ его съѣли. Лисица пришла къ волку и сказала, что верблюдъ согласился, чтобъ его съѣли. Тогда три звѣря собрались и съѣли верблюда. Волкъ и лисица стали чистить его кишки. Лисица хотѣла съѣсть одну кишку; волкъ не позволяетъ, боится медвѣдя; лисица съѣла таки кишку. Когда медвѣдь пришелъ и спросилъ, кто съѣлъ кишку, лисица сказала: „Волкъ съѣлъ“. Медвѣдь погнался за волкомъ. Во время отсутствия медвѣдя лисица спрятала все мясо. Вернулся медвѣдь, спрашиваетъ: „Гдѣ мясо?“ Лисица говоритъ: „Ты самъ унесъ“. Тогда медвѣдь погнался за лисицей, но не могъ догнать. Лисица пришла къ мясу и стала тутъ жить.

Однажды лисица встрѣтила двухъ медвѣжатъ, спрашиваетъ ихъ: „Гдѣ ваша мать?“—Зачѣмъ тебѣ? „Я хочу имѣть съ нею любовь“.—Развѣ ты это можешь? „Увидите“. Приходитъ къ медвѣжатамъ въ другой разъ и говоритъ то же самое. Дѣти сказали своей матери, что къ нимъ приходитъ какой-то медвѣдь, который хочетъ имѣть съ нею любовь. Медвѣдица на этотъ разъ не ушла и лежала въ норѣ. Пришла лисица и сказала, что она требуетъ любви отъ медвѣдицы; медвѣдица вылѣзла изъ норы и погналась за лисицей. Стала догонять. Лисица испугалась, проскочила въ развилку дерева; медвѣдица устремилась за нею въ тотъ же развилку и завязла. Лисица обѣжала кругомъ дерева и сдѣлала, что хотѣла. Медвѣдица освободилась изъ развилки, увидѣла пастуха, который пасъ коровъ, подошла къ нему и спрашиваетъ:—Что ты видѣлъ? „Ничего не видалъ, говоритъ пастухъ. Видѣлъ только, какъ одна лисица имѣла любовь съ медвѣдицей“. Медвѣдица обѣщаетъ ему золото съ конскую голову (ат бас-тай алтын), если онъ никому объ этомъ не скажетъ. Пастухъ сказалъ, что онъ золота не беретъ. Медвѣдица привела его къ норѣ и дала ему золото. Онъ не можетъ поднять. Тогда медвѣдица положила золото въ мѣшокъ, и пастухъ зарылъ его въ землю. Пришелъ къ своей женѣ и сказалъ ей, что онъ нашелъ золото. Жена не повѣрила ему. Пастухъ говоритъ ей: „Мнѣ дала медвѣдица за то, чтобы я не рассказывалъ, какъ ее обезчестила лисица“. Все это слышала медвѣдица. Пастухъ узналъ, что медвѣдица подслушала его слова. Утромъ онъ пришелъ

на пастбище. Пришла къ нему лисица, здороваается: „Асселям алейкум! Почему у тебя лицо испуганное?“ спрашиваетъ. Онъ сказалъ ей, что видѣлъ лисицу, какъ она надсмѣялась надъ медвѣдемъ, что получилъ онъ отъ медвѣдя золото, чтобъ никому не говорить, не сдержалъ слова, и что теперь боится,—медвѣдь съѣсть его сегодня. „Не бойся, утѣшаетъ лисица, иди домой, принеси большой мѣшокъ, шило (биз) и мотыгу (кетмен). Пастухъ все это принеси. Лисица сказала: „Я пойду на эту гору и тамъ подниму пыль. Въ то время придетъ къ тебѣ медвѣдь и спроситъ:—Что за пыль? Ты скажи: хвораетъ ханская дочь, и нужно достать желчь желтаго медвѣдя, (сары ајунынг ѳтү). Ханскіе люди ѳдутъ за желчью. Медвѣдь испугается и скажетъ: спрячь меня! Ты спрячь его въ этотъ мѣшокъ и убей мотыгой“. Нѣкоторое время спустя пришелъ къ пастуху медвѣдь, увидѣлъ на горѣ пыль и спросилъ пастуха: что тамъ за пыль? Пастухъ сказалъ ему такъ, какъ учила лисица. Медвѣдь повѣрилъ, испугался, проситъ пастуха, чтобъ онъ спряталъ его. Пастухъ спряталъ его въ мѣшокъ. Тогда пришла лисица и здороваается: Асселям алейкум! Пастухъ спрашиваетъ: „Что тебѣ нужно?“ Лисица говоритъ: „Хвораетъ ханская дочь; нужно добыть желчь желтаго медвѣдя“. Пастухъ взялъ шило, прокололъ брюхо медвѣдя и мотыгой убилъ медвѣдя. Когда онъ убилъ медвѣдя, лисица говоритъ: „Давай мнѣ награду!“—Какую тебѣ дать награду? „Одно изъ двухъ твоихъ“ Съ трудомъ пастухъ согласился дать одно Пастухъ нагнулся, предоставляя лисицѣ взять, которое она хочетъ. Тогда задница пастуха стала двигаться отъ страха. Лисица спрашиваетъ, отчего она двигается. Пастухъ отвѣчаетъ, что въ молодости онъ проглотилъ собачьихъ щенятъ, что эти собаки слышали запахъ лисицы и хотятъ теперь вырваться наружу, но что онъ силится не выпустить ихъ. „Не пускай ихъ! говоритъ лисица. Я убѣгу!“ Когда лисица собралась бѣжать, пастухъ схватилъ ее за хвостъ и ударилъ о землю. Убилъ. Взялъ шкуру лисицы, медвѣдя, золото и разбогатѣлъ.

Харькѣ.

45. Визирь.

Былъ ханъ. У дочери хана было два гуся и золотой дворець (алтын сарай). У гусей было четыре дѣтеныша. Во время пожара гусь-самецъ улетѣлъ, а гусыня, защищая дѣтей, сгорѣла. Видя это, ханская дочь сказала хану: „Напрасно выходить замужъ и родить дѣтей, причиняя боль тазовой части тѣла“. И она рѣшилась никогда не выходить замужъ. Въ это время былъ другой ханъ, у котораго былъ визирь, облеченный большимъ полномочіемъ. Однажды ханъ увидѣлъ сонъ, будто онъ влюбился въ ханскую дочь, будто онъ имѣлъ

ее уже въ своихъ объятіяхъ и готовился уже воспользоваться ея любовью, но этотъ сонъ былъ внезапно прерванъ. Хана разбудилъ вошедшій визирь. Ханъ схватился за саблю, чтобы отрубить голову визирю. Визирь испугался и убѣжалъ. Когда ханъ пришелъ въ себя, визирь пришелъ къ нему и привѣтствовалъ. Ханъ принялъ его не такъ ласково, какъ прежде. Визирь сказалъ: „Вы сами дали мнѣ волю дѣйствовать. По одному важному дѣлу я пришелъ къ вамъ и разбудилъ васъ, а вы осердились на меня, не имѣя на то никакихъ основаній“. Ханъ сказалъ:—Я не скажу теперь причину моего гнѣва, потому что ты не можешь исполнить того, что могло бы потушить его. „Скажи, сказалъ визирь, и если я не исполню, тогда отруби мнѣ голову“. Ханъ рассказалъ ему, что онъ увидѣлъ во снѣ дѣвицу, влюбился въ нее и въ тотъ моментъ, когда хотѣлъ раздѣлить съ нею брачное ложе, визирь разбудилъ его. „Помните ли вы, спросилъ визирь, ея лицо и цвѣтъ ея кожи?“—Помню. „Такъ собери всѣхъ искусниковъ и ремесленниковъ, и я обѣщаю достать ее“. Когда искусники собрались, визирь подъ диктовку хана описалъ наружность дѣвицы; при помощи этого описанія художникъ написалъ портретъ дѣвицы. Городъ обнесли стѣной, устроили двое воротъ на двухъ сторонахъ города, у каждаго воротъ поставили два столба, къ столбамъ прикрѣпили изображенія дѣвицы; у столбовъ поставили сторожей и наказали имъ, если кто, проходя мимо и увидя изображеніе, засмѣется, того сейчасъ схватить и привести къ хану. Прошло много времени. Однажды подошелъ человѣкъ къ столбу и, смотря на изображеніе дѣвицы, сказалъ: „О, откуда это?“ и ушелъ. Его поймали, хотѣли вести къ хану. Онъ испугался. Привели его въ домъ визиря. Визирь принялъ его ласково, угостилъ и спросилъ его, откуда онъ и почему произнесъ тѣ слова, увидѣвъ изображеніе. Тотъ человѣкъ сказалъ: „Это изображеніе походить на дочь нашего хана, и я этому удивился“. Визирь спрашиваетъ, вышла ли она замужъ. Человѣкъ говоритъ, что она дала слово не выходить замужъ.—Почему? спросилъ визирь. „У нея было два гуся; во время пожара золотого сарая гусакъ улетѣлъ, гусыня сгорѣла, защищая дѣтей. Поэтому ханская дочь подумала, что мужъ не есть товарищъ женщины“. Выслушавъ этотъ рассказъ, визирь отправился къ своему хану съ радостной вѣстью, что нашлась та дѣвица, которую они искали. Ханъ велѣлъ привести рассказчика. Привели его, и онъ рассказалъ хану то же самое, что рассказалъ визирю. Визирь снова привелъ его въ свой домъ и спросилъ, куда онъ теперь пойдетъ. Тотъ сказалъ, что онъ пойдетъ по дѣлу. Визирь обѣщалъ ему большой подарокъ, если онъ отведетъ его въ свой городъ. Потомъ визирь взялъ всѣхъ искусниковъ и отправился въ городъ той дѣвицы. Прибывъ со своими искусниками въ городъ, визирь спросилъ того человѣка, гдѣ онъ можетъ встрѣтить дѣвицу. Тотъ сказалъ: „Она выйдетъ съ сорока подругами на прогулку; тогда вы можете ее встрѣтить“.

Визирь говорить человѣку: „Иди къ ханской дочери. Если она тебя спроситъ, гдѣ ты пропадалъ, отвѣчай, что былъ въ такомъ-то городѣ, набралъ оттуда ремесленниковъ и возвратился. Если кому нужно, они все исполнять искусно“. Пошелъ тотъ человѣкъ; когда онъ встрѣтился съ дѣвицей, она спросила его: „Гдѣ ты пропадалъ?“ Онъ сказалъ, что былъ въ одномъ городѣ и привезъ оттуда ремесленниковъ. Тогда дѣвица попросила его помѣстить ихъ въ ея дворецъ; она дастъ имъ заказъ. Ремесленники водворились въ ея дворецъ. Она хорошо угостила ихъ. Тогда визирь попросилъ ее, чтобъ она записала всѣ нужныя вещи, которыя хочетъ заказать. Когда ремесленники кончатъ работу, они позовутъ ее и покажутъ ей, что сдѣлали. Она записала. Художники провели большую рѣку (каналъ); сдѣлали изображеніе двухъ сайгаковъ, дворецъ и изображеніе хана; и еще сдѣлали четырехъ сайгачныхъ дѣтенышей. Эти четыре дѣтеныша утонули въ рѣкѣ; за ними бросился самецъ-сайгакъ и тоже утонулъ; самка осталась. Когда все было готово, пригласили ханскую дочь. Она пришла, увидѣла портретъ хана и спросила, чье это изображеніе. Визирь сказалъ: „Это—изображеніе нашего хана“.—Зачѣмъ вы изобразили его? „Мы должны каждый день смотрѣть на него“. Потомъ она увидѣла сайгаковъ и спросила: „Это что изображено?“ Визирь отвѣтилъ ей, что у его хана было два сайгака, что четыре ихъ дѣтеныша утонули въ рѣкѣ, что, спасая ихъ, самецъ тоже утонулъ, а самка осталась цѣла. Дѣвица сказала: „Вашъ ханъ—подходящій для меня?“ Визирь спросилъ ее, почему она это говоритъ, и она рассказала о томъ, что случилось съ ея гусями. „Значитъ, сказала она, я напрасно думала, что только женщина думаетъ о дѣтяхъ, и потому рѣшила не выходить замужъ“.—Нашъ ханъ, говоритъ визирь, принялъ подобное же рѣшеніе: ни на комъ не жениться. „Я одной партіи съ вашимъ ханомъ“, сказала дѣвица. Она вернулась во дворецъ, сказала отцу, что хочетъ выйти замужъ за этого хана. Показала отцу изображеніе звѣрей и хана. Отецъ согласился и выдалъ ее. Послѣ сорокадневнаго празднованія они отправились въ путь. Человѣку, который привелъ визиря къ дѣвицѣ, визирь далъ одну дѣвицу въ жены и наградилъ его имуществомъ, а самъ пошелъ въ городъ хана-жениха; пріѣхавъ въ городъ, визирь передалъ дѣвицу хану. Когда визирь отправлялся въ поѣздку за дѣвицей, ханъ общалъ, въ случаѣ исполненія порученія, уступить ему свой тронъ. Визирь отказался отъ трона; ханъ остался ханомъ, а визирю предоставилъ полную волю.

Харькѣ.

46. Ханскій сынъ въ гнѣздѣ.

Прежде жилъ ханъ. У него не было ни сыновей, ни дочерей. На старости его дѣтъ у него родился сынъ. Когда онъ родился, ханъ потребовалъ, чтобъ ребенка принесли къ нему. У хана былъ мулла,

который по книжной мудрости узнавалъ будущее всякаго новорожденнаго, ожидающее его счастье и несчастье. Когда призванный къ хану мулла взялъ книгу, ханскій визирь сказалъ хану: „Господинъ! Я хотѣлъ бы сказать два слова, прежде чѣмъ онъ раскроетъ книгу. Не велите разгадывать его судьбу! Хорошо, если онъ будетъ счастливъ! Если же онъ будетъ несчастливъ, то вы умрете съ горя. Я испыталъ въ жизни много“. Тогда ханъ сказалъ: „Скажи, что ты испыталъ“. Визирь сказалъ: „Мой отецъ былъ ханомъ въ Костантинія (Константинополь). Онъ велѣлъ разгадать мою судьбу. Тогда одинъ мулла сказалъ, что въ пятнадцать лѣтъ мнѣ предстоитъ опасность, а какая— сказать не могъ. Тогда мой отецъ сталъ плакать и собралъ всѣхъ мастеровъ, велѣлъ устроить на островѣ дворецъ, окруженный садами и ручьями. Когда дворецъ былъ готовъ, ханъ отправилъ меня туда съ кормилицей-старухой, со множествомъ всякихъ запасовъ, и не велѣлъ никого впускать во дворецъ, и самого меня не выпускать, а впускать только одного хана. Когда мнѣ было восемь лѣтъ, ханъ послалъ ко мнѣ муллу, который училъ меня до пятнадцати лѣтъ. Когда мулла приходилъ заниматься со мной, старуха спала; уходя, онъ будилъ старуху, чтобъ она заперла за нимъ дверь. Однажды мулла послѣ занятія уснулъ; старуха тоже спала. Я давно хотѣлъ выйти изъ дворца, но старуха не пускала меня. Когда они спали, я опоясался кинжаломъ и вышелъ за двери. Когда я вошелъ въ садъ, я увидѣлъ, какъ тамъ играютъ сайгаки и другіе звѣри. Въ то время появилась зеленая (джасыл) птица и задушила одного сайгака; прилетѣла еще другая зеленая птица. Мнѣ понравились эти птицы; они оставили сайгу и взлетѣли на дерево. Я изъ одного конца своего пояса сдѣлалъ петлю, наложилъ петлю на тѣло задушенной сайги, а самъ сѣлъ у двери дворца, держа въ рукѣ другой конецъ пояса. Тогда одна птица слетѣла съ дерева внизъ и попала въ петлю. Я сталъ тянуть поясъ. Птица поднялась и меня взяла и унесла на небѣ. Черезъ много времени я открылъ глаза, земли не было видно; голова моя закружилась. Еще нѣсколько времени спустя я открылъ глаза и увидѣлъ себя въ гнѣздѣ, которое было на деревѣ, стоявшемъ на островѣ; выше гнѣзда на деревѣ сидѣла зеленая птица. Боясь, что она опять полетитъ и опять понесетъ меня, я отрѣзалъ конецъ пояса кинжаломъ. Этотъ день я провелъ въ гнѣздѣ. Я сказалъ себѣ, что хотя отецъ старался спасти меня отъ несчастья, но не могъ; мнѣ, думалъ я, суждено умереть здѣсь въ этомъ гнѣздѣ. На другое утро я слѣзъ на землю, увидѣлъ ягоды, собралъ ихъ, сѣлъ, пилъ воду. Около полудня я услышалъ крикъ и шумъ. Я испугался, думалъ, что идутъ убить меня, и спрятался въ гнѣздѣ. Всмотриваясь, я увидѣлъ, что къ острову подплыли на лодкѣ тысяча человекъ со знаменемъ и высадились на берегъ, поставили юрту, поплакали, вернулись въ лодку и уплыли. Эту ночь я опять провелъ въ гнѣздѣ. Утромъ спустился

съ дерева, подошелъ къ юртѣ и тайкомъ посмотрѣлъ внутрь ея—на кровати спитъ красивый молодой человѣкъ,—повидимому, ханскій сынъ; подлѣ него виситъ сабля. Я подумалъ, что это—такой же несчастный человѣкъ, какъ и я, потому не счелъ его за врага и вошелъ въ юрту. Тогда тотъ съ крикомъ поднялся съ кровати и сказалъ:—Что ты за человѣкъ? „Не бойся! сказалъ я. Я безвредный“. Я поклялся. Онъ бросилъ саблю, и мы поздоровались. Я рассказалъ ему свою исторію, какъ меня унесла птица и какъ я выросъ въ гнѣздѣ на острову. Онъ мнѣ сказалъ: „Я такой же, какъ ты. Мнѣ предсказали, что сегодня придетъ моя смерть. Меня отвезли на этотъ островъ“. Мы сидѣли вмѣстѣ и играли. Онъ кормилъ меня. Потомъ онъ принесъ яблоко и подалъ мнѣ; я половину самъ съѣлъ, а половину подалъ ему на кончикъ кинжала. Когда онъ хотѣлъ зубами снять яблоко съ кинжала и взять его въ ротъ, я чихнулъ, и кончикъ кинжала вышелъ изъ его затылка. Я вынулъ кинжалъ и сильно заплакалъ. Онъ умеръ.

Я удалился въ гнѣздо. Оттуда я опять увидѣлъ тѣхъ же людей на лодкѣ, которые съ шумомъ приближались къ берегу. Тысяча человѣкъ высадились на островъ, нашли мертвое тѣло въ юртѣ и стали искать, кто его убилъ; искали, искали, не могли найти, ночевали на островѣ. У нихъ былъ старикъ за начальника. Онъ всталъ утромъ и умылся на берегу; когда умывался, увидѣлъ въ водѣ блестящую вещь. Раздѣлся и пошелъ въ воду; онъ хотѣлъ взять эту вещь, но не могъ поймать. Онъ рассказалъ объ этомъ своему войску. Искали всѣ, но тоже не нашли. Ночевали на островѣ еще ночь. Въ то время былъ обычай, что восьмидесятилѣтнихъ стариковъ убивали. У старика былъ сынъ, который, зная приближеніе смерти отца, постоянно около него плакалъ. Отецъ спрашиваетъ его: „Что ты все плачешь?“ Сынъ отвѣчаетъ, что уже есть приказъ хана убить его,—вотъ почему онъ плачетъ. Тогда старикъ сказалъ: „Если тебѣ жалъ меня, то запри меня въ ящикъ и вези съ собой, куда ѣдешь“. Этотъ сынъ восьмидесятилѣтняго старика былъ среди этихъ тысячи человѣкъ. У нихъ вышла провизія. Старикъ спрашиваетъ сына, почему они такъ долго тутъ остаются, почему не возвращаются. Сынъ отвѣтилъ, что начальникъ войска увидѣлъ въ водѣ какой-то блестящій предметъ, который никакъ не могутъ добыть со дна. „Въ какомъ положеніи находится этотъ драгоценный камень?“ спрашиваетъ старикъ. Сынъ отвѣчаетъ:—Онъ находится въ водѣ. Когда станешь ловить его, онъ становится выше руки. „Нѣтъ ли около него дерева?“ спрашиваетъ старикъ.—Есть дерево. „Нѣтъ ли гнѣзда на деревѣ?“—Есть большое гнѣздо. „Если такъ, то въ гнѣздѣ есть драгоценный камень, отъ него падаетъ тѣнь, отраженіе въ воду. Иди къ начальнику войска и заключи съ нимъ условіе, какую онъ дастъ тебѣ награду. Пусть обещетъ гнѣздо!“ Сынъ старика сказалъ начальнику, что нужно обыскать гнѣздо на деревѣ. Обыскали гнѣздо и нашли меня; у меня на пальцѣ былъ пер-

стень, въ которомъ былъ вставленъ драгоцѣнный камень; я держалъ руку на краю гнѣзда, и свѣтъ отъ моего камня падалъ въ воду. Когда меня спустили съ дерева, блескъ въ водѣ прекратился. Стали пытаться сына старика, указавшаго на гнѣздо; молодой человекъ не вытерпѣлъ пытки и сказалъ:—Если моя кровь будетъ свободна (т.-е. пощажена), то я объясню все. „Скажи, сказали ему; твоя кровь будетъ свободна“. Тогда онъ сказалъ: „Было приказаніе хана убить восьмидесятилѣтнихъ стариковъ. Я, имѣя стараго отца этихъ именно лѣтъ, спряталъ его—въ сундукъ. Это онъ меня научилъ, откуда попадаетъ отраженіе свѣта въ воду“. Велѣли ему привести отца и сказали: „Мы выхлопочемъ избавленіе старика отъ смерти, потому что видимъ, что это—мудрый старикъ“. Сынъ привелъ старика-отца. Спросили старика, какъ онъ узналъ, откуда попадаетъ свѣтъ въ воду. Старикъ сказалъ: „Я рѣшилъ своимъ умомъ, потому что въ воду предметъ могъ попасть только съ дерева, находящагося возлѣ берега“. Всѣ поблагодарили старика и на лодкѣ уплыли. Послали извѣстіе хану, что его сынъ убитъ и что виновникъ его смерти пойманъ. Услышавъ эту вѣсть, ханъ упалъ въ обморокъ, потомъ пришелъ въ себя. Когда меня привели къ нему, онъ спросилъ меня, за что я убилъ его сына, и расплакался. Я сказалъ: „Я не хотѣлъ его убивать“ и рассказалъ, какъ все это случилось. „Какое наказаніе положите, сказалъ я, я буду доволенъ, но вамъ придется отвѣчать за мою кровь передъ Богомъ“. Тогда ханъ сказалъ: „Есть вѣсы, существующіе со временъ Искандера двурогаго. Я буду вѣшать тебя на этихъ вѣсахъ и узнаю, виновенъ ты или нѣтъ“. Я согласился. Меня увезли съ немногими людьми на островъ, гдѣ находились вѣсы. Положили на вѣсы одного преступника: чаша, въ которую его положили, быстро поднялась до висѣвшей вверху сабли, которая разѣкла голову преступника пополамъ. Ханъ сказалъ мнѣ: „Говори правду, а то ты тоже умрешь!“ Меня посадили въ чашу вѣсовъ; обѣ чаши стояли ровно. Меня не убили, оставили на вѣсахъ, а сами уѣхали. Я оставался на вѣсахъ двѣ ночи, плакалъ, молился Богу. На третій день поднялась буря; чаша вѣсовъ упала въ воду, и меня волной унесло. Черезъ день я очутился близъ берега, меня выбросило; я пошелъ по берегу и питался ягодами. Издали я замѣтилъ—что-то блеститъ и пошелъ туда. Я увидѣлъ—въ полѣ стоятъ три, четыре деревянныхъ дома. Отворилъ одинъ изъ нихъ, вошелъ, увидѣлъ спящую красивую дѣвицу. Около нея стояли приготовленные кушанья. Я стоялъ около нея и любовался ея красотой. Отъ восторга я сталъ плакать. Капля моей слезы упала на лицо дѣвицы. Она проснулась и увидала меня, не разсердилась и спросила: „кто ты такой?“ Я рассказалъ ей всю свою исторію. Дѣвица сказала: „Мой отецъ былъ ханомъ города Саба; онъ умеръ. На его мѣсто ханомъ поставленъ его пасынокъ. Новый ханъ хотѣлъ жениться на мнѣ; я не согласилась. Благодаря содѣйствію визира, я удалилась изъ

страны и живу здѣсь. Я выйду за тебя замужъ. Сегодня прїѣдетъ визирь съ провизіей. Возьмемъ у него лошадей и убѣжимъ“. Прїѣхалъ визирь, увидѣлъ меня и спросилъ обо мнѣ. Она разсказала ему мою исторію. Визирь обѣщаль привести лошадей и уѣхалъ въ городъ. Изъ города онъ привелъ двухъ лошадей, немного золота и серебра и худое платье. Свое хорошее платье онъ посовѣтовалъ намъ положить въ курджуну¹²

Эпизодъ съ отраженіемъ камня въ водѣ ср. съ бурятскимъ преданіемъ объ отгнѣнѣ обычая убивать стариковъ; царь видитъ въ морѣ свѣтящуюся чашу; люди, которые пытаются найти ее въ водѣ, тонуть; старикъ, обреченный смерти и скрывавшійся въ ящикѣ, даетъ совѣтъ своему сыну искать золотую чашу не въ водѣ, а на вершинѣ горы (Хангаловъ въ Зап. Вост.-Сиб. Отдѣла Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 91). Въ тибетской повѣсти о Гэсэрѣ дѣвица видитъ въ водѣ отраженіе серьги, которая была въ ухѣ Гэсэра, сидѣвшаго на деревѣ (Танг.-тиб. окраина, II, 32).

47. З а д а.

(Что сдѣлалъ Садуаръ съ розой)*

Былъ въ прежнее время бай. У него было четыре сына. Онъ каждые четыре года ѣздилъ въ четыре разныя стороны. Разъ онъ побывалъ въ трехъ сторонахъ; на пути въ четвертую скончался. Передъ смертю онъ сказалъ своимъ сыновьямъ, что ему не удалось побывать въ четвертой сторонѣ, и завѣщаль, чтобы вмѣсто него они побывали въ этой сторонѣ. Дѣти поѣхали исполнить завѣщаніе отца и нашли въ полѣ бѣлую юрту. Войдя въ юрту, увидѣли полный котелъ мяса и полную сабу кумысу. Съѣли мясо и выпили кумысу. Тогда младшій братъ, который былъ единственный сынъ отъ младшей жены, сказалъ: „Я буду спать, вы меня поберегите, а потомъ вы ляжете спать, я васъ поберегу“. Онъ заснулъ; они оберегали его, потомъ разбудили его, сами легли спать. Младшій братъ сторожилъ трехъ старшихъ. Входитъ старуха-живоглотъ (джалмаус-кемпір) съ семью головами. Замѣтивъ ея приближеніе, онъ установилъ свою саблю поперегъ двери лезвеемъ наружу. Когда старуха вошла, сабля отрѣзала у нея одну голову; она вошла въ юрту съ шестью головами, стала драться съ младшимъ братомъ, и онъ убилъ ее.

Онъ увидѣлъ старуху, которая треплетъ шерсть. Въ другой сторонѣ онъ услышалъ шумъ. Онъ спросилъ у старухи, что это за шумъ. Она сказала ему: „Между землей и небомъ живетъ царевна, въ которую влюбился царевичъ, и строитъ лѣстницу, чтобы подняться къ ней“. Тогда этотъ молодой человекъ пришелъ туда. Люди, собравшіеся

¹ Курджун—переметный сумы.

² Сказка не кончена.

около лѣстницы, боятся подняться по ней. Но онъ не струсилъ, поднялся, увидѣлъ дворецъ и подошелъ къ нему. За нимъ слѣдомъ еще поднялось сорокъ человѣкъ, но всемъ имъ отрубили головы. Онъ вошелъ во дворецъ и увидѣлъ дѣвицу; у ней на головѣ горитъ свѣча, а на ногѣ—другая. Дѣвицу собирается сглотнуть драконъ (аждахар). Онъ ударилъ дракона саблей и отрубилъ ему голову. Сабля вонзилась въ полъ, и онъ не можетъ ее вытащить. Снялъ саблю хана, которая висѣла возлѣ, и ушелъ. Затѣмъ онъ записалъ, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ, и оставилъ эту записку. Когда ханъ пробудился, увидѣлъ убитаго дракона, вышелъ изъ дворца, увидѣлъ лѣстницу и тѣла сорока убитыхъ человѣкъ. Тогда ханъ подумалъ: „Какой-то человѣкъ убилъ дракона и сорокъ человѣкъ. Если я найду его, то выдамъ за него дочь“. Потомъ онъ нашелъ записку молодого человѣка. Имя его было Зада.

Этотъ Зада пришелъ къ своимъ братьямъ, которые спали; разбудилъ ихъ. Три брата пошли. Послѣ многихъ мѣсяцевъ и дней ходу два брата утомились, были не въ состояніи идти; они остались, впередъ пошелъ одинъ. Въ это время появился драконъ, взялъ его за воротъ и спросилъ:—Что сдѣлалъ Садуаръ съ розой и что роза сдѣлала Садуару? „Я не знаю“, сказалъ тотъ. „Найди, иначе я тебя убью“, сказалъ драконъ, обратившись въ женщину. Тогда Зада отправился искать. Пришелъ къ одной старухѣ, которая починала треснувшую землю. Онъ спросилъ ее: „Что сдѣлалъ Садуаръ съ розой и что сдѣлала роза съ Садуаромъ?“ Старуха сказала, что вотъ въ такомъ-то мѣстѣ есть мулла, который долженъ знать это. Зада отыскалъ этого муллу, но мулла тоже не зналъ и только сказалъ: „Въ серединѣ такого-то моря живетъ птица богатырь-орелъ (алып-кара-гус). Можетъ-быть, она знаетъ“. Зада сдѣлалъ лодку изъ камыша и, гребя своей палкой, поплылъ по морю (дарья) къ богатырю-орлу. Плылъ, плылъ и увидѣлъ на островѣ дерево тополь (бай-терек) и на немъ гнѣздо. Зада высадился на островъ и легъ спать подъ деревомъ. Въ одно время онъ слышитъ крикъ птицъ и видитъ—драконъ собирается сглотнуть ихъ. Зада убилъ дракона и поднялся на дерево къ гнѣзду. Дѣтеныши птицы сказали ему: „Каждый годъ этотъ драконъ съѣдаетъ дѣтей нашей матери. Она улетаетъ для добыванія пищи; когда она возвращается, отъ ея движенія трясется земля“. Птенцы скрыли его подъ своими крыльями. Съ бурей и съ вѣтромъ прилетѣла ихъ мать. Она спрашиваетъ дѣтей:—Почему вы живы? „Слѣдуетъ ли за добро воздать добромъ?“ спрашиваютъ дѣти.—Конечно,—говоритъ мать. Тогда они подняли крылья и показали ей человѣка, который ихъ спасъ. Она тотчасъ же проглотила его и выплюнула. Птица спрашиваетъ его: „Ты зачѣмъ пришелъ?“ Зада спрашиваетъ ее: „Что сдѣлалъ Садуаръ съ розой и что роза сдѣлала съ Садуаромъ?“ Тогда птица сказала, что есть ханъ Садуаръ, а розы она не знаетъ. Она

посадила Зада себѣ на спину, перенесла его къ городу Садуара, дала ему свое перо и сама улетѣла.

Зада вошелъ въ ханскій домъ и спросилъ хана: „Что сдѣлалъ Садуаръ?“ Тогда ханъ позвалъ палача и велѣлъ отрубить голову Зада. „Виноватъ, господинъ! говоритъ Зада. Прикажите сначала говорить, а потомъ уже рубите голову“. Тогда ханъ сталъ говорить съ нимъ наединѣ и сказалъ: „Садуаръ—это я, ханъ, а Роза (гуль)—это моя жена. Каждый день жена приходитъ съ холоднымъ курдюкомъ. Я спрашиваю ее, отчего такъ холодно? Она отвѣчаетъ: тушу огонь и закрываю трубу. Я промолчалъ, но сталъ наблюдать. Однажды я увидѣлъ ее со своимъ чернымъ рабомъ совершающими преступленіе. Когда я бросился на чернаго раба съ саблей, жена моя ударила меня тростью, и я обратился въ журавля и три года ходилъ журавлемъ; кричалъ и не давалъ покоя городу. Потомъ она опять ударила меня синей тростью; я обратился въ столбъ; три года я простоялъ столбомъ. Затѣмъ она обратила меня въ кошку. Жена была беременна; она родила сына; я былъ счастливъ. Однажды она уѣхала съ чернымъ рабомъ на пирь. Тогда шестилѣтній сынъ синей тростью ударилъ кошку и сказалъ: „Превратись Садуаръ-ханомъ!“ Кошка обратилась въ Садуара. Обратившись въ Садуара, я взялъ синюю трость, ударилъ жену и обратилъ ее въ гнѣдую ослицу (керъ есек); сѣлъ на нее и сталъ гнать ее во всю прыть по городу. Потомъ обратилъ ее въ свинью-самку, а чернаго раба въ борова и позволилъ ихъ бить всякому, кто хотѣлъ. И такимъ образомъ ихъ убили. Вотъ что я, Садуаръ, сдѣлалъ съ Розой и что она сдѣлала“. И ханъ велѣлъ палачамъ убить Зада.

Когда палачи собрались, Зада сжегъ перышко; прилетѣла птица, посадила Зада себѣ на спину и полетѣла къ своему гнѣзду. Потомъ перенесла его къ старухѣ. Зада рассказалъ старухѣ все, что съ нимъ было. Тогда женщина стала плакать. Она была дочь Садуаръ-хана и была замужемъ. Узнавъ о поступкѣ матери, она хотѣла узнать о его послѣдствіяхъ. Она вышла замужъ за Зада, и богатырь-орелъ доставила ихъ къ Садуаръ-хану. Оставивъ тамъ дочь Садуара, Зада поѣхалъ на спинѣ птицы въ четвертый край міра. Потомъ опять вернулся къ Садуару, который выдалъ за него свою дочь и въ приданое за ней далъ сорокъ рабовъ и сорокъ рабынь. Зада отправился на родину. На дорогѣ онъ встрѣтилъ двухъ человѣкъ; это были посланцы того хана, дворець котораго висѣлъ между небомъ и землей. Посланцы искали Заду. Когда они привели Заду къ этому хану, онъ тоже выдалъ за него свою дочь съ придачей сорока рабовъ, сорока рабынь и сорока верблюдовъ, нагруженныхъ драгоценными камнями. Идя домой, Зада встрѣтилъ въ степи двухъ своихъ братьевъ, которые питались травой кымыздыкъ, шавелемъ. Онъ накормилъ ихъ, напоилъ и взялъ съ собой. Когда онъ остановился въ одномъ мѣстѣ, братья зарыли его въ яму, а сами откочевали. Они хотѣли жениться

на женахъ, которыхъ везъ Зада, но женщины отказались. Зада вспомнилъ про перышко птицы и зажегъ его; прилетѣла птица, посадила его на спину и доставила домой. Зада поздоровался съ матерью. Мать собрала народъ, зарѣзала кобыль, устроила большой той. Увидѣвъ своихъ двухъ братьевъ, Зада сказалъ: „Давайте, пустимъ стрѣлы въ небо. Кто поступилъ честно, пусть стрѣла не повредитъ ему, а кто поступилъ коварно, пусть вонзится ему въ голову“. Пустили стрѣлы. Возвращаясь съ неба, стрѣлы попали въ головы двухъ братьевъ и вышли чрезъ ихъ пятки. Зада остался одинъ и сдѣлался богатымъ человѣкомъ.

Эпизодъ съ птенцами въ гнѣздѣ, которымъ угрожаетъ аждахаръ, ср. съ монгольской сказкой въ Балаганскомъ Сборникѣ, Т., 1903, стр. 50; въ монгольской мѣсто аждахара занимаетъ мангатхай; птица называется Ханъ-хэргдэ. Въ монгольскомъ сборникѣ Шиддикуръ Масангъ изъ нижняго міра въ верхній поднимается по дереву, а изъ этого міра на небо выносить не птица, а богъ Хормуста въ благодарность за то, что Масангъ убилъ его врага.

48. Три товарища.

Жили въ одной юртѣ три товарища: Каганакъ-басъ (Каганакъ-голова)¹, Кыль-Кенердекъ (Волосокъ-горло) и Шп-буць (чѣвое бедро)². Они украли ягненка, зарѣзали и приготовились сварить его. Каганакъ-басу дали кишки и сказали: „Выйди изъ юрты и очисти ихъ“. Онъ вышелъ изъ юрты и сталъ выкидывать изъ кишокъ, что въ нихъ было. Слетѣлись мухи и стали садиться на него. Одна съела ему на темя. Онъ, чтобы согнать ее, ударилъ себя по темени и разбилъ свой тонкій черепъ, умеръ. Товарищи сидятъ въ юртѣ, ждуть и не знаютъ, что подумать, что онъ такъ долго не возвращается въ юрту. Наконецъ Ши-буць не вытерпѣлъ. „Пойду, посмотрю, что онъ дѣлаетъ?“ сказалъ и вышелъ. Смотритъ—Каганакъ-басъ лежитъ мертвый съ разбитымъ черепомъ. „Ахъ, какъ жалко его!“ сказалъ онъ и ударилъ себя руками по ляшкамъ; изломалъ свои тонкія, какъ чій, ляшки, упалъ и умеръ. Вышелъ, наконецъ, изъ юрты Кыль-Кенердекъ, посмотрѣлъ на нихъ и удивился. Сказалъ: „гм!“ и его горло, тонкое, какъ волосъ, разорвалось.

Запис. въ Кокчетавскомъ уѣздѣ.

49. Одноглазый великанъ.

Былъ одинъ Джакѣ-батырь. Онъ охотился всегда одинъ такъ далеко, что уходилъ изъ дома въ одно лѣто, а возвращался въ другое. Однажды онъ шелъ, шелъ и пришелъ къ мѣсту, гдѣ было много

¹ Каганакъ—тонкая перепонка въ желудкѣ.

² Ши или чій—одинъ изъ степныхъ злаковъ (*Lasiagrostis Splendens*), стебли котораго тонки, какъ проволока.

лѣсу и ручьевъ. Это было осенью. Остановился въ одномъ мѣстѣ, развелъ огонь; у него была убитая сайга,—онъ сварилъ себѣ мяса. Сталъ падать снѣгъ; ночь стала темною. Когда онъ сталъ ѣсть, онъ услышалъ стукъ. Посмотрѣлъ и увидѣлъ женщину въ сеукелѣ¹; пришла и сѣла у огня. И тотъ молчить, и та молчить; оба сидятъ молча. Онъ сталъ ѣсть сайгачье мясо. Отрѣзалъ кусокъ и бросилъ передъ ней. Она взяла мясо рукой, спрятанной въ рукавъ. Джакѣ замѣтилъ блескъ на ея рукѣ; всмотрѣлся: ногти ея—мѣдные. Онъ съѣлъ мясо и сталъ глотать кости. Тогда она сказала: „Зачѣмъ булатъ на булатъ кладутъ?“ Джакѣ-батыръ, когда съѣлъ все, отеръ руки о траву. Она сказала: „Зачѣмъ масло обтираютъ масломъ?“ Когда онъ все кончилъ, онъ сказалъ ей: „Иди, я буду ложиться!“ Она встала и ушла; раздавался трескъ. Онъ пошелъ въ лѣсъ съ топоромъ и вырубилъ бревно съ себя ростомъ; около огня положилъ потникъ, сѣдло и это бревно, сверху покрылъ своимъ кафтаномъ. Развелъ большой огонь, зарядилъ ружье, отошелъ на порядочное разстояніе и съѣлъ дожидаться. Около полуночи съ бречаньемъ (сыдырлаб) идетъ эта женщина. Подошла къ огню и положила пальцы на бревно, прикрытое одеждой. Тогда бревно затрещало. Она осмотрѣлась по сторонамъ. Джакѣ выстрѣлилъ ей въ лобъ. „Я узнала, что ты меня убьешь!“ сказала женщина и отвернулась. Она удалилась. Джакѣ убралъ дерево и самъ легъ на его мѣсто спать. Проснулся—уже разсвѣтало. Съѣлъ на лошадь и поѣхалъ по слѣдамъ женщины. Слѣдъ ея былъ—какъ слѣдъ верблюда; по снѣгу текла кровь. Онъ шелъ по ея слѣду. Наконецъ, вошелъ въ густую лѣсную чащу; на лошади нельзя было ѣхать; слѣзъ съ лошади, пошелъ пѣшкомъ и подъ одной высокой скалой услышалъ шумъ и гамъ. Немного испугался и остановился. Думалъ: „Неужели вернусь отъ страха и скажу, что я стрѣлялъ въ Джесь тырнака²?“ Пошелъ впередъ, нашелъ яму; она упала въ нее головой внизъ. Онъ саблей отрѣзалъ ей кисти рукъ, положилъ за пазуху и поѣхалъ. Ѣхалъ много дней. Однажды попалъ въ берлогу подъ горой. Связалъ лошадь и самъ вошелъ въ пещеру (унгур). Онъ увидѣлъ дверь, отворилъ ее и, войдя, увидѣлъ—сидитъ здоровый человѣкъ съ однимъ глазомъ во лбу. „О, Богъ далъ! иди сюда!“ сказалъ одноглазый. Въ сторонѣ лежатъ два человѣка, оба связаны, и одинъ изъ нихъ уже насаженъ на коль, приготовленъ, чтобы изжарить его. Одноглазый велѣлъ Джакѣ-батыру жарить насаженнаго на коль человѣка. Джакѣ сталъ жарить. Одноглазый вышелъ, заложилъ дверь снаружи, вернулся и легъ спать. Когда онъ заснулъ, Джакѣ снялъ жарившагося человѣка съ желѣзнаго кола и положилъ

¹ Сеукеле—высокая коническая шапка, которую женщины носятъ въ первый годъ замужества.

² Джесь тырнакъ—буквально „мѣдные ногти“, мифическое злое существо.

вертелъ на огонь. Когда колъ накалился до красна, Джаке пустилъ его въ глазъ великана и самъ побѣжалъ. Великанъ заоралъ и сталъ бѣгать по своему дому. Джаке хотѣлъ выйти, но, оказалось, нельзя; дверь была заложена большимъ камнемъ. Джаке сталъ бѣгать кругомъ и увидѣлъ, что тутъ было много барановъ. Онъ зарѣзалъ одного козла, снялъ съ него шкуру и въ эту шкуру самъ вошелъ, и сталъ въ видѣ козла ходить между баранами. Великанъ отодвинулъ камень отъ двери, всталъ въ дверяхъ, разставивъ ноги, и посвисталъ баранамъ; они стали выходить; онъ пропускалъ ихъ между ногами и каждаго ощупывалъ. Среди барановъ шелъ и Джаке-батыръ. Вмѣстѣ съ баранами и онъ прошелъ между ногами великана, который только погладилъ его спину. Джаке сказалъ великану: „Я спасся“. Великанъ сказалъ: „Ты хотѣлъ погубить меня и погубилъ. Не оставь меня въ такомъ положеніи, убей! Твое оружіе не сможетъ меня убить. Поэтому возьми мою саблю и руби меня. Все мое имущество, весь мой скотъ, все мое серебро и золото, все будетъ твое.“ Джаке говорить ему: „Ты отойди подальше“. Великанъ отошелъ подальше. Тогда Джаке вошелъ въ домъ, взялъ саблю и опять вышелъ. Великанъ стоитъ въ отдаленіи. Джаке подѣхалъ къ нему на лошади. „Отруби мою шею!“ проситъ великанъ. Джаке подбѣжалъ къ нему на лошади и ударилъ саблей; голова великана отдѣлилась отъ туловища. Джаке взялъ голову, барановъ и возвратился къ своему народу. Когда онъ пріѣхалъ, собрали весь народъ. Джаке показалъ народу голову и руки великана и рассказалъ все о своемъ приключеніи. Тогда народъ заставилъ его дать обѣтъ, что онъ не будетъ никуда ѣздить. Потомъ Джаке съ пятьюдесятью верблюдами и со множествомъ народа подѣхалъ къ той пещерѣ, взялъ тамъ все имущество, золото и серебро и вернулся къ аулу. Взялъ свою долю, остальное раздѣлилъ народу, разбогатѣлъ и болѣе никуда не ѣздилъ.

Джаке.

Казакъ-киргизскія преданія, записанныя въ Акмолинской области.

Записи эти доставлены мнѣ А. М. Головачевымъ, служившимъ мировымъ судьей въ г. Акмолахъ; онѣ были сдѣланы въ 1900 г.

Преданія объ Искандерѣ, вар. 1, о Джиренши-шешенѣ, вар. 1, 2, 3, объ Алдарѣ-Косе, в. 1, рассказалъ Бійсембай Аккожинъ, старикъ 73 лѣтъ, казакъ-киргизъ Сарьузенской волости Акмолинскаго уѣзда; по-русски не говоритъ и не понимаетъ; знаетъ только нѣсколько словъ; живетъ въ г. Акмолинскѣ; переводъ сдѣланъ киргизомъ Коржункульской волости Ильясомъ Итджановымъ, прекрасно владѣющимъ русскимъ языкомъ.

Сказки объ Аксанѣ койды, о Бояшалѣ и объ Акъ-джиланѣ и преданія объ Алашъ-канѣ и о Чингисъ-ханѣ рассказали бій Нуринской вол. Акмол. у. Утеу Бужинъ, 49 л., изъ рода Темешъ; переведены тѣмъ же переводчикомъ Ил. Итджановымъ.

Преданія объ Искандерѣ вар. 2 и о Джиренши-шешенѣ вар. 3 рассказаны г. Головачеву касимовскимъ татаринномъ Мухамедъ-Рахимомъ Сутяшевымъ, давно живущимъ въ Акмолинскѣ; преданія эти г. Сутяшевъ слышалъ отъ казакъ-киргизовъ.

50. Преданіе объ Искандеръ-ханѣ.

1. У Искандеръ-хана были на головѣ рога, но никто этого не зналъ. Удавалось узнать объ этомъ только тому, кто брилъ его, а чтобы брившій не рассказалъ объ этомъ другимъ, Искандеръ-ханъ послѣ бритья рубилъ такому голову. Наконецъ дошла очередь брить Искандера его любимцу. Хану жаль было казнить его, и онъ сказалъ ему: „Вотъ ты теперь знаешь, что у меня есть рога, но ты никому не долженъ объ этомъ говорить. Но человекъ не можетъ держать что-либо въ тайнѣ, такъ и тебя будетъ тянуть рассказать. Когда тебѣ не въ моготу станетъ терпѣть, то ты иди къ колодцу, наклонись въ него и прокричи три раза: а у Искандеръ-хана рога есть! Какъ прокричишь, такъ у тебя отляжетъ отъ сердца и ты опять можешь молчать“. Вотъ послѣ того у ханскаго любимца и пришло желаніе рассказать о рогахъ. Помня приказаніе Искандеръ-хана, онъ подошелъ къ колодцу и крикнулъ въ него три раза: „А у Искандеръ-хана рога есть!“ Онъ не замѣтилъ, что въ колодецъ (колодець былъ безъ воды) въ это время сидѣлъ преступникъ. Въ прежнее время преступниковъ сажали въ пустые колодцы. Ханскій любимецъ прокри-

чалъ въ колодець и ушелъ, а преступникъ слышалъ его слова. Послѣ того ѣхали около колодца проѣзжіе и остановились, чтобы достать воды. Спустили въ колодець веревку съ черпакомъ, а преступникъ схватился за эту веревку, вылѣзъ изъ колодца и рассказалъ то, что онъ слышалъ о рогахъ Искандеръ-хана. Съ тѣхъ поръ и стало извѣстно, что у Искандеръ-хана—рога, и послѣ того Искандеръ-ханъ умеръ, потому что онъ могъ жить только до тѣхъ поръ, пока не разгласится, что у него рога.

2. У Искандеръ-хана были рога, но никто этого не зналъ, потому что онъ ходилъ съ покрытой головой. Узнавалъ объ этомъ только тотъ, кто брилъ Искандеру голову. Послѣ бритья Искандеръ казнилъ брившаго. Вотъ настала какъ-то очередь брить хана единственному сыну одной старушки. Предъ тѣмъ, какъ сыну отправиться на бритье, она дала ему баурсаковъ¹, которые сдѣлала на маслѣ, добытомъ изъ ея собственнаго молока. Она сказала объ этомъ сыну и велѣла ему ѣсть эти баурсаки во время бритья Искандера. Когда потомъ сынъ ея сталъ брить Искандеру голову и сталъ ѣсть баурсаки, Искандеръ заинтересовался, что это онъ ѣсть, и попросилъ дать и ему. Тотъ далъ. Искандеру очень понравились баурсаки; онъ съѣлъ нѣсколько штукъ и спросилъ, какъ сдѣланы эти вкусные баурсаки. Брившій рассказалъ. Узнавъ, какъ баурсаки сдѣланы, Искандеръ сказалъ, что, поѣвъ баурсаковъ, онъ сдѣлался молочнымъ братомъ брившаго и потому уже не можетъ казнить его. (Далѣе рассказъ излагается такъ же, какъ въ предыдущей передачѣ).

51. Алаша-ханъ.

Жилъ одинъ ханъ. Это было около (города) Туркестана и было въ то время, когда еще жилъ Котанъ, родоначальникъ казакъ-киргизскаго народа, который состоялъ тогда изъ пятисотъ семей. У хана не было дѣтей отъ первой жены, и потому онъ взялъ вторую жену, дѣвицу, которую гдѣ-то завоевалъ; взялъ вторую для того, чтобы имѣть сына наслѣдника. И дѣйствительно отъ второй жены родился сынъ, но только пестрый (ала), т. е. съ родимыми пятнами. Первая жена хана стала завидовать и злиться. Она стала говорить хану, что ему надо избавиться отъ такого наслѣдника, такъ какъ онъ пестрый и можетъ испортить всѣхъ потомковъ, которые выйдутъ разноцвѣтными и потому не будутъ жить въ мирѣ, не будутъ имѣть между собою согласія. Она сказала хану, что если онъ не можетъ убить сына, то пусть отдѣляется какъ-нибудь отъ него живого. Ханъ согласился съ убѣжденіями жены, взялъ сундукъ, положилъ туда пищи, посадилъ сына

¹ Баурсаки—коломки изъ тѣста.

и пустиль сундукъ въ море. Сынъ былъ тогда уже въ такомъ возрастѣ, что самъ могъ брать пищу. Сундукъ переплыль на другую сторону моря, и тамъ пестраго ханскаго сына нашель какой-то нищій. Онъ взялъ мальчика и воспиталь его. Мальчикъ выросъ богатыремъ, силачемъ. Онъ собралъ сотню разныхъ молодцовъ и сталъ съ ними ѣздить на барамту (грабежъ) и вести веселую жизнь. Ханъ, его отецъ, узналъ объ этомъ, и захотѣлось ему повидать сына. Онъ тогда послалъ за нимъ старшаго сына богача Котана по имени Уйсунъ съ сотней молодцовъ. Уйсуну и его спутникамъ такъ понравилась привольная жизнь пестраго ханскаго сына, что они остались тамъ и не вернулись къ хану. Тогда ханъ послалъ Булата, втораго сына Котана, съ сотней молодцовъ. И эти остались около ханскаго сына, такъ какъ и имъ понравилась привольная жизнь. Тогда ханъ послалъ Алчина, третьаго сына Котана, съ сотней молодцовъ. И эти все остались тамъ же, плѣнившись привольной веселой жизнью. Все собравшіеся около ханскаго сына стали разѣзжать по степи и барамтовать. Они были люди холостые и стали брать себѣ въ жены дѣвицъ у разныхъ народовъ—у татаръ, у калмыковъ, у русскихъ, и отъ этихъ-то трехъ сотенъ молодцовъ, пришедшихъ съ сыновьями Котана, и пошли казакъ-киргизы. Такъ какъ они брали женъ у разныхъ народовъ, то потому-то казакъ-киргизы—на разное лицо (разныхъ типовъ). Все они рѣшили выбрать хана, и такъ какъ пестрый богатырь, ихъ предводитель, былъ ханскій сынъ, то они и рѣшили выбрать его. Въ прежнее время избраннаго въ ханы поднимали на какомъ-нибудь хорошемъ коврѣ, а у казакъ-киргизовъ такихъ хорошихъ ковровъ не было (не выдѣлывалось),—они умѣли дѣлать только полосатые широкіе тканые половики, нынѣшнія алачи; они взяли такую алачу и подняли на ней пестраго ханскаго сына и провозгласили его ханомъ. Послѣ того онъ сталъ называться Алаша-ханъ или Алача-ханъ. Отъ Уйсуну и его молодцовъ пошло поколѣніе Улу-цусь, т. е. старшая сотня, отъ Булата и его молодцовъ пошло поколѣніе Орта-цусь, т. е. средняя сотня, а отъ Алчина и его сотни молодцовъ пошло поколѣніе Киши-цусь, т. е. меньшая сотня. Отъ этихъ поколѣній и пошли казакъ-киргизы Большой, Средней и Малой орды.

52. Джиренше-шешень.

1. Джиренше-шешень-ханъ¹ былъ большой говорунъ и острякъ. Онъ думаль, что никого нѣтъ остроумнѣе его. Вотъ онъ и сказалъ однажды одному человѣку:—Нѣтъ никого въ мірѣ остроумнѣе меня! „Нѣтъ, сказалъ ему этотъ человѣкъ; есть цѣлая страна, гдѣ каждый

¹ Джиренше-шешень можно перевести по-русски „рыжій говорунъ“ (Прим. акмол. переводчика).

мальчишка остроумнѣе, умнѣе тебя“. Вотъ Джиренше взялъ съ собой нѣсколькихъ товарищей и поѣхалъ отыскивать эту страну. Долго они бѣдили. Наконецъ, пріѣхали. Подѣхали къ одному аулу и видятъ, что въ аулѣ черная женщина доитъ черную корову. Женщина эта одѣта въ черное платье съ разорванными подмышками; черезъ разорванныя мѣста видна бѣлая рубаха. Джиренше подѣхалъ къ этой женщинѣ и сталъ ее спрашивать, не видѣла-ли она черную корову, у которой бѣлая подмышка. Баба отвѣтила, что она видѣла, какъ за такой черной коровой шелъ рыжій быкъ и обнюхивалъ ее сзади. Джиренше понялъ, что баба подъ черной коровой разумѣла себя, а подъ рыжимъ быкомъ—его, Джиренше. Поѣхалъ онъ далѣе и встрѣтилъ дѣсятилѣтнюю дѣвочку, у которой сталъ спрашивать, какого она аула. Дѣвочка отвѣтила, что она и сама не знаетъ, какого она аула. Джиренше долженъ былъ сознаться, что получилъ очень умный отвѣтъ, такъ какъ дѣвочка не знала, въѣдъ, въ какой аулъ отдадутъ ее въ замужество и чьего аула она будетъ считаться.

2. Джиренше-шешень жилъ у Джанибекъ-хана, и тотъ дорожилъ имъ, какъ остроумнымъ человѣкомъ, давъ ему особый дворецъ съ хорошимъ устройствомъ. Джиренше все-таки сталъ тосковать и проситься домой. Ханъ сталъ уговаривать его: „Неужели его домъ лучше ханскаго дворца?“ Джиренше все-таки просился домой и тосковалъ, и ханъ, наконецъ, отпустилъ его. Черезъ нѣсколько времени ханъ посылаетъ посмотрѣть, что за домъ у Джиренше. Пришли посланные и видятъ, что Джиренше лежитъ въ такой юртѣ, что въ ней даже умѣститься нельзя; ноги даже выставились изъ дверей юрты. Юрта— черная, грязная. Лежитъ Джиренше и поетъ:

Аттек менимъ азъ бѣжѣмъ,
Кең сарайдай бѣзъ бѣжѣмъ,
„Охъ, моя собственная юрта,
Какъ просторный дворецъ, бѣлая моя юрта!“

Подивились посланные, уѣхали и рассказали Джанибеку, что они видѣли. Вотъ у казакъ-киргизовъ слова Джиренше и вошли въ поговорку въ томъ смыслѣ, что свое собственное жилище, хотя и худо, все же лучше хорошаго чужого.

3. У Джиренше-шешеня была красавица жена Кара-шашъ, „Черный волосъ“, съ черными глазами, съ черными волосами, красавица единственная въ мѣрѣ. Ханъ Джанибекъ завидовалъ Джиренше и, чтобы умертвить его и завладѣть его женой, давалъ ему разныя порученія, надѣясь, что онъ ихъ не исполнитъ и тогда можно будетъ отрубить ему голову. Вотъ однажды Джанибекъ-ханъ далъ Джиренше сорокъ барановъ и сказалъ, что черезъ годъ Джиренше долженъ пригнать назадъ этихъ барановъ, но съ ягнятами. Призадумался Джиренше, какъ это сдѣлать, чтобы бараны обьягнились. Пригналъ онъ

барановъ домой и сталъ жаловаться и печаловаться женѣ Кара-шашъ. А она была умная женщина. Вотъ она и говоритъ: „Ладно, не бойся! рѣжь барановъ!“ Стали они рѣзать барановъ по мѣрѣ надобности и ѣсть ихъ. Прошло довольно времени; всѣ бараны были уже порѣзаны и переѣдены. Ханъ захотѣлъ посмотрѣть, какъ это Джиренше дѣлалъ, чтобы бараны обьяичились. Поѣхалъ онъ къ Джиренше. Тотъ замѣтилъ изъ юрты, что ханъ подъѣзжаетъ и испугался. Кара-шашъ и говоритъ ему: „Не бойся! Вотъ ложись, закройся одѣяломъ“. Джиренше легъ, закрылся. Подъѣхалъ ханъ и говоритъ: „Ну, гдѣ Джиренше-шешень? дома ли онъ?“ Кара-шашъ вышла изъ юрты и отвѣчаетъ, что Джиренше дома, но только нездоровъ, такъ какъ разрѣшается отъ бремени. „Развѣ можетъ мужчина рожать?“ спрашиваетъ удивленный ханъ. „А развѣ могутъ бараны ягниться?“ отвѣчаетъ ему Кара-шашъ. Ханъ понялъ тогда, что не воспользоваться ему и на этотъ разъ женою Джиренше.

4. У Джиренше-шешеня была умная красавица жена Кара-шашъ. Джиренше жилъ у Джанибека, какъ остроумный и словоохотливый рассказчикъ. Джанибекъ хотѣлъ завладѣть женой Джиренше-шешеня, красивой Кара-шашъ; для этого надо было погубить Джиренше. Кара-шашъ это знала и рѣшила принять мѣры. Вотъ когда Джиренше былъ у себя дома, Кара-шашъ говоритъ ему, чтобы онъ пригласилъ Джанибекъ-хана къ себѣ въ гости,—что хотя они и бѣдны, но она съумѣетъ угостить хана. Джиренше пригласилъ хана. Джанибекъ, зная о бѣдности Джиренше, принялъ приглашеніе; ему любопытно было узнать, чѣмъ его будутъ угощать. Кара-шашъ успѣла наготовить изъ собственнаго молока масла. Когда Джанибекъ пріѣхалъ, она стала угощать его этимъ масломъ. Ханъ нашель это масло очень вкуснымъ. Когда же узналъ, какое это масло, то понялъ, что теперь онъ сдѣлался молочнымъ сыномъ женщины Кара-шашъ и жениться ему на ней уже не приходится. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ искать случая умертвить Джиренше и взять замужъ его жену Кара-шашъ.

53. Алдаръ - Косе.

(Безбородый обманщикъ).

1. Во время Джиренше-шешеня жилъ Алдаръ-Косе, страшный обманщикъ. Всѣхъ онъ обманывалъ и въ такую славу вошелъ, что всѣ удивлялись его обманамъ и рѣшили, что если у кого Алдаръ-Косе выманить путемъ обмана какую-нибудь вещь, то она поступала въ его собственность. Вотъ однажды встрѣтилъ его Джиренше-шешень и говоритъ:—Тебѣ меня не обмануть. „А обману!“ сказалъ Алдаръ-Косе. Вотъ пошли они вмѣстѣ и дошли до одного кладбища.

Алдарь-Косе хлопнулъ себя руками по ляшкамъ и сказалъ, обратившись къ Джиренше-шешеню:—Хотѣлъ я тебя обмануть, да забылъ дома палку, при помощи которой я обманываю. „Ну вотъ тебѣ лошадь, съѣзди скорѣе домой, привези свою палку и обмани меня“, сказалъ Джиренше-шешень и отдалъ Алдарь-Косе свою лошадь. Тотъ сѣлъ на лошадь, уѣхалъ и такъ и не возвратился. Тогда Джиренше понялъ, что Алдарь-Косе обманулъ его.

2. Алдарь-Косе подружился съ чортомъ, и вотъ стали они говорить, кто кого обманетъ. „Ты чего боишься?“ спросилъ чортъ у Алдарь-Косе. Тотъ отвѣчалъ, что боится курт'у¹, казы², масла, а также карагайника³. „А ты чего боишься?“ спросилъ Алдарь-Косе у чорта. Тотъ отвѣчалъ, что боится кузнечнаго горна. Вотъ Алдарь-Косе и говорить: „Давай, кто кого перепоеетъ; у кого пѣсня будетъ длиннѣе, тотъ и выиграетъ. Пусть одинъ поетъ, а другой его возить“. Чортъ согласился. Вотъ Алдарь-Косе первый сѣлъ на чорта и завязалъ ему глаза (такой уговоръ былъ) и запѣлъ: „гой, гой, гой, гой, гой, гой“... и дальше все также. Чортъ возилъ его, возилъ, все плечи стеръ. Алдарь-Косе, сидя на чортѣ, правилъ имъ; направилъ его къ кузницѣ и какъ вѣхалъ въ нее, то взялъ да и слѣзъ. Чортъ, какъ увидѣлъ горнъ, испугался и убѣжалъ. Вотъ вздумали черти отомстить Алдарь-Косе, а онъ забрался отъ нихъ въ карагайникъ. Вотъ черти, чтобы испугать и умертвить его, стали бросать къ нему въ кусты казы, масло, курт. Много набросали и думали, что теперь для Алдарь-Косе смерть пришла. Убѣжали они, а Алдарь-Косе потомъ увезъ домой цѣлые вьюки курт'у, масла, казы.

54. Асань - койды.

Въ прежнее время жилъ Асань-койды, имѣвшій способность предвидѣть будущее. Онъ говорилъ, что появятся бѣи (народные судьи) незнатнаго рода и дома безъ опоясокъ. Бѣи ранѣе выбирались изъ знатныхъ родовъ; юрты обвязывались арканами. Асань-койды провидѣлъ, что настанетъ время—и нынѣ оно настало—когда бѣи будутъ избираться изъ простыхъ, даже не почетныхъ людей, когда у казакъ-киргизовъ появятся избы, т.-е. зимовки (дома, необвязанные арканами). Асань-койды ѣздилъ по разнымъ мѣстамъ и отыскивалъ такія, гдѣ люди (киргизы) могли бы жить спокойно, не боясь, что ихъ потревожатъ. Онъ не велѣлъ, на примѣръ, селиться по рѣкѣ Иртышу и говорилъ, что въ эти мѣста придутъ другіе люди. Асань-койды былъ большимъ другомъ

¹ Курт—сушеный подкопченный творогъ.

² Казы—куски соленой конины, набитые плотно въ кишки и затѣмъ прокопченные.

³ Карагайникъ, по-кирг. карагана—колючій кустарникъ.

Ась-Джанибекъ-хана. Джанибекъ былъ искусный охотникъ, настолько искусный, что могъ приучить птицу мышеловку ловить лебедя. Однажды ханъ поѣхалъ на охоту съ ястребомъ. Ястребъ полетѣлъ и сѣлъ на юрту, стоявшую одиноко въ степи. Ханъ послалъ своего слугу взять ястреба. Тотъ подѣхалъ къ юртѣ, и такъ какъ ему лѣнь было слѣзть съ лошади, то онъ крикнулъ, чтобы изъ юрты вышелъ кто-нибудь и подалъ ему ястреба. Изъ юрты вышла женщина невиданной красоты и подала ему ястреба. Она такъ поразила его своей красотой, что онъ долго не могъ опомниться. Потомъ онъ сталъ удаляться отъ юрты, пятась назадъ, не смѣя изъ уваженія повернуться къ женщинѣ спиной. Ханъ спросилъ, что съ нимъ, и тотъ разсказалъ, что видѣлъ красавицу. Ханъ заинтересовался, поѣхалъ посмотрѣть, и красота женщины такъ поразила его, что онъ рѣшилъ жениться на ней. Онъ позвалъ мужа этой женщины и сказалъ, чтобы онъ взялъ любое количество ханскаго имущества для себя и для калыма за новую жену, а теперешнюю жену-красавицу отдалъ бы ему, хану. Мужъ волей-неволей долженъ былъ согласиться. Такимъ образомъ ханъ женился на красавицѣ. Надо прибавить, что тотъ же Ась-Джанибекъ сталъ строить крѣпости, укрѣпленныя мѣста и старался завести осѣдлую жизнь. Вотъ когда онъ женился на чужой женѣ-красавицѣ, то послалъ за Асанъ-койды. Тотъ не приходилъ, несмотря на неоднократный зовъ, но, наконецъ, пришелъ. Джанибекъ сталъ спрашивать Асанъ-койды, почему онъ не приходилъ. Тотъ отвѣчалъ, что теперь вонъ какія времена настали, что мышеловка беретъ царя-птицу лебедя, что настаетъ время, когда рабъ будетъ сильнѣе господина. Асанъ-койды сталъ говорить Джанибеку, что недоволенъ имъ за женитьбу на простой женщинѣ, что потомство его не будетъ уже чистой ханской крови. Далѣе онъ говорилъ Джанибеку, что недоволенъ имъ за постройку крѣпостей и за стремленіе основать осѣдлую жизнь, что если какое царство подымется войной, то придется защищать заселенныя мѣста, а при кочевой жизни этого не было бы,—угнать скотъ и снять юрты легче. Затѣмъ Асанъ-койды ушелъ и цѣлыхъ семь лѣтъ искалъ такого мѣста, гдѣ можно было бы поселиться безъ тревогъ, безъ боязни, что побезпокоятъ другіе. Онъ былъ и въ Семирѣчьи, и въ Алтайскихъ горахъ, и въ другихъ мѣстахъ и, наконецъ, нашелъ такую мѣстность гдѣ-то около Ирана. Эта мѣстность называется Джійдели Байсынъ. Она—въ 15 дняхъ ѣзды за Бухарой. Потомки Асанъ-койды и теперь тамъ. Съ собой Асанъ-койды увелъ много разныхъ казакъ-киргизовъ, и потому тамъ найдутся родичи и здѣшнихъ акмолинскихъ киргизовъ.

55. Сказка о Баяшалѣ.

(О Крикунѣ).

Жилъ былъ старикъ Баяшалъ (Крикунъ). Жилъ онъ со своей старухой. Питались они рыбной ловлей, но старикъ былъ такъ безсиленъ, что даже лисица обижала его, —половину рыбы у него всегда отнимала. Однажды приходитъ къ старику богатырь (а богатыри ранѣе все странствовали). Вотъ старикъ закричалъ: „Что ты за человекъ?“ Богатырь отвѣтилъ, что онъ—такой-то богатырь, и предложилъ старику попробовать силу, побороться, и если окажется, что старикъ сильнѣе, то получить отъ него, богатыря, кусокъ золота съ конскую голову величиной и кусокъ серебра съ баранью голову. Старикъ отвѣтилъ на предложеніе богатыря, что бороться не стоитъ, что при борьбѣ можно порвать другъ на другъ одежду, или даже онъ, старикъ, можетъ одолѣть богатыря на смерть. Старикъ предложилъ испробовать силу лучше другимъ способомъ, и богатырь согласился на это. Вотъ пошли они въ гору, въ лѣсъ. Старикъ и говоритъ богатырю: „Ну, давай вотъ дергать деревья съ корнемъ! Посмотримъ, выдернешь ли?“ Сталъ богатырь дергать деревья и много ихъ надергалъ. Наконецъ, дошла очередь до одной ужъ очень большой лѣсины. „Ну, вотъ эту выдерни!“ сказалъ старикъ. Богатырь попробовалъ, но не могъ выдернуть и говоритъ старику: „Если ты это дерево выдернешь, то ты, значитъ, сильнѣе меня“. Вотъ старикъ подошелъ къ лѣсинѣ и давай корни у нея щупать. „Что это ты дѣлаешь?“ спросилъ богатырь. „А вотъ смотрю, глубоко ли корни у этой лѣсины“. Пощупалъ, пощупалъ старикъ корни, порылъ землю около нихъ и говоритъ: „Ну, далеко корни ушли — черезъ семь почвъ. Около этихъ корней много животныхъ, насѣкомыхъ живетъ. Если выдернуть эту лѣсину, то всѣхъ придется потревожить, а если дерево это свалится, то или солнцу или лунѣ глаза можетъ выбить. Ежели лунѣ глаза выбьютъ, то по ночамъ будетъ темно и воровство на землѣ усилится, а если солнцу глаза вышибетъ, то вѣчная тьма настанетъ“. Выслушавъ это, богатырь сказалъ, что нехорошо, если ночи безлунныя будутъ или солнечный свѣтъ исчезнетъ. „Ну, въ такомъ случаѣ, давай, иначе силу испробуемъ“, сказалъ старикъ. Вотъ, посмотримъ, кто изъ камня воду выдавить“. Богатырь согласился. Тогда старикъ незамѣтно для богатыря взялъ яйцо и зажалъ его въ руку, взялъ въ нее и камень. Яйцо старикъ раздавилъ, и богатырь подумалъ, что это изъ камня вода потекла. Затѣмъ взялъ богатырь камень и сталъ давить, но сколько ни давилъ, а воды не выдавилъ. „Ну, сказалъ старикъ богатырю, кто изъ земли кишку выдавить?“ У старика оставались бараньи кишки. Онъ пошелъ и тайно отъ богатыря зарылъ ихъ въ

землю. Потомъ привелъ богатыря на это мѣсто и говоритъ, что тутъ брюхо земли. Сталъ старикъ топтать землю около зарытыхъ кишокъ и вытащилъ кишки. Удивился богатырь и говоритъ, что такой силы онъ еще и не видывалъ. Затѣмъ сколько богатырь ни давилъ ногами землю въ этомъ же мѣстѣ, никакихъ кишокъ выдавить не могъ. Признался тогда богатырь, что старикъ сильнѣе его, и далъ ему кусокъ золота съ конскую голову и кусокъ серебра съ баранью голову. Старикъ не смогъ бы унести ихъ домой и потому пустился на хитрости. „Если я понесу золото и серебро домой самъ, то, пожалуй, могутъ сказать, что я укралъ ихъ“, сказалъ старикъ богатырю. „Если ты ужъ хочешь сдѣлать мнѣ подарокъ, то подари мнѣ золото и серебро, когда мы придемъ домой“. Согласился богатырь. Вотъ пришли они въ юрту старика; принесъ богатырь золото и серебро. „Ну-ка, вари въ казанѣ (котлѣ) мясо“, сказалъ старикъ своей старухѣ. „Да ничего у насъ, вѣдь, нѣту, самъ знаешь“, отвѣчала старуха. „Положи въ казанъ, приказываетъ старикъ, голову тогдашняго богатыря и грудину дотогдашняго, а если будетъ мало, то положи и вотъ всего этого богатыря“. Какъ услышалъ эти слова богатырь, испугался и бросился бѣжать изъ юрты такъ быстро, что у него на плечахъ остались двери отъ юрты (косяки и створки). Бѣжить онъ такъ страшно перепуганный, а навстрѣчу ему—лисица и спрашиваетъ, чего онъ такъ перепугался. Богатырь отвѣтилъ ей, что старикъ и старуха хотѣли его сварить. Засмѣялась лисица и говоритъ, что у старика вовсе никакой силы нѣтъ, что она даже отнимаетъ у него наловленную рыбу. Богатырь не повѣрилъ лисицѣ; онъ говоритъ, что лисицы лукавы. Тогда лисица сказала: „Если ты не вѣришь, то пойдемъ! Я тебѣ покажу. Держи меня за хвостъ и, въ случаѣ чего, ты можешь обороняться мной“. Согласился богатырь, взялся за лисій хвостъ, и они пошли къ старику такимъ порядкомъ. Увидала старуха и говоритъ старику:—Ну, теперь конецъ намъ пришелъ! Лисица ведетъ богатыря. „Ничего, говоритъ старикъ. Что-нибудь выдумаемъ“. Вотъ вышелъ старикъ изъ юрты и увидѣлъ лисицу, за хвостъ которой держится богатырь. „А, закричалъ старикъ. Ладно! Ты, лисица, тогда заплатила долгъ тѣмъ богатыремъ, а теперь вотъ этого привела. Хорошо!“ Съ этими словами старикъ побѣжалъ къ богатырю. Тотъ испугался, приподнялъ за хвостъ лисицу и сталъ ею размахивать, какъ бы защищаясь отъ старика. Такъ и разможилъ лисицѣ голову объ землю, а самъ пустился поскорѣе бѣжать.

56. Акъ-джиланъ.

(Царь змѣй).

Жиль, былъ ханъ. Вотъ онъ какъ-то пошелъ гулять и подошелъ къ норѣ, гдѣ жилъ Акъ-джиланъ, царь змѣй¹. Вотъ видитъ ханъ, что у норы жена Акъ-джилана, змѣя, играетъ съ ящеромъ - самцомъ и тутъ на глазахъ хана вступила даже въ любовную связь съ нимъ. Разсердился ханъ и подумалъ: „Вотъ жена Акъ-джилана, царя змѣй, вступила въ любовную связь съ рабомъ, съ простымъ ящеромъ. Точно такъ же и моя жена въ мое отсутствіе можетъ связаться съ моимъ рабомъ“. И ханъ отрубилъ ящеру голову и ушелъ далѣе. Потомъ, идя далѣе, ханъ встрѣтилъ пастуха, который умѣлъ ворожить. Ханъ попросилъ пастуха поворожить. Тотъ взялъ свои сорокъ одинъ камешекъ, которыми онъ ворожилъ, кинулъ ихъ для ворожбы и сказалъ хану, что онъ долженъ въ эту ночь умереть. Задумался ханъ и пошелъ домой. А пока онъ шелъ еще до пастуха, Акъ-джиланъ успѣлъ уже возвратиться домой; его жена стала жаловаться ему и говорить, что ее побеспокоилъ ханъ, толкалъ палкой въ ея нору, что надо отомстить хану, убить его. Такъ она наговорила на хана, что Акъ-джиланъ рѣшилъ въ эту же ночь ужалить его и тѣмъ самымъ умертвить. Вотъ когда ханъ пришелъ домой отъ пастуха и когда настала ночь и была пора ложиться спать, ханъ не ложится, все думаетъ о смерти, предсказанной пастухомъ. Не сталъ ханъ раздѣваться. Жена хана стала приставать къ нему, чтобы онъ раздѣвался и ложился. И такъ она къ нему приставала, что ханъ разсердился и сказалъ ей: „Что это ты все настаиваешь, чтобы я легъ спать? Не хочешь ли ты воспользоваться моимъ сномъ? Ужъ не завелся ли у тебя любовникъ, какъ у жены Акъ-джилана завелся любовникъ самецъ - ящеръ, котораго я сегодня убилъ?“ Когда ханъ говорилъ это, Акъ-джиланъ былъ уже въ юртѣ и готовился ужалить хана. Когда же Акъ-джиланъ услышалъ послѣднія слова хана, онъ выскочилъ изъ юрты и говоритъ: „А, такъ ты значить убилъ любовника моей жены, моего врага? Давай, будемъ друзьями!“ Ханъ рассказалъ Акъ-джилану, какъ онъ убилъ ящера, и Акъ-джиланъ и ханъ стали съ тѣхъ поръ друзьями. Есть у казакъ-киргизовъ повѣрье, что если кто лизнетъ затылокъ Акъ-джилана, то получитъ способность понимать языкъ животныхъ. Вотъ сталъ ханъ просить Акъ-джилана позволить ему полизать его затылокъ. Акъ-джиланъ сказалъ, что такъ какъ они теперь друзья, то онъ готовъ исполнить эту просьбу, но только ему жаль своего друга-хана;

¹ Ака джилн— „бѣлая змѣя“. Такъ называется у казакъ-киргизовъ царь змѣй. Онъ считается самой умной змѣей и вмѣстѣ съ тѣмъ самой вредной. Отъ укуса его умираютъ люди.

что если ханъ расскажетъ, что онъ приобрѣлъ способность понимать языкъ животныхъ, полизавъ затылокъ Акъ-джилана, то долженъ умереть: что ханъ можетъ и не сохранить тайны. Ханъ все-таки началъ упрашивать, и Акъ-джиланъ уступилъ его просьбамъ, позволилъ полизать свой затылокъ. Вотъ ханъ вернулся домой и видитъ, какъ въ юртѣ у него котята играютъ и между собой разговариваютъ, что они завтра будутъ ѣсть мясо, такъ какъ будутъ у хана гости и станутъ для нихъ колоть барановъ. Ханъ разсмѣялся, понявъ разговоръ котятъ. Тогда его жена стала приставать къ нему, спрашивая, надъ чѣмъ онъ разсмѣялся. Ханъ не сталъ говорить. Тогда жена стала сердиться и упрекать его, стала говорить, что онъ смѣется надъ ней, потому и не хочетъ открыть причину смѣха. Она даже расплакалась. Ханъ уже готовъ былъ рассказать женѣ, но сдержался и вышелъ изъ юрты. Тамъ онъ увидѣлъ, какъ одинъ баранъ увивается около овцы, чтобы вступить съ нею въ любовную связь. Овца отвѣтила барану, что она готова удовлетворить его просьбу, но только пусть онъ сначала достанетъ ей цвѣтокъ, который растетъ вонъ на крутомъ боку колодца. Достать цвѣтокъ было трудно и опасно, — можно было свалиться въ колодець и утонуть. Баранъ, выслушавъ требованіе овцы, сказалъ ей: „Ну, вотъ, стану я подвергать свою жизнь опасности изъ-за тебя. Развѣ въ стадѣ не стало овецъ, кромѣ тебя? Нѣтъ, я не такъ глупъ. Вонъ нашъ ханъ чуть не проговорился своей женѣ, какъ будто, кромѣ нея, нѣтъ другихъ женщинъ“. Ханъ, услышавъ эти слова барана, подумалъ, что баранъ, вѣдь, умно разсуждаетъ. Потомъ онъ объяснилъ женѣ, что не можетъ открыть ей причину своего смѣха, что это стоило бы ему жизни, и что потому пусть она не пристаётъ къ нему, что женщины, вѣдь, много и кромѣ нея. Послѣ этого жена не стала приставать къ хану.

[Извѣстная сказочная тема о языкѣ звѣрей, чрезвычайно широко распространенная].

Записи, сдѣланныя Кипр. Вас. Урасовымъ въ средѣ
кокчетавскихъ казакъ-киргизовъ.

57. Пророкъ Сулеймень.

Сулеймень (Соломонъ) былъ царь и пророкъ, мудрѣйшій на землѣ; онъ зналъ языки восемнадцати тысячъ твореній (міровъ).

Онъ имѣлъ сорокъ женъ. Дворецъ его былъ выстроенъ съ однимъ выходомъ и входомъ. Одну изъ своихъ женъ, Запуру, Сулеймень любилъ больше всѣхъ. Однажды онъ сдѣлалъ пиръ, на который пригласилъ всѣхъ знатныхъ особъ обоюга пола. Всѣ собравшіеся любовались красотой и ловкостью Сулейменя, а дѣвицы говорили между собою: „Не счастливы ли тѣ, которые удостоились быть женами Сулейменя?“ Въ этотъ разговоръ вмѣшалась дочь рыбака. „Если бы я была его женою, сказала она, то я распорядилась бы не только его сорока женами, но даже и самимъ Сулейменемъ“. Слова эти были осмѣяны дѣвицами знатныхъ родовъ, и бѣдная дѣвочка была изгнана изъ собранія. Послѣ того вскорѣ Сулеймень вздумалъ искупаться и пошелъ на озеро, гдѣ жила осмѣянная дѣвочка со своими родителями. Неподалеку отъ нихъ Сулеймень раздѣлся, сложилъ свои одежды и на нихъ сверху положилъ, снявъ съ руки, свой перстень, служившій ему талисманомъ. Когда онъ купался, поднялся вихрь и сбросилъ съ берега его одежды, а съ ними и кольцо попало въ воду. Тотчасъ же его проглотила рыба. Увидѣвъ это, Сулеймень поспѣшилъ собрать свои одежды, но кольца найти не могъ. Одѣвшись, онъ поспѣшилъ домой, но жены отказались отворить ему двери дворца, потому что онъ самъ прежде приказалъ имъ, чтобъ они отворяли двери только тогда, когда имъ будетъ показано волшебное кольцо, озарявшее окрестность блескомъ и днемъ и ночью. Перстня этого у него не было, и сколько онъ ни упрашивалъ своихъ женъ, они дверей ему не отворили. Послѣ этого онъ пошелъ къ одному пастуху, перемѣнилъ у него свои одежды на рубище и въ этомъ рубищѣ отправился странствовать. На пути онъ зашелъ къ рыбаку, отцу той дѣвочки, которая была изгнана изъ собранія, и попросился ночевать у нихъ; семья рыбака хотя и радушно приняла его, но она была смущена тѣмъ, что ей не

чѣмъ угостить гостя. У нихъ была одна сѣть, въ которую попадало утромъ и вечеромъ только по три рыбы, какъ разъ по числу душъ въ семьѣ, такъ какъ ихъ было только трое. Вечеромъ рыбакъ пошелъ осмотрѣть сѣть; на этотъ разъ въ сѣть попались четыре рыбки: обрадовавшійся старикъ благодарилъ Бога, пославшаго лишнюю рыбу на долю гостя. Утромъ въ сѣть попало восемь рыбъ, вечеромъ шестнадцать; ловля съ каждымъ разомъ начала удваиваться. Рыбакъ радовался и уговаривалъ гостя пожить у нихъ, обѣщая усыновить его и выдать за него свою любимую дочь. Странникъ не возражалъ и, оставаясь въ его домѣ, занимался вмѣстѣ съ нимъ рыболовствомъ. Лишнюю рыбу жена рыбака стала продавать на рынкѣ. Семья рыбака стала богатѣть, а странникъ сталъ свykаться съ дѣвицей. Однажды въ сѣть попала одна досель невиданная рыба, имѣвшая золотую наружность; рыбку эту Сулеймень незамѣтнымъ для старика-рыбака образомъ спряталъ въ карманъ и, вернувшись домой, отдалъ дѣвицѣ, чтобъ она сварила ее. Дѣвица распластала ее и, къ удивленію своему, нашла въ ней перстень. Лицо ее такъ озарилось свѣтомъ камня, вставленнаго въ перстень, что она сдѣлалась первой красавицей міра. Тогда Сулеймень попросилъ ее отдать ему перстень, признался, что онъ царь—Сулеймень, и предложилъ ей стать его женою; старика назвалъ своимъ отцомъ, его жену матерью и обѣщалъ пріѣхать за ними и перевезти ихъ въ свой дворецъ. Послѣ этого онъ отправился домой.

Въ то время какъ Сулеймень отсутствовалъ, во дворцѣ случилось слѣдующее. Неподалеку отъ города, въ которомъ жилъ Сулеймень и который назывался Кудусъ-шагеръ (городъ Іерусалимъ) въ горѣ скрытно жилъ дау, богатырь, который выжидалъ смерти или отлучки Сулейменя. Узнавъ отъ сороки, что Сулеймень пещезъ безъ слѣда и безъ вѣсти, дау тотчасъ же явился въ городъ Кудусъ, силою покорилъ народъ, объявилъ себя царемъ и потребовалъ, чтобы жены Сулейменя вышли за него замужъ. Тридцать девять женъ не дали дау отвѣта, такъ какъ послѣ ухода Сулейменя онъ, заколотивши двери своихъ покоевъ, дали обѣщанія до возвращенія Сулейменя не показываться на свѣтъ. Только одна младшая жена Запура, любимица Сулейменя, согласилась быть женою дау и приняла его въ свои покои.

Когда Сулеймень возвратился, народъ на всѣхъ улицахъ прокричалъ: „Сулеймень вернулся!“ Тогда дау тайкомъ бѣжалъ въ свою гору. Измѣнница Запура, надѣвъ богатый нарядъ, вышла навстрѣчу Сулеймену; она ласкалась къ нему и жаловалась, что соскучилась объ немъ. Остальныя же тридцать девять женъ вышли къ нему навстрѣчу съ изнуренными лицами, въ изодранныхъ платьяхъ. Онъ рассказалъ Сулеймену, что Запура измѣнила ему, что она вышла безъ него замужъ за дау. Запура сказала, что это взводить на нее изъ

ревности. Тогда Сулеймень обратился съ вопросомъ къ своему попугаю, который сидѣлъ въ клеткѣ у Запурѣ, и попугай сказалъ, что дау жилъ въ покояхъ у Запурѣ и разсказалъ ей, что объ исчезновеніи Сулейменя извѣстіе принесла ему сорока. Послѣ этого Сулеймень заклѣлъ Запурѣ, обративъ ее въ несчастную звѣзду, которая должна до скончанія міра находиться между небомъ и землей. Сороку за пустословіе наказалъ тѣмъ, что она прежде была бѣлою, онъ сдѣлалъ ее пестрою, т. е. очернилъ ее передъ всѣми птицами, и заклѣлъ ее, что она не будетъ любима никѣмъ на Божьемъ свѣтѣ. Отмстивъ двумъ преступницамъ, Сулеймень вернулся къ рыбакамъ, доставилъ ихъ въ свой дворецъ, женился на ихъ дочери, а самихъ стариковъ пристроилъ во дворецѣ.

Прошло послѣ того много лѣтъ. Сулеймень спросилъ свою младшую жену (дочь рыбака), что она желаетъ, чтобы онъ для нея могъ сдѣлать, и обѣщалъ ей желаніе исполнить. Она пожелала, чтобы онъ выстроилъ для нея дворецъ изъ костей птицъ. Сулеймень тотчасъ же повелѣлъ всѣмъ птицамъ слетѣться къ нему; птицы явились; когда имъ было объявлено, зачѣмъ онѣ созваны, птицы начали умолять Сулейменя отмѣнить свой приговоръ и пощадить ихъ жизнь, но Сулеймень былъ неумолимъ. Убѣдившись въ непреклонности его воли, птицы покорились своей судьбѣ и только просили царя провѣрить, всѣ ли птицы въ сборѣ. При повѣркѣ оказалось, что нѣтъ птички бай-гушъ (ремель). Послали за ней кобчика; бай-гушъ отказался идти; онъ сказалъ, что ему некогда: онъ занятъ счетами. Кобчикъ такъ и доложилъ Сулеймену; тогда царь послалъ за байгушемъ ястреба, но и ястребу бай-гушъ сказалъ, что ему не досугъ, что онъ занятъ страшными вычисленіями. Когда ястребъ доложилъ объ этомъ, Сулеймень разсердился, послалъ сокола и приказалъ ему принести бай-гуша въ когтяхъ; соколъ исполнилъ приказаніе. На вопросъ Сулейменя, почему бай-гушъ не явился по первому и второму зову, птица отвѣтила: „Я, бѣдная маленькая пташка, занималась счетомъ—живыхъ или мертвыхъ болѣе на свѣтѣ.—Которыхъ же болѣе ты насчиталъ? спросилъ Сулеймень. „Мертвыхъ болѣе“, сказалъ бай-гушъ.—Ложь ты говоришь! возразилъ Сулеймень. „Нѣтъ, правду“.—Ты какъ считаешь живыхъ и мертвыхъ? „Я причислялъ къ мертвымъ и всѣхъ тѣхъ, которые просыпаютъ утреннюю молитву“.—Твоя правда! сказалъ Сулеймень. Онъ самъ всегда просыпалъ утреннія молитвы.—Почему же ты, бай-гушъ, не явился ко мнѣ на второй зовъ? спросилъ Сулеймень. „Потому, государь, что я вычислялъ, которыхъ больше—мужчинъ или женщинъ“, отвѣтилъ бай-гушъ.—Что же по-твоему вышло? „Одною женщиною больше противъ мужчинъ“.—Это почему ты такъ вывелъ? разсерженнымъ тономъ спросилъ Сулеймень. „А потому, государь, что я всѣхъ тѣхъ мужчинъ, которые слушаютъ женщинъ, причисляю къ женщинамъ“. Тогда Сулеймень, придя въ себя, понялъ, въ чемъ дѣло,

понялъ, что онъ не долженъ былъ исполнять прихотей жены, отпустилъ всѣхъ птицъ на волю и женѣ отказалъ въ исполненіи ея каприза. „Благодаря твоей прихоти, самая малая, самая ничтожная пташка бай-гушъ причислила мена къ женщинамъ“, сказалъ онъ своей женѣ.

Городъ Кудусъ (Кудусъ-шагеръ), въ преданіи выставляемый какъ резиденція Сулеймена, конечно, Иерусалимъ (арабское El-Kuds). Ср. нашъ былинный городъ Кидошъ, освобождаемый отъ враговъ Ильей Муромцемъ и замѣняемый иногда городомъ Себежскимъ и Сибирскимъ; село Кутузово, гдѣ хранятся сокровища Соловья Разбойника (Тихонравовъ и Миллеръ, Былины ст. и нов. записи, стр. 2 и сл.).

Какъ только Соломонъ поселился въ домѣ рыбака, началъ возрастать удовольствіе; слѣдовательно Сулеймень былъ въ родѣ живого онгона, съ присутствіемъ котораго въ окружающей средѣ водворяется благоденствіе—повѣрье, соединяемое монголами съ личностью, наприм., Чингисъ-хана. Въ томъ же родѣ свойствомъ обладаетъ и киргизскій Алаша-ханъ; старуха, въ домѣ которой онъ проводилъ первые дни своего изгнанія, разбогатѣла (см. № 3 этого собранія).

58. Почему пальцы не одинаковой длины.

Большой палецъ сказалъ: „Укроемъ!“ За это Богъ укоротилъ его. Указательный сказалъ: „Ну, пожалуй!“ Богъ сдѣлалъ его подлиннѣе. Средній сказалъ: „А какъ же за кражу будемъ отвѣчать Богу?“ За эти слова Богъ сдѣлалъ его длиннѣе всѣхъ пальцевъ. Безымянный сказалъ: „А Богу какое дѣло до кражи?“ За это Богъ укоротилъ его противъ средняго. Мизинецъ сказалъ: „Нечего разговаривать. Украдь и приведи! Зарѣжемъ да и съѣдимъ“. За это Богъ сдѣлалъ его всѣхъ меньше и короче.

II. Алтайскіе матеріалы.

59. Алтай-Бучи.

Алтай-Бучи поѣхалъ промыслять на бѣломъ чубаромъ конѣ. За табуномъ поѣхалъ на черномъ чубаромъ конѣ. У Алтай-Бучи три коня: для пастбы скота у него былъ барсово-чубарый конь (малдаб менер ат пар-чокур ат), для охоты—свѣтлосѣрый конь (ангдаб менер ат ак чокур ат), для войны—рыжий конь Демичи (джуваб менер ат демичи джерен ат).

Алтай-Бучи поѣхалъ воевать съ Демичи-тере. Жена у Алтай-Бучи—Эдиль-Джебиль, сестра у него—Эдиль-Коджилъ. Женщины пишутъ письмо Аранай-Чаранаю, сыну Эльденъ-Чалдана, о томъ, что, если бѣ Алтай-Бучи не было, имъ бы, женщинамъ, лучше было жить. Письмо послали съ уткой. Жена и сестра взяли потъ отъ работницы, отъ коня и отъ семидесяти цвѣтовъ, чтобы напоить Алтай-Бучи.

Алтай-Бучи вернулся съ охоты и догадался, что женщины сдѣлали; спрашиваетъ ихъ, почему онѣ этакъ сдѣлали? Сталъ пить вино. Ему подали вино, излаженное изъ пота. Онъ выпилъ и сказалъ: „Живите вы, а я уйду“. Пошелъ и упалъ въ яму; женщины отравили его этимъ питьемъ. На крылѣ утки они написали письмо: „Пріѣзжай за нами; Алтай-Бучи умеръ“ и послали ее къ Аранай-Чаранаю. Аранай пріѣхалъ и на вороного о шести ногахъ коня наложилъ семьдесятъ семь путь; богатыря, сподручника Алтая, Черчениза живого, связаннаго увезли въ телѣгѣ; у Алтай-Бучи у рукъ отрѣзали оба большіе пальца и увезли. У Алтай-Бучи было три лошади: одна—въ гости ѣздить, другая—для промысла, третья—для войны; всѣхъ трехъ увезли въ трехъ телѣгахъ. На семи телѣгахъ увезли богатыря Джержениза (Черчениза) и воронка о шести ногахъ. Трехъ лошадей спутали и увезли; двухъ собакъ тоже спутали. Двухъ бюркутовъ спутали и увезли. Это жена Алтая велѣла связать лошадей, собакъ и бюркутовъ.

Семь ямановъ (козловъ) съ дороги убѣжали и воротились домой. Аранай-Чаранай никакъ не можетъ загнать ихъ; наконецъ, на лошади для промысла завернули ихъ. Лошадь эта, чубарко, упала и

сломала себѣ шею. Это она, притворившись, сдѣлала. Семь кобыль возвращаются домой: никакъ не могутъ поймать ихъ. Другой чубарко, на которомъ Алтай-Бучи заворачивалъ табуны, заворачиваетъ кобыль. Это были кобылы, духи воды и земли (джерьдиң судың ээзи). Конь Демичи-джеренъ сталъ догонять ихъ; скочилъ съ камня, упалъ въ воду и утонулъ. Аранай-Чаранай увидѣлъ у лѣса дорогу; видитъ, медвѣдь передалъ кобыль; онъ пустилъ за медвѣдемъ двухъ собакъ. Демичи-джеренъ обманулъ Араная; онъ не умеръ; двѣ собаки узнали Демичи-джерена и убѣжали съ нимъ. Потомъ на большой степи увидѣли двухъ волковъ; жена Алтая сказала: „пустите двухъ бюркутовъ“. Но это не были волки: это былъ Демичи-джеренъ; бюркуты узнали его и улетѣли за нимъ.

Девять дней сряду шелъ дождь. Не изъ чего было устроить палатку. Двумя отрѣзанными пальцами Алтая закрылись. Прилетѣлъ воробей; Демичи-джеренъ превратился въ воробья и укралъ эти два пальца. Впереди лѣсъ такой густой, что и воробей не пролѣзетъ. Дошли до лѣсу. Тутъ жена Алтая родила сына. Сына зовутъ Канъ-Сорышъ. Демичи-джеренъ укралъ ребенка: явился въ видѣ воробья и унесъ Канъ-Сорыша черезъ дымовое отверстіе. Мать отрѣзала ножницами у своего сына одно колѣно.

Наконецъ, доѣхали до подземнаго царства Араная-Чараная, пріѣхали къ его отцу. Демичи-джеренъ пускаетъ дождь на девять дней, чтобъ украсть отрѣзанную ногу. Прилетѣлъ воробьемъ, поклевалъ что-то и укралъ ногу.

Демичи-джеренъ заставилъ собакъ и бюркутовъ караулить тѣло Алтай-Бучи, чтобы черви и воробьи не сѣли. Вместе съ тѣломъ Алтая они караулятъ и Канъ-Сорыша; и двухъ чубарокъ кормятъ и караулятъ.

Три лошади, Демичи-джеренъ и два чубарка, разговариваютъ. Демичи-джеренъ спрашиваетъ: „На небо я или ты пойдешь? Надо намъ идти на небо выпросить ребенка“. Двѣ чубарки говорятъ: „Безъ Демичи-джерена мы куда однѣ поидемъ? Ты иди“. На небѣ есть два брата Еркутей и Беркутей, у нихъ дочь Темене-ко; ее надо привезти сюда; она пріѣдетъ, приставитъ два пальца и заживитъ. Демичи-джеренъ уѣхалъ на женскомъ сѣдлѣ на небо за дѣвицей. На небѣ есть море, бѣлое, какъ молоко, Суть ак-кѣль; возлѣ него—береза въ цвѣту (бај-гаиң, чечекту). Демичи-джеренъ постоялъ около моря подъ березой, потомъ пришелъ къ дѣвицѣ Темене-ко. Ее сватаетъ Кого-Начинъ. Демичи-джеренъ сдѣлался маленькимъ конемъ; на немъ хорошее сѣдло. Конь ходитъ; сколько народу, не могутъ поймать его за чумбуръ. Дѣвица Темене-ко поймала его. Сѣла на него и поѣхала. Люди догоняли ее, никто не могъ догнать. Пріѣхала къ Алтай-Бучи, лѣчитъ ему пальцы, мальчику колѣно прикладываетъ. Богатырю Джерженизу лѣчитъ отрѣзанныя руки и ноги. Всѣхъ тронхъ вылѣ-

чила и за Кань-Сорыша пошла замужъ. Всѣ живы стали—Алтай-Бучи, Джердженизъ и Кань-Сорышъ.

Алтай-Бучи и Кань-Сорышъ ѣдутъ за женой и сестрой Алтая. Доѣхали и воюютъ. Всѣхъ убили, но Кань-Сорышъ не далъ убить свою мать. Алтай-Бучи взялъ свою жену, привязалъ къ хвостамъ девяти кобылъ и отпустилъ кобылъ въ степь. Потомъ Алтай-Бучи ушелъ подъ землю, чтобы убить Аранай-Чараная.

Алтай-Бучи поѣхалъ къ Кань-Джекпею взять себѣ жену. Семь годовъ воевалъ съ нимъ и взялъ дочь Кань-Джекпея замужъ. Съѣлъ на Демичи-джерена и поѣхалъ. Конь ступить, тутъ гора вырастаетъ: на этомъ мѣстѣ огонь и угли появляются; такъ Алтай-Бучи ѣдетъ. Кункеръ, Куйсуны, Конко и Изень-канъ, четыре царя,—Алтай-Бучи въ одинъ день завоевалъ ихъ всѣхъ. Кумульты-Чумульты, пятый царь,—съ нимъ тоже онъ воевалъ. Конгрои-богатыря побѣдилъ, взялъ въ плѣнъ его сестру, закамлалъ и убилъ.

Видитъ Алтай-Бучи: шесть быковъ на одну удочку надѣлъ человѣкъ и удить. „Я не могу выудить!—говоритъ онъ Алтаю.—Ты удь!“ Алтай-Бучи удить. Выудилъ рыбу большую, выбросилъ изъ воды и уѣхалъ. Это—самая большая рыба; больше ея нѣтъ.

Алтай-Бучи воюетъ, чтобы взять дочь Кань-Джекпея; конь Демичи-джеренъ тоже воюетъ. Кань-Сорышъ пріѣхалъ за отцомъ. Алтай-Бучи смотритъ на нихъ; они всѣ умерли; богатырь Джердженизъ тоже умеръ. Алтай-Бучи говоритъ тестю Кань-Джекпею: „Чтобы твоего духу тутъ не было! Всѣхъ убью, семь годовъ буду воевать“.

На семь годовъ воюетъ. Съ неба пришли люди, остановить Алтая не могутъ. Посоль отъ Бога и посоль отъ дьявола пришли, остановить не могутъ. Тамъ, гдѣ Алтай-Бучи воюетъ, коню ногу жжетъ, человѣку ногу жжетъ. Алтай-Бучи разрѣжетъ человѣка поперекъ надвое,—изъ верхней половины сдѣлается четыре, изъ нижней половины четыре.

Девять годовъ воевалъ Алтай-Бучи. Сестра Кань-Джекпея говоритъ: „Должно быть, я пойду за него замужъ“. Остановились воевать, прекратилась война. Дочь Кань-Джекпея пошла за Алтай-Бучи.

У Кань-Джекпея есть маленькій сынъ Алтынъ-Герель; онъ потерялъ его. Тесть говоритъ: „Зять, ищи его“. Алтай-Бучи взялъ жену себѣ, взялъ собакъ, двухъ бюркутовъ, двухъ чубарокъ и поѣхалъ съ женой домой. На военномъ конѣ поѣхалъ искать Алтынъ-Гереля. Видитъ умершихъ Черчениза и Кань-Сорыша.

Алтай-Бучи пріѣхалъ къ озеру. Подъ деревомъ, обернувшись три раза, лежатъ змѣи; на вершинѣ дерева—гнѣздо. Это—гнѣздо птицы Кань-Герее. Змѣи лѣзетъ на дерево. Алтай-Бучи выстрѣлилъ въ змѣя, убилъ его. Изъ гнѣзда вышелъ птенецъ, сталъ разговаривать. Птенецъ посадилъ Алтая на крыло и унесъ въ гнѣздо. Алтай-Бучи спрашиваетъ: „Какъ приходитъ твоя мать?“ Птенецъ говоритъ: „Пой-

детъ небольшой дождь, будетъ вѣтеръ. Послѣ того мать прилетитъ“. Летитъ мать птенцовъ, но къ гнѣзду не приближается, прочь отлетаетъ, слышитъ духъ худой. Дѣти говорятъ ей: „О духъ не спрашивай, а гляди внизъ на убитаго змѣя подъ деревомъ“. — Кто у васъ тамъ? спрашиваетъ мать. „Сядись на мѣсто. Если не убьешь, то скажемъ; убьешь, не скажемъ“. Дѣти показали ей своего избавителя. Птица говоритъ Алтаю: „Ты пойдешь искать Алтынъ-Гереля“.

Алтай-Бучи ѣдетъ къ Ерлику (владыкѣ ада) искать Алтынъ-Гереля. Первая дверь—два верблюда съ коростами; ѣдетъ человекъ, они его исторкаютъ до смерти. Жена дала Алтаю двѣ большія иглы, чтобы онъ воткнулъ ихъ въ землю, и сказала: „Пока они торкаются объ иголки, ты между ними проѣдешь“. Потомъ прилетѣли двѣ вороны (кускун) и двѣ сороки (саньскал), чтобы выклевать ему оба глаза. Алтай-Бучи далъ имъ сто глазъ (джюз кузь) и проѣхалъ. Пріѣхалъ къ ста дѣвицамъ. Онъ далъ имъ нитокъ, которыя получили отъ своей жены; если бы не далъ, они вытянули бы изъ его рукъ сухожилья. Проѣхалъ. Люди жгутъ угли и говорятъ: „Мы сождемъ тебя на угли“. Онъ вынулъ изъ кармана угли, далъ имъ и проѣхалъ. Пріѣхалъ къ кузнецамъ. Они говорятъ: „Мы тебя вмѣсто желѣза покуемъ“. Онъ далъ имъ желѣза и проѣхалъ.

Глядитъ—стоитъ женщина одна: у кобылы и у козлухи молоко изъ сосцовъ бѣжитъ; у кобылы—жеребенокъ, у козлухи—козленокъ; оба стоятъ передъ женщиной. Эта женщина при жизни у кобылы жеребенка украла, у козы—козленка. Далѣе ѣдетъ Алтай-Бучи; мужчина и женщина лежатъ; на нихъ—одѣяло изъ девяти овчинъ; мужчина на себя тянетъ, женщина—на себя; девятиовчиннаго одѣяла имъ не хватаетъ; они на бѣломъ свѣтѣ не дружно жили. Потомъ Алтай-Бучи наѣхалъ на женщину съ мужчиной,—спятъ подъ одной овчиной; эти на свѣтѣ жили дружно, въ любви и совѣтѣ. Далѣе, видитъ Алтай-Бучи, воры стоятъ; ходятъ спутанные. Дѣти, которыя косо смотрѣли на родителей, повѣшены на крючки за глаза. Женщина, которая убила ребенка, подвѣшена за пуць. Кто людей осуждалъ, а самъ вольничалъ, тѣ за подошвы приколочены желѣзомъ. Одна женщина носить мужской джанбасъ (кость стегна), одинъ мужчина носить женскую кость; на свѣтѣ оба вольничали. Женщина взяла въ руки ребро мужчины; эта женщина съ мужемъ была какъ одинъ человекъ. Убийцы кипятъ въ сѣрѣ.

Далѣе Алтай-Бучи встрѣтилъ жуковъ, какъ олени; они вмѣстѣ съ Ерликомъ стали ловить Алтая, но онъ убилъ ихъ и пріѣхалъ къ Ерлику. Тутъ онъ встрѣтилъ жену Ерлика. Алтай-Бучи протянулъ ей свою руку; изъ его ладони выросъ пукъ прутьевъ. Онъ этими прутьями сталъ бить ее. Спрашиваетъ ее: „Возьмешь ли меня?“ Она говоритъ, что не возьметъ, а будетъ ему помогать. Пришелъ самъ Ерликъ; верхняя борода (бакенбарды) переросла за уши, нижняя бо-

рода выросла до пояса. Алтай-Бучи говоритъ Ерлику: „У меня двѣ собаки не щенятся,—дай мнѣ кобеля. Сяжу вино, вино не выходитъ,—дай мнѣ таганъ. Иначе убью тебя! Отворяй свой острогъ и впускай меня туда. Грѣшные люди твои будутъ, а негрѣшные должны идти къ Кутаю (владыка добрыхъ духовъ). Живая голова—Кутаю, а мертвая—тебѣ“.

Алтай-Бучи не можетъ выйти отъ Ерлика. Спрашиваетъ у своей жены. Она шепнула ему въ ухо: „Поѣзжай къ тестю и спроси его“. Тесть пріѣхалъ и говоритъ: „Зачѣмъ со мной девять годовъ воевалъ?“

Алтай-Бучи и Канъ-Джекпей переходятъ по мосту шириной, какъ волосъ (кыл кемру). Крѣпкіе богатыри (кечу батыр) прошли черезъ мость. Тѣло Черчениза лежитъ на земляхъ Канъ-Джекпей: не знаютъ, какъ его оживить. Канъ-Джекпей выскоблилъ изъ четырехъ копытъ лошади и этимъ оживилъ Черчениза. Канъ-Сорышъ тоже оживилъ. Алтай-Бучи оживилъ всѣхъ, ѣдетъ домой и пѣсни поетъ. Канъ-Джекпей пошелъ на небо, чтобы судить съ Кутаемъ: мертвая голова (ку-баш)—Ерлику, живая (кункалу баш)—Кутаю.

Перешедши мость, Алтай-Бучи перерѣзалъ его. Большая вода (озеро) побѣжала. Канъ-Джекпей ушелъ на небо, а Ерликъ уже ранѣе его успѣлъ прибыть на небо и просить у Кутая душу Канъ-Джекпей. Богъ говоритъ: „Если можешь, самъ возьми. У неба—пуцъ, а у земли—Канъ-Джекпей. Я не могу его дать“. Канъ-Джекпей проклялъ Ерлика, чтобы онъ провалился подъ землю и никогда не выходилъ оттуда. Камъ (шаманъ) будетъ ему тащить черезъ каждые три года все, что попало: въ первую голову сиваго быка (кѣк буѣа), потомъ топоръ, потомъ девять девятковъ подарковъ (тогустьн тогус парылга).

Канъ-Джекпей сошелъ съ неба, отправляется на Канъ-Коурай. Съ двумя царями онъ тамъ воюетъ. Одинъ царь—Кумульты, другой—Чумулты. Отправляетъ женщинъ съ ребятишками и зыбками къ себѣ домой, отбираетъ имущество царей. На срединѣ Молочнаго бѣлаго моря плаваетъ въ берестяной лодкѣ (тос кеме) мальчикъ. Канъ-Джекпей видитъ его, кланяется и спрашиваетъ: „Кто ты такой?“ Лежитъ на берегу, плачетъ и спрашиваетъ: „Кто ты такой?“ Ребенокъ ничего не отвѣчаетъ, потомъ говоритъ: „Я—богъ твой. Я пустилъ тебя. Когда ты черезъ три неба пройдеши, тамъ есть камъ-эмегенъ—старуха-шаманка; къ ней придеши. Ее зовутъ Когъ-эмегенъ. У ней—трехголовый бубенъ (тумур), девятивилая (девятипалая) колотушка (тогуз айры орбы)“. Канъ-Джекпей сѣлъ на свою лошадь Канъ-джеренъ-атъ и поѣхалъ къ старухѣ. Поѣхалъ—лѣсъ сталъ валиться, камни ломаться. Пріѣхалъ и сталъ воевать. Облизалъ у лошади четыре ноги (т.е. осердился). „Поѣду, говоритъ, воевать!“ У него сабля четыре года сама рѣжетъ, безъ Канъ-Джекпей. Камъ-эмегенъ пускаетъ отъ неба вѣтеръ. Канъ-Джекпей воюетъ; глаза его—какъ двѣ звѣзды; щеки красны, какъ кровь. Канъ-Джекпей жжетъ старуху огнемъ. Ерликъ помогаетъ старухѣ; онъ бьетъ Алтай, рѣжетъ, но убить никакъ не можетъ.

Канъ-Джекпей отобралъ у старухи бубень; эмегенъ осталась съ девятивиллой колотушкой, закамлала и ушла, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла, подь землю, къ Ерлику. Канъ-Сорышь пошелъ за старухой въ подземелье. У старухи—двѣ сестры: узун кат—длинная женщина и кыскакат—короткая женщина. Длинная говоритъ: „Пожалуй, убьешь сестру!“ и бросилась подь землю за Канъ-Сорышемъ, а короткая осталась на землѣ. Канъ-Сорышь догналъ эмегенъ, засучиваетъ рукава. Зашелъ въ домъ. Ерликъ кланяется ему. „Ты, живой человекъ, зачѣмъ пришелъ сюда?“ Канъ-Сорышь привязалъ старуху за ноздрю и ведетъ; она держитъ девятивилую колотушку. Она проситъ его: „Всегда буду благословлять, буду помогать тебѣ!“ Онъ не вѣритъ. „Никогда не приму отъ тебя благословенія“, говоритъ. Бюркутъ сѣлъ на плечо Канъ-Сорыша и говоритъ: „Отпусти ее! ее никогда не убьешь“. Канъ-Сорышь отобралъ у старухи тогус-ајры (колотушки и отпустилъ ее живою. Отъ жены Канъ-Сорыша пришло письмо: „Не убивай старуху; какъ убьешь, такъ и самъ умрешь“. Камы камлають, отъ этой камъ-эмегенъ голоса слышать (т. е. вѣщее знаніе получаютъ)

Спрашиваютъ у старухи: „Гдѣ нашъ сынъ?“ Канъ-Джекпей говоритъ ей: „Когда моего сына подашь, воевать не буду. А то и тебя убью и мальчика въ берестяной лодкѣ убью“. Поймалъ старуху, велитъ сказывать, гдѣ сынъ. Конь осердился, началъ кровью мочиться; у самого глаза кровавые стали. Старуха подала трехъ желтыхъ щенковъ. Говоритъ: „Узнавай, который твой сынъ! Узнаешь—бери, не узнаешь—не взыскивай съ меня“. Онъ выбираетъ; у одного щенка задница сожженная. Конь шепнулъ ему: „Поцѣлуй этого сожженного щенка“. Канъ-Джекпей поцѣжилъ щенка, поцѣловалъ; щенокъ сдѣлался настоящимъ сыномъ Канъ-Джекпея и назвалъ Канъ-Джекпея отцомъ.

Канъ-Джекпей поѣхалъ на войну, сына отправляетъ къ матери. Сынъ Канъ-Джекпея называется Алтынъ-гегенъ. Сначала Канъ-Джекпей уѣхалъ къ Кункеръ-джеръ-кану, воеетъ; кости человѣческія—до сѣдла, кровь—до колѣна лошади. Еще дальше поѣхалъ къ Изинъ-уланъ-кану и къ Коюнъ-уланъ-кану. Еще дальше уѣхалъ воевать къ Алтынъ-Белекъ-кану и къ Ала-Белекъ-кану. Дальше ѣдетъ къ царю Конгрою. У него два подола уже сгнили отъ крови. Все ѣдетъ и ѣдетъ. Выпросилъ благословеніе отъ мальчика, плавающего въ берестяной лодкѣ, и началъ воевать. Есть Чечже-зайсанъ съ конемъ Джеренъ-уле; съ нимъ началъ воевать. Начали уже плавать въ крови. Чечже-зайсанъ и Конгрою вдвоемъ бьютъ, но Канъ-Джекпей не поддается. Сынъ Чечже-зайсана Канъ-Джере приходитъ къ Канъ-Джекпею и кланяется Канъ-Джекпей пересталъ воевать и отправился домой. Два царя поѣхали провожать его. Канъ-Джекпей показываетъ: на лѣвой рукѣ—русская вѣра, на правой—алтайская (алтајдың джаны). Тогда онъ говоритъ: „Богъ теперь родится. Меня никто не подниметъ, кромѣ

земли и рыжаго коня. Если русскій Богъ родится, то будетъ покой; иначе, все буду воевать“.

Началъ воевать съ Каратты-каномъ. Какъ траву, людей рѣжетъ. Одежда сгнила отъ крови, и конь гниетъ отъ крови. Рѣжетъ и рѣжетъ народъ, какъ траву. Конь просить Канъ-Джекпей остановиться: „Будетъ, говорить, воевать!“ Остановить не можетъ. Канъ-Сорышъ туда же пришелъ. Воевать прикончили Каратты-кана. У Каратты-кана есть богатырь Джердженись-боко, живетъ подъ землей, на лбу—одинъ глазъ. Канъ-Джекпей и Канъ-Сорышъ ушли подъ землю воевать. Джердженись-боко съѣлъ Канъ-Сорыша до половины, а Канъ-Джекпей стоитъ, смотритъ. Канъ-Джекпей напарьемъ (юрюм) нижнюю губу боко (боко—„силачъ“) прибилъ къ землѣ, верхнюю—къ небу. Канъ-Сорышъ разрѣзалъ ему внутри животъ и вытѣвъ.

Запис. отъ крещенаго алтайца въ сел. Онгудай въ долинѣ р. Урсулъ.

Эту сказку я записалъ въ Алтай, въ долинѣ р. Урсула въ с. Онгудай; она извѣстна также и въ окрестностяхъ Чемала на Катунѣ. Ядринцевъ записалъ ее у черневыхъ турковъ; его запись помѣщена въ моихъ Очеркахъ съ. Монголіи IV, 369. У Ядринцева герой вмѣсто Алтай-Бучи названъ Демичи-Ерень, т. е. у черневыхъ турковъ на героя перенесено имя коня (Демичи-джеренъ). Въ вариантахъ изъ Чемала сынъ Алтай-Бучи вмѣсто имени Канъ-Сорышъ носитъ имя Эркъ-мендырь. Вариантъ черневыхъ турковъ не вполне параллеленъ записанному въ долинѣ Урсула; женщины—не жена и сестра героя, а жена и дочь; Сахыр-Саянъ, похититель ихъ, стоящій на мѣстѣ Аранай-Чараная, уноситъ ихъ не въ подземное царство, а на небо.

Тумур—„бубень“; такъ мнѣ перевелъ рассказчикъ. Это названіе бубна было записано и Ядринцевымъ; см. мои Очерки, IV, 98. Въ словарь, приложенномъ къ „Грамматикѣ алтайск. языка“, Казань, 1869, а также въ „Опытѣ словаря тюркскихъ нарѣчій“ Радлова этого слова нѣтъ; въ первомъ противъ русскаго „бубень“ стоитъ тунгуръ (стр. 6). Ядринцевымъ записано также показаніе телутовъ и черневыхъ турковъ (Очерки, IV, 193), что затменіе мѣсяца происходитъ оттого, что онъ обмираетъ, когда его закроютъ „орбыше“ и „горынчи“. „Торынчи“ мнѣ неизвѣстно, но „орбыше“—это, разумѣется, люди, которые имѣютъ въ рукахъ „орбы“, бубенныя колотушки, т. е. шаманы. По образцу орбыше отъ орбы, „колотушка“, отъ слова тумур, „бубень“, получается тумурше. Бурятскіе кузнецы совершаютъ обряды въ честь кузнечнаго бога Тѣмѣрше, бьютъ молотомъ по наковальнѣ (Аганитовъ и Хангаловъ, Матер. о шаманствѣ, въ Изв. Вост.-Сиб. Отдѣла Геогр. Общ., т. XIV, № 1 и 2, стр. 15). Въ своихъ „Восточныхъ Мотивахъ“ (стр. 421) я свелъ этотъ фактъ съ указаніемъ монгольскихъ сказаній о Чингисъ-ханѣ (Темучинѣ или Темурчинѣ), которому также приписывалось совершеніе обряда битья по наковальнѣ будто бы въ память о томъ, что онъ былъ когда-то кузнецомъ. Опираясь на алтайское значеніе слова тумурше, „бубенщикъ“, можно тотъ же смыслъ усматривать и въ бурятскомъ Тѣмѣрше; это—тоже „бубенщикъ“, т. е. шаманъ. Такое предположеніе поддерживается тѣмъ, что у агинскихъ бурятъ кузнечный богъ называется Тарханъ-бо, „кузнецъ шаманъ“, а въ сѣверозападной Монголіи именемъ Тарханъ-бо называется шаманъ, которому преданіе приписываетъ увозъ ханской дочери (или жены Чингисъ-хана) и каменные изваянія котораго находятся одно у озера Даннь-гуль, другое—въ долинѣ Эгъ.

Мотиву — затруднительный выборъ — я удѣлил мѣсто въ своей статьѣ: „Сказка съ двѣнадцатью персонажами“ (Этногр. Обзор., кн. LVI—LIX). Признакъ, по которому можно узнать отыскиваемый персонажъ, въ большинствѣ случаевъ этотъ отыскиваемый персонажъ самъ же и выдаетъ; иногда же это дѣлаетъ постороннее лицо, иногда лошадь. Въ сойотскомъ случаѣ лошадь становится противъ юрты, въ которой живетъ отыскиваемая дѣвица. Въ числѣ признаковъ или способовъ, перечисленныхъ въ моей статьѣ, нѣтъ поцѣлуя. Въ сказкѣ объ Алтай-Буши поцѣлуй плотно примыкаетъ къ темъ затруднительный выборъ, но служитъ не признакомъ, отличающимъ отыскиваемый персонажъ отъ индифферентныхъ; онъ служитъ для того, чтобы обратить щенка въ сына Алтая т. е. для прекращенія заколдованнаго состоянія, какъ и въ одной сказкѣ (Аеан. № 129, т. II, 100 прим.).

60. Кочкор-бай.

До подданства Алтая Россіи киргизы дѣлали набѣги на Алтай. Алтайцы ихъ били, и киргизы тоже защищались; дрались чотпорами, родъ кистеней или батиковъ изъ березоваго корня. Чтобы имѣть больше успѣха въ своихъ набѣгахъ, угнать больше табуновъ и увезти въ плѣнъ больше женщинъ и дѣвушекъ, киргизы взяли съ собой своего богатыря Кочкор-бая. Алтайцы скрылись въ тайгѣ вмѣстѣ съ табунами и всѣмъ, что у нихъ было живого. Два брата Толдой и Тузагашъ, жившіе по рѣкѣ Кодаты, въ которую теперь впадаютъ двѣ рѣчки Толдой и Тузагашъ, собрались на охоту и, оставляя своихъ женъ, наказали имъ, чтобы онѣ не бросали въ рѣку щепокъ. У старшаго брата Толдоя жена была малоумная, какъ и самъ онъ. Лишь только мужья уѣхали, она въ тотъ же день натесала щепокъ и бросила въ рѣчку; она хотѣла узнать, что будетъ; другая жена не знала этого. Киргизамъ случилось переѣзжать бродъ на устьѣ рѣки Кодаты, они увидѣли щепки и сообразили, что кто-то живетъ вверхъ по рѣкѣ. Поѣхали искать и захватили всѣ табуны, лошадей и овецъ, имущество и женъ.

Мужья воротились. Тузагашъ сказалъ: — По примѣтамъ, не должно имъ далеко уѣхать. Они должны ночевать въ Калынъ-аралѣ, въ „Густомъ тальникѣ“. Ночью поѣхали въ погоню. У нихъ были ружья тюлама-мылтык, т. е. такія, которыя заряжаются желѣзной пулей, а порохъ зажигается фитилемъ. Ночью же они настигли киргизовъ, которые пировали около костра, ѣли овецъ. Тузагашъ зажегъ трутъ и вокругъ стана киргизовъ натыкалъ по кустамъ горячаго трута; потомъ началъ стрѣлять въ киргизовъ. Тѣ, увидя вокругъ себя много огня, подумали, что они окружены множествомъ людей; нѣкоторые изъ нихъ побѣжали, другіе стали отстрѣливаться. Потомъ киргизы увидѣли, что враговъ только двое: старшаго брата застрѣлили, а Тузагашу пуля попала въ животъ, и у него выпали кишки; онъ собралъ кишки, убѣжалъ и сѣлъ на бомъ¹ Шиверта. Тутъ онъ сидѣлъ

¹ Утесъ, приторъ на рѣкѣ.

до разсвѣта. Утромъ киргизы ѣдутъ мимо, гонять табуны и везуть половенныхъ женъ. Кочкор-бай ѣхаль впереди. Тогда Тузагашъ крикнулъ: балу[?] аткан сыгының мында јат, „подстрѣленный тобою олень здѣсь лежитъ“.

Кочкор-бай оглянулся; при поворотѣ кольчуга у него открылась немного внизу около лука сѣдла. Тузагашъ выстрѣлилъ въ него послѣдней, какая у него была, пудей, прошибъ переднюю луку и отстрѣлилъ у Кочкор-бая кодок (phallus). Киргизы не дали упасть Кочкор-баю, положили его на верблюда и увезли домой.

Жены Кочкор-бая, которыхъ у него было девять, плакали и причитали: тугнуй[?] тѣмгеги[?] ошкoш кодозыңды кајдаиң карабајдың пудады ошкoш кајаңды кајдаиң? „съ похожимъ на утесъ phallus'омъ твоимъ что будемъ дѣлать? съ похожимъ на сукъ сосны penis'омъ твоимъ что будемъ дѣлать?“

Затѣмъ онѣ высушили его и въ продолженіе сорока дней каждую ночь причитали попеременно.

Записано художникомъ Гр. И. Гуркинымъ отъ Петра Ив. Чичинова, инородца Кузенской волости, живущаго въ с. Ильинскомъ.

61. Сартактай.

1. Сартактай, находясь въ мѣстности Корь-кечи, бросилъ въ лѣтвшихъ гусей камень: брошенный камень упалъ у рѣчки Мѣнь въ чуйской долинь. Этотъ камень лежитъ около чуйской дороги выше мѣстности Чибить верстахъ въ пяти, а отъ Корь-кечи на Катунѣ въ 120 верстахъ. Камень, круглый, пудовъ около семи вѣсомъ.

Записано Григ. Ив. Гуркинымъ отъ П. И. Чичинова, инородца Кузенской волости, с. Ильинское.

2. Послѣ неудавшейся постройки моста черезъ рѣку Катунь богатырь Сартактай взглянулъ внизъ по рѣкѣ и увидѣлъ, что путь бурливой Катунѣ преграждается утесомъ около устья р. Чемала. Сартактай натянулъ лукъ и выстрѣлилъ внизъ по рѣкѣ (дѣл болзын деп аткан, „сказавъ, пусть будетъ прямая дорога“). Стрѣла ударила въ чемальскій утесъ, пробила его и отбросила обломокъ его (согон таш) верстъ на 13—15 ниже къ мѣстности Аскать. Поэтому эта гора-обломокъ стоитъ отдѣльно отъ всѣхъ другихъ горъ на берегу Катунѣ.

Записано Г. И. Гуркинымъ отъ шамана Бачіяка, живущаго въ вершинѣ р. Анось.

[Въ большинствѣ помѣщенныхъ выше сказокъ замѣтно сильное книжное вліяніе, которое, вѣроятно, объясняется все возрастающимъ числомъ печатныхъ и литографированныхъ изданій на арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ языкахъ].

Послѣсловіе.

Сказки предлагаемаго собранія записаны въ Кокчетавскомъ уѣздѣ Акмолинской области, т. е. въ районѣ, населенномъ народомъ, люди котораго сами себя называютъ именемъ казакъ, а русскіе зовутъ ихъ киргизами¹. Сказки записаны въ 1895 г. во время моей поѣздки въ Кокчетавскій уѣздъ, въ аулъ киргизскаго, теперь уже покойнаго, султана Чингиса Валіевича Валиханова, отца не безызвѣстнаго въ русской литературѣ Чокана Валиханова². Чингисъ Валіевичъ имѣлъ свою зимовку въ мѣстности Серембетъ, верстахъ въ ста къ западу отъ города Кокчетавъ; на лѣто онъ уходилъ со своими стадами на югъ. Во время своей поѣздки я нашелъ его на лѣтовкѣ, въ нѣсколькихъ переходахъ къ югу отъ Серембета, и вмѣстѣ съ его ауломъ кочевалъ на сѣверъ къ его зимовкѣ, медленно, дѣлая въ день не болѣе 15 верстъ и задерживаясь на мѣстѣ послѣ каждаго перехода на нѣсколько дней. Большинство сказокъ записано во время этой перекочевки. Въ эту поѣздку меня сопровождалъ студентъ петроградскаго университета молодой киргизскій султанъ Султанъ-Газинъ, уроженецъ береговъ рѣки Токрау, въ Каркаралинскомъ уѣздѣ. Сыновья Чингиса Валіевича, Якузь, Махмудъ, Кокушь находили мнѣ сказочниковъ, мой спутникъ г. Султанъ-Газинъ переводилъ мнѣ ихъ рассказы по-русски, а я записывалъ его переводъ. Валихановы всегда имѣли общія кочевья съ двумя киргизскими поколѣніями Атагай и Карауль, въ однихъ мѣстахъ съ ними лѣтовали, въ однихъ мѣстахъ зимовали; поэтому о записанныхъ г. Султанъ-Газинымъ сказкахъ можно сказать, что онѣ продиктованы атагайцами и караульцами. Нѣкоторыя сказки рассказаны самими сыновьями Чингиса Валіевича, нѣкоторыя записаны г. Султанъ-Газинымъ по памяти; слѣдовательно, послѣднія относятся къ киргизамъ Каркаралинскаго уѣзда. О сказкахъ, которыя

¹ Въ моихъ примѣчаніяхъ къ собранію алтайскихъ сказокъ (Н. Я. Никифоровъ, Аносскій сборникъ, въ Запискахъ Западно-сибирскаго отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общества, т. XXXVII, 1916 г. Омскъ) точно такъ же подъ киргизами я разумѣю тотъ народъ, который самъ себя называетъ казакъ.

² Рассказъ объ этой поѣздкѣ я помѣстилъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1896 годъ, въ августовской книжкѣ, подъ названіемъ „Въ юртѣ послѣдняго киргизскаго царевича“.

получены другимъ путемъ, сдѣланы въ надлежащихъ мѣстахъ указанія.

Къ этому собранію въ концѣ присоединено нѣсколько преданій, записанныхъ у алтайцевъ, т. е. у турецкаго племени, которое называетъ себя „алтай-кижи“, алтайскіе люди, и обитаетъ въ долинахъ рѣкъ Катуня, Ануя и Чарыша.

Къ нѣкоторымъ сказкамъ я сдѣлалъ примѣчанія, помѣстивъ каждое непосредственно подѣ той сказкой, къ которой оно относится. Такъ какъ собраніе это, прежде чѣмъ поступить въ печать, долго пролежало въ портфель, то накопились новыя примѣчанія, приводимыя здѣсь въ видѣ приложенія къ послѣсловію.

Дополнительныя примѣчанія.

1. Чингисъ-ханъ. Стр. 48.

Три брата пытаются узнать, кто изъ нихъ болѣе одаренъ, кто изъ нихъ повѣситъ лукъ на солнечный лучъ, кто избранникъ неба; это удается только Чингисъ-хану. Тотъ же смыслъ скрывается, вѣроятно, въ разсказѣ „Алтанъ-Тобчи“ о нефритовой чашѣ, которую небо спустило Чингисъ-хану; его братья заявили свои претензій на этотъ подарокъ, но оказалось, что къ чашѣ могъ прикасаться устами одинъ только Чингисъ. Этотъ мотивъ развивается въ одну сторону въ сказаніе объ избраніи царя, въ другую—въ разсказъ объ испытаніи даровитости или доблести трехъ сыновей или трехъ дочерей (Ерке, 45, 46). Три брата и три стрѣлы и въ киргизскомъ преданіи объ избраніи перваго киргизскаго хана Аласа-хана (см. Очерки сз. Монг., II, 148; IV, 89б); избраніе производится посредствомъ попаданія стрѣлой въ монету, подвѣшенную къ дереву; въ результатѣ стрѣлянія три брата-разбойника, бѣжавшіе изъ Туркестана, чтобы избѣжать казни, становятся ханами трехъ киргизскихъ джюзовъ.

У Рашидъ-эддина въ I томѣ его Исторіи монголовъ есть изображеніе одной тамги: три параллельныя стрѣлы, а подѣ ними лукъ. Стрѣлы не горизонтальны, а лѣвые концы ихъ опущены. Три параллельныя линіи съ такимъ же уклономъ къ лѣвому краю рисунка найдены на одномъ каменномъ памятникѣ въ сѣверо-западной Монголіи. Въ той же части Монголіи встрѣчаются каменные памятники, на которыхъ изображены три лежащихъ одинъ надѣ другимъ оленя; гѣла ихъ у лѣваго края рисунка опущены, у праваго приподняты. Этотъ уклонъ взятъ, по видимому, отъ созвѣздія Оріонъ, въ поясѣ котораго три звѣзды образуютъ линію, лѣвымъ концомъ опущенную.

Три стрѣлы встрѣчаются въ сказкахъ о выборѣ невѣсты. Въ монголо-тибетской сказкѣ Ердени-Хараликъ встрѣчаетъ трехъ дѣвицъ, ѣдущихъ на одной лошади. Ердени-Хараликъ три раза пускаетъ стрѣлу въ ѣдущихъ дѣвицъ. Каждая дѣвица обладаетъ особеннымъ даромъ, какъ и тѣтри, о которыхъ разсказываетъ сойотская сказка объ Ерь-Сару. Образъ трехъ дѣвицъ, сидящихъ на одномъ деревѣ или на одной лошади, могъ быть навѣянъ какимъ-нибудь трехчленнымъ созвѣздіемъ въ родѣ Оріона.

6. О казакъ-киргизскихъ поколѣніяхъ. Стр. 65.

Въ примѣчаніи указано на правило, будто бы существовавшее въ казачьей общинѣ Ермака, топить провинившихся въ недостаткѣ полового воздержанія. Это

я вычиталъ въ одной изъ рукописей, хранившихся въ Румянцовскомъ музеѣ, когда онъ находился въ Петроградѣ; рукопись, кажется, называется „Сибирскій лѣтописецъ“.

9. Джиренте-шешень. Стр. 67.

Въ славянской повѣсти объ Акирѣ Премудромъ фараонъ предъявляетъ къ царю Синагрипу нелѣпную претензію убрать пѣтуха, крикъ котораго будто не даетъ спать жителямъ города фараона. Акирь, явившись къ фараону послемъ отъ Синагрипа, парируетъ эту претензію такой же нелѣпой контръ-претензіей. Люди Акиря избиваютъ кошекъ въ городѣ фараона, потому что ихъ крикъ тревожитъ людей Синагрипа.

На нѣкоторыя отношенія преданія Джиренте къ Акирю я указалъ въ своей статьѣ объ Акирѣ, помѣщенной въ „Этногр. Обзорѣніи“, XXV, 105.

11. Талас-пай мергенъ. Стр. 73.

Сойотская сказка „Ерь-Сару“ начинается сходно съ дюрбютской легендой о Цоросѣ, предкѣ калмыцкихъ князей, признаваемомъ за сына неба (Потанинъ, Ерке. Культъ сына неба въ сѣверной Азіи, 19, 20). Въ сойотской—три дѣвцы сидятъ на деревьяхъ, растущихъ на берегу рѣки; одна изъ нихъ родитъ Ерь-Сару. Въ дюрбютской—три дѣвцы сидятъ на трехъ деревьяхъ; одна изъ нихъ родитъ Цороса. Не слѣдуетъ ли объ сказки, и сойотскую и киргизскую, отнести къ кругу сказаній о сынѣ неба? Въ обоихъ вариантахъ герой отмѣченъ божественной чертой; все, чего онъ пожелаетъ, исполняется; скажетъ коровамъ: дойте, и онѣ сами доятся. Тотъ же даръ приписывается и монгольскому „сыну неба“ Чингисъ-хану (Ерке, 24; ср. въ этомъ собраніи мѣсто на 48 стр.; въ вариантахъ—сѣдло само снимается съ лошади, пища сама варится).

Кромѣ кокчетавскаго варианта записанъ еще другой киргизскій въ Каркаралинскомъ уѣздѣ (каркаралинскія сказки будутъ напечатаны въ Омскѣ); въ этомъ вариантѣ главному лицу дано имя Ерь-Гокше. У Радлова (Рубен, III, помѣщена большая киргизская сказка подъ именемъ Ерь-Гокше, но въ ней никакихъ совпаденій ни съ каркаралинскимъ Ерь-Гокше, ни съ Талас-паемъ нѣтъ; въ сказкѣ Радлова главное лицо не Ерь-Гокше, а Козай, а Ерь-Гокше выставленъ только отцомъ Козая, и ему никакихъ дѣйствій не приписывается. Однако, связь, въ которую каркаралинскій сказочникъ поставилъ имя Ерь-Гокше съ мотивами изъ сказки о Талас-пай, не слѣдуетъ объяснять личнымъ капризомъ сказочника. Въ моей книгѣ „Танг.-тиб. окраина Китая“, II, указаны мотивы (1—узнаніе, прикованный четырьмя цѣпями къ стѣнамъ желѣзной тюрьмы, 2—бой съ противникомъ и пораженіе его въ горло, единственное уязвимое мѣсто на его желѣзномъ тѣлѣ), общіе у сказки Радлова съ монгольской повѣстью о Гэсэрѣ, который также признается за сына неба. На древнюю связь Гэсэра съ Ерь-Гокше указываетъ и то, что это послѣднее имя не чуждо монгольской книжной повѣсти.

Одно киргизское преданіе имя Ерь-Гокше придаетъ предку племени Уакъ; это былъ иноплеменникъ, пріемышъ киргизскаго народа; онъ былъ найденъ, когда былъ ребенкомъ, въ брошенномъ непріятельскомъ лагерѣ спрятаннымъ подъ теплую золу—параллель къ монгольскому преданію о ханѣ Абатаѣ, который ищетъ бога и находитъ его спрятаннымъ подъ цепломъ (Ерке, 110).

15. Мергенъ-Дарши. Стр. 106, строка 20 сверху.

Слова дѣвицъ о томъ, когда онѣ возвратятся домой, возбуждаютъ недоразумѣніе. Не говорится ли это о „дау“? Я не догадался разъяснить на мѣстѣ опросомъ сказочника, какъ понимать это мѣсто.

16. Дѣти Дарьши-Мергена. Стр. 108.

Монголы, какъ сказано въ примѣчаніи, этихъ особо одаренныхъ пять братьевъ видятъ въ созвѣздіи Плеядъ, алтайцы же (Никифоровъ, Аносскій Сборникъ, Омскъ, 1916; см. по указателю)—въ семи звѣздахъ Большой Медвѣдицы.

30. Кранъ-Караншы. Стр. 120.

Мотивъ неуязвимость также содержится въ еврейской легендѣ объ Иегошуа; въ сказкахъ этотъ мотивъ встрѣчается въ трехъ видоизмѣненіяхъ: 1) на тѣлѣ врага есть только одна уязвимая точка, ударъ въ которую причиняетъ ему смерть; 2) уязвимое мѣсто находится не на тѣлѣ враждебнаго существа, а внѣ его; въ русской сказкѣ смерть Кашея находится подъ дубомъ, растущимъ на морскомъ островѣ; въ киргизской сказкѣ о Кранъ-Каракшы смерть дау надо искать подъ деревомъ бай-терекъ; 3) чтобы убить врага, нужно искать не уязвимую точку на его тѣлѣ, а тотъ предметъ въ природѣ, ударъ которымъ единственно можетъ оказаться смертельнымъ. Въ еврейской легендѣ Иегошуа можетъ пострадать только отъ капусты. (См. Ерке, стр. 101, 102).

53. Алдаръ-Косе. Стр. 170.

Въ киргизской сказкѣ обманщикъ боится курту, казы, масла и колючаго кустарника карагайника; въ монгольской сказкѣ объ обманщикѣ Балынъ-Сэнгэ колючаго кустарника боится не Балынъ-Сэнгэ, а встрѣтившіеся ему слуги Ерлика, царя ада (Очерки сз. Монг., IV, 241).

Г. Потанинъ.

Указатель собственныхъ именъ ¹.

Абакъ 57.
Абди-Каримъ 63.
Абегеръ 58.
Аби 144, 145.
Аблай 63; Аблай-Букей (уранъ) 59;
Аблай-ханъ 61, 66, 67.
Абраимъ 58.
Абубекръ 54.
Агысъ (агысевцы) 57, 62.
Адай 57.
Адамъ-бильмесъ 126, 128—132.
Аджи-бай (аджибаевцы) 58.
Аждаха 114 pass.
Азна-бай 58.
Азь (Ась)-Джани-бекъ 67, 70, 171.
Ай-бас-куль 109; Ай-бике 58, 64;
Ай-дабуль 57, 62.
Айт-хожа 62.
Акашѣ 54, 57.

Акъ-бура 57, 62; Акъ-гойлы 57; Акъ-джиланъ 174, 175; Акъ-джоль (уранъ) 58; Акъ-коянъ-то-каль 57; Акъ-мурза 58; Акъ-Софы (Сопы) 56, 57, 61; Акъ-Чапдаръ (уранъ) 58; Акъ-ходжа (кожа) 56, 61.
Ала-Белекъ-канъ 185.
Алану 50, 51.
Алаша (Алача)-ханъ 52, 53, 56, 60, 166, 167.
Алашь (уранъ) 53, 56, 58, 112.
Алда-берли 63.
Алдаръ-Косе 71—73, 169, 170.
Алдіяръ (уранъ) 58.
Алеке 95, 96.
Алеуко-батырь 95—100, 103, 104.
Али-бекъ 63; Али-бий 98—100.
Алике 57.

¹ Составленъ А. Н. Самойловичемъ, который принялъ участіе въ редактированіи сборника. Примѣчаній къ сказкамъ указатель не касается.

Алимъ-Чомень (родъ) 60.
 Алтай 57, 62; Алтай-Бучи 180—184, 186.
 алтайцы 186, 187.
 Алты-аркаръ 117.
 Алтынъ-Белекъ-канъ 185; Алтынъ-гегенъ 185; Алтынъ-Герель 182, 183; Алтынъ-Тору 58; Алтынъ-ханъ 49, 51.
 Алчин-мурза 60; см. Альчинъ-мурза.
 Алысай 57.
 Альде-гунъ 58.
 Альтеке 58, 64.
 Алып-кара-гус (гус) 76, 77, 88 pass.
 Альчинъ, Алчинъ (племя) 57, 58, 61; Альчинъ-мурза (Алчинъ) 55, 56, 59, 167.
 Анай 58.
 Андагуль 63.
 Анесъ 54.
 Арал-бай 57.
 Аранай-Чаранай 180—182.
 Аргынъ (племя), аргыновцы 56—58, 61—63; Аргынъ (уранъ) 58.
 Арка (степь) 55.
 Аркаръ (уранъ) 59.
 Ар-күль 56.
 Асанъ-Амынь 57; Асанъ-Кайгы = Гасанъ-Кайгы 61; Асанъ-койды 170, 171.
 Аскать 188.
 Асы-бай 58.
 Асыл-бекъ 58; Асыл-тай 58.
 Атагай (атагаевцы) 56—58, 63.
 Атам-бекъ 58.
 Аткы 58.
 Аукъ 57.
 Аулие-ата 60.
 Аучжанъ 58.
 Ахмедъ 134, 136, 137; Ахмедъ-патша 120.
 Ахметъ 58.
 Ахтавъ-софы 54.
 Ашекенъ 58.
 Аю 57.
 Баба-Токти-Шашъ-Тазы 99, 101—103.
 Баганалы-Найманъ 61.
 Базаръ-гельди 58; Базаръ-кельди 63.
 Бай-бике 57; Бай-болды 57; Бай-бура 64; Бай-кси 58; Бай-мурза 58; Бай-Назаръ 57; Бай-

тека 63; Бай-Темешъ 63; Бай-Терекъ 88 pass.
 Байдалы 57.
 Балакай 64.
 Балапанъ 58.
 Балдырганды 100.
 Балтаръ 62.
 Балхашъ 66.
 Бабанъ-би 58.
 Барлы-бай (уранъ) 57, 59.
 Басенъ-тинъ (басентиновцы) 56, 57, 59, 61, 62.
 Баспанъ 58.
 Батыр-бекъ 58; Батыръ-канъ 120—124.
 Бахтияръ (уранъ) 58.
 Баянъ-Слу 109.
 Баяшалъ 172.
 Бегазы (гора) 79.
 Бегалы 63.
 Бегендикъ 57, 62.
 Бегимъ 58.
 Беденетай (Буденетей) 47, 50.
 Бельгудей, Боргельтай 47, 50.
 Берди-бекъ 58.
 Беринъ 57.
 Беркутей 181.
 Берътысь 58.
 Бесъ-ата 64, 113; Бесъ-Бошанъ 64.
 Бегегели (мѣстность) 100.
 Богун-бай 58.
 Бодене 58.
 Бодонъчаръ (Буданъчаръ) 49, 50.
 Бопы 63.
 Боорчи (Борши) 57, 62.
 Бори 62.
 Бортекучинъ 51.
 Борши 62 (см. Боорчи).
 Боштай 62.
 Бошанъ 58.
 Буденетей 50 (см. Беденетай).
 Вужи 63.
 Букаръ джирау 64.
 Булатъ 60; Булатъ-мурза (ходжа) 55—57, 59, 61; Булатъ-пай 85—87, 167.
 Булдергенди 100.
 Булеке 57.
 Бурам-бай 58.
 Бурю-бай (уранъ) 58.
 Бухара 61.
 Гасанъ-кайгы (племя)=Асанъ-кайгы 56, 65.

- Гокше 84; см. Ирѣ Гокше.
Госай 84, 85; см. Ирѣ-Косай (Госай).
Гранѣ-каракшы (Кранѣ) 115—120.
Давлетѣ 67.
Дамишь 63.
Дарьши-Мергенѣ 107; см. Мергенѣ-Дарьши.
Даудѣ 56.
Даулей 63.
Демичи-джеренѣ 180—182.
Дештѣ-Кипчакѣ 54.
Джагай-байлы (Джагал-байлы) 57, 60, 61.
Джадыгерѣ 57, 62.
Джаинѣ 57, 114.
Джаке-батырѣ 162—164.
Джалаирѣ 57.
Джалык-пасѣ 58, 64.
Джамши 109.
Джан-айдарѣ 62; Джан-бай 58; Джан-болды 57, 62; Джан-гельди 63; Джан-Козы 62; Джан-мурза 58; Джан-сары 58; Джан-темиръ 58.
Джаналы 137, 138.
Джани-бекѣ 57, 61, 63, 67, 68, 70, 171; Чакчакѣ-Джани-бекѣ 67; Азѣ (Асѣ)-Джани-бекѣ 67, 70, 171.
Джанкѣ 112.
Джанлысѣ 58.
Джанѣ-мурза 58.
Джаппарѣ 58.
Джаппасѣ (Джаббасѣ) 57, 60.
Джауарѣ 58.
Джаугашѣ 62.
Джердженизѣ 180, 181; Джердженисѣ-боко 186; см. Черченизѣ.
Джеренѣ-уле 185.
Джесѣ тарнакѣ 163.
Джети - каракчы (каракшы) 115; Джети - Момынѣ (племя) 56; Джети-руу 61.
Джилдырмасѣ 80, 81.
Джиренше-шешенѣ 67—71, 167—170; Джидели-Байшынѣ (Байсынѣ), мѣстность 56, 61, 171.
Джиды-бай 66.
Джойнекѣ 63.
Джошы 62.
Джузѣ (джүзѣ) 54, 57.
Джумакѣ 62.
Джуманѣ 58.
Джунгарія 63.
Джусанды (мѣстность) 100.
Джусю-бекѣ 58.
Джылк-айдарѣ 58.
Джылкычы-ата 114.
Домбаулѣ (-мергенѣ) 47—49.
Домбралы 109.
Дуинѣ (Дуюнѣ)-Баянѣ, Дуюнѣ 49—51.
Дулатѣ 57, 58.
Дуюнѣ 51; Дуюнѣ-Баянѣ 50 (см. Дуинѣ-Баянѣ).
Дыинѣ-сулу 97, 98.
Елеманѣ 62.
Еркутей 181.
Ерликѣ 183, 184.
Ермекѣ 58.
Ер-Назарѣ.
Ерѣ (Ирѣ)-Тюстюкѣ 85—95.
Есенѣ 62; см. Исенѣ-картѣ.
Есиль (Ишимѣ), рѣка 109.
Ес-пергенѣ 63.
Зада 159—162.
Запура 115, 176—178.
Зенги-баба 114.
Идилѣ (Идыль) 110, 112.
Изенѣ-канѣ (Изинѣ-уланѣ-канѣ) 182, 185.
Или (рѣка) 67.
Имамѣ-баирѣ 54.
Индѣ (рѣка) 112.
индѣйскій царѣ (ханѣ) 105.
Ирели 58.
Иртышь 170.
Ирѣ-Гокше 64, 79, 80, 81, 84; Ирѣ-Косай (Госай) 79—85; Ирѣ-Манасѣ 79; Ирѣ-Тюстюкѣ, см. Ерѣ-Тюстюкѣ.
Иса 58.
Исекѣ-кырганѣ 117.
Исен-бай 58; Исенѣ-картѣ (Есенѣ-Картѣ) 57, 62.
Исимѣ 110—112.
Искандерѣ-ханѣ 165, 166.
Иссыкѣ-куль (озеро) 112.
Истекѣ 112, 113.
Исти 57.
Исѣ-Назарѣ 57.
Ит-болды 57.
Ишимѣ (рѣка) 109; см. Есиль.
Кабаба 54.
Каганакѣ-басѣ 162.

- Кагичарь 49, 50.
 Кадырь-кань 75.
 казакъ (народъ) = казакъ-киргизы
 47, 48, 53, 54, 55 (значеніе
 слова), 56, 59, 60, 63, 112, 113,
 142, 167, 170, 171.
 Казымбетъ 63.
 Каксаль 62; см. Капсаль.
 Какъ-кул'ать 79.
 Калгутонъ (рѣка) 63.
 Калдаръ-бий 50.
 Калкаманъ (калкамановцы) 57, 62.
 Калмак-ша 57.
 Калмакъ 54 (см. Кара-калмак, Куба-
 калмак).
 Калмыкъ 67, 98—100, 103, 118, 167.
 Калча 57.
 Калынъ-аралъ 187.
 Камбаръ 58.
 Кан-гельди 63.
 Канглы 56.
 Канджыгалы (родъ), канджыгалин-
 цы 56—59, 61, 62.
 Канлы 57, 60, 61.
 Канъ-баба 120—126; Канъ-Гереме
 182; Канъ-Джекпей 182—186;
 Канъ-Коурай 184; Канъ-Со-
 рышъ 181, 182, 184—186.
 Капсаль 57; см. Каксаль.
 Каптагай (уранъ) 58.
 Капъ-тау 114.
 Кара 58; Кара-боджоръ 58; Кара-
 бужуръ 63; Кара-гисекъ (ки-
 секъ), каракисеки 57—59, 62;
 Кара-гойлы 57; Кар'джасъ
 (Караджасъ) 58; Кара-калмак
 54; Кара-калпакъ (народъ) 56;
 Кара-кисекъ, каракисеки, ка-
 ракисекинцы 62 (см. Кара-
 гисекъ); Кара-кыпшакъ (кып-
 чакъ) 73, 79, 83—85; Кара-
 ногай (народъ) 59; Кара-сопы
 (софы) 56, 61; Кара-уткуль
 (бродъ) 109; Кара-ходжа (ко-
 жѣ) 56, 57, 61; Кара-чоръ 58;
 Кара-шашъ 69, 70, 168, 169.
 Карабай (Каргысчиль-) 104.
 Карагай-гара 104, 105, 107.
 Каракай (уранъ) 58.
 Караманъ 73, 110—112.
 Каратты-канъ 186.
 Караулъ (родъ), карауловцы (кара-
 улыны) 56—58, 61, 63.
 Карашя 58.
 Каргысчиль-Карабай 104.
 Каркабать (уранъ) 59.
 Каркаралы 109.
 Карлыгачъ (Карылгачъ) 99, 100
 102—104.
 Каршыкъ 57, 62.
 Карсонъ, Кярсунъ 58, 64.
 Картъ 58, 62; см. Исенъ-картъ.
 Карылгачъ (Карлыгачъ) 99, 100, 102—
 104.
 Каръеке 57.
 Каръеке 96.
 Касымъ-бекъ 57.
 Катке 57.
 Катунъ (рѣка) 188.
 Кауанъ 57.
 Келембетъ-софы (см. Кельмембетъ)
 57.
 Кельди-бекъ 58.
 Кельмембетъ (см. Келембетъ) 60.
 Кенгесъ-тѣбе (мѣстность) 102.
 Кендже 63.
 Кенджекей 87, 89, 91.
 Кенджи-гара 57.
 Кердери 57.
 Керей 61 (см. Кирей).
 киргизы 64 (см. кыргызы).
 Кирентъ 57.
 Кирей, Керей (племя) 56—58, 61, 63.
 Кириней, Киреней 58, 64.
 Киши(кши)-джузъ (цусъ) 55, 56, 61,
 167.
 Кійсыкъ 100.
 клытчаровцы 58.
 Кобланды 73, 78, 79, 82—85.
 Кобукты-батыръ 98, 101, 103.
 Кого-Начинъ 181.
 Когъ-эмегенъ 184.
 Кодаръ 100, 102—104.
 Кодаты (рѣка) 187.
 Коджа-бергенъ 58.
 Кожанъ 63.
 Кожюмъ 58.
 Кожанъ-берди 57.
 Козбакъ 57.
 Козганъ 57, 62.
 Козу-гар'атъ 73, 74, 77—79; Козу-
 Курпенъ 109.
 Кой-сары 58.
 Коко-тай 117, 118.
 Конграть (племя), конгратовцы 56,
 57, 61, 63, 67.

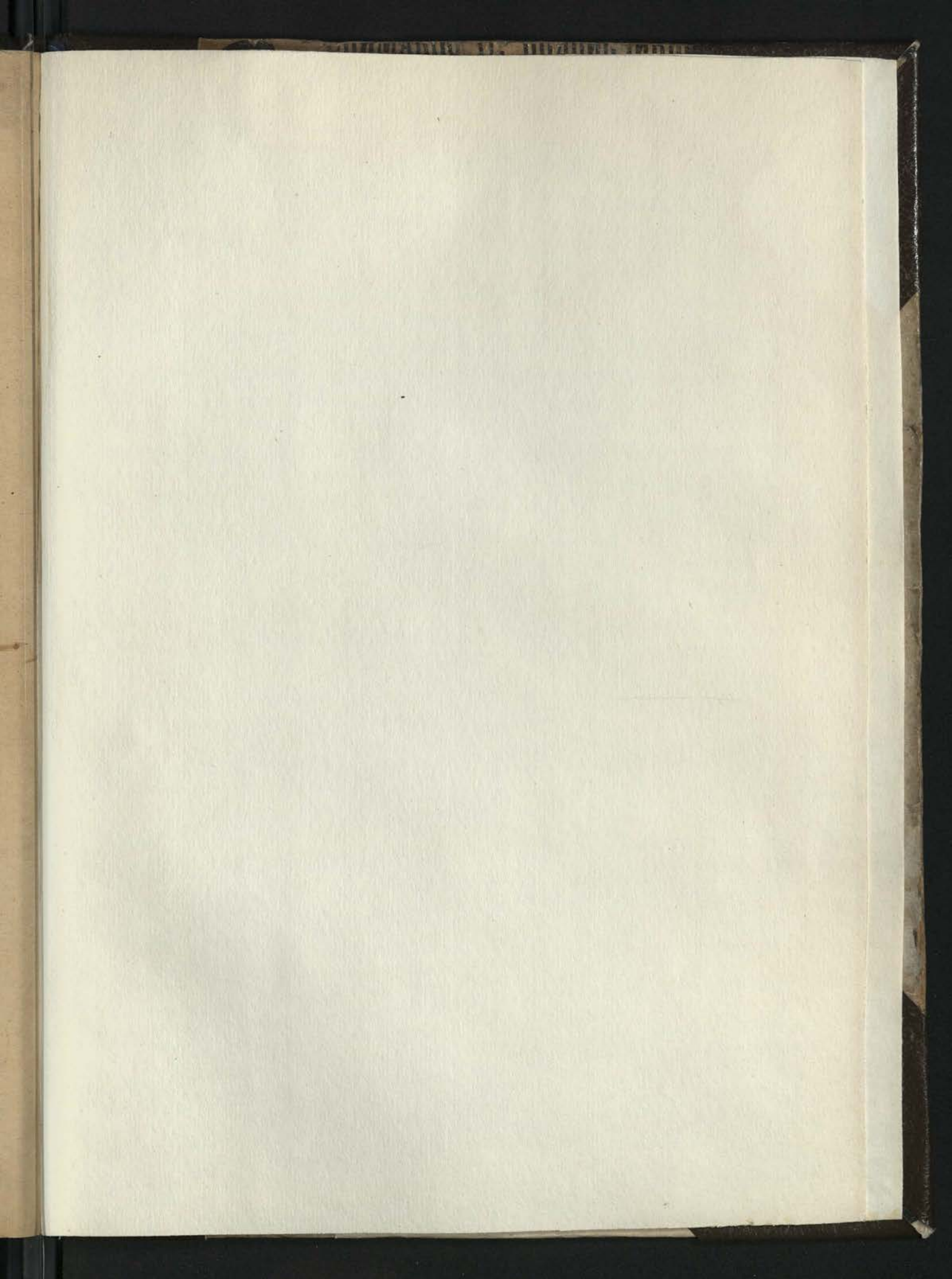
- Конгрои-богатырь 182, 185.
 Конды 58.
 Концо 182.
 Конусъ 58.
 Корь-кечи 188.
 Косагалъ 58.
 Косанъ 57, 62.
 Коске 58.
 Кос-кельди 58.
 Костантинія 156.
 Котанъ-бай 54, 55, 57, 59, 166, 167.
 Кочекъ 58.
 Кочень 88.
 Кочкор-бай 187, 188.
 Кошкоръ 62.
 Коюнъ-уланъ-канъ 185.
 Коянышъ 58.
 Кокъ-карчига-бай 140.
 Копшесъ 134.
 Кранъ 117—120; см. Гранъ-Каракшы.
 Крымъ 54.
 Куандыкъ 57, 58 (другой), 62—64.
 Куба-калмакъ 54.
 Ку-бала 132.
 Кудай-бергенъ 58; Кудай-берди 58.
 Кудели (мѣстность) 100.
 Кудеяръ 58.
 Кудусъ-шагеръ 177.
 Куйсуны 182.
 Кулеке 58.
 Кулекъ 57.
 Кумульты-Чумулы 182, 184.
 Кунем-бай 58.
 Кункеръ (джеръ-канъ) 182, 185.
 Курджу-бай 112.
 Курленъ (рѣка) 50.
 Курлеучъ 51.
 Кутай 184.
 Кучумъ 64.
 Кши-Сентъ 57; Кши-юзъ 61 (см. Киши-джузъ).
 Кызъ-кара 63.
 Кызай-Найманъ 61.
 Кызыль-аякъ (народъ) 56; Кызыль-гуртъ 58.
 Кызыръ 114.
 Кыль-болды (Кул-болды) 57, 62; Кыль-Кенердекъ 162.
 Кыпчакъ (племя) 56—58, 61, 63, 64, 78.
 Кыргызъ (кара-киргизы), племя 56, 63, 112, 187.
 Кыятъ (племя) 49.
 Кярсуны. Карсонъ 58, 64.
 Ле. рѣка 67.
 Маджикъ, Мажикъ 57, 62.
 Майкы (родъ) 58, 64; Майкы. Майкы бий 50, 51, 54, 55, 59.
 Майлы 63; Майлы-тонъ 57, 62.
 Маѣанъ 58.
 Малай 57, 62.
 Малбай 63.
 Маликъ 54.
 Малкаръ 57.
 Мамбегъ 57, 58 (другой).
 Манашъ 63.
 Мейрамъ 62.
 Мень, рч. 188.
 Мергенъ-Дарыши 104—107.
 Мингъ 54.
 Мийрямъ-Софы (Сопы) 56, 57, 61, 62.
 Мокушъ 58.
 Момьнь (Момунъ) 56, 61.
 монголы 54.
 Моюнъ 57.
 Мунтекъ 58.
 Мунчаклы, урочище 109.
 Муратъ 57.
 Мурза-гуль 58.
 Муса-мурза 58.
 Мустафа 58.
 Мухаммедъ (пророкъ) 54.
 Мухитъ 114.
 Мынгнанъ-булекъ батырь 81.
 Назиръ 54; (родъ) 57.
 Найза-бекъ 58.
 Найманъ (племя) 56—58, 61, 63, 64.
 Науанъ 57.
 Ниясъ 58.
 ногайцы (ногаи) 54, 55, 60, 64.
 Нур-бай 57; Нур-бике 58, 64.
 Няс-некъ 58.
 Обанъ 57.
 Ойсулъ-кара 114.
 Оракъ-батырь 99—104.
 Орманча 62 (см. Урманчи).
 Орта джузъ (цусъ) 55, 56, 167.
 Орун-бай 62.
 Оту 58.
 Ошякты 57.
 Оюнъ 58.
 Ошпай (уранъ) 59 (см. Ушпай).
 Писпекъ-бай 57.
 Раим-бекъ 58.
 Рамаданъ (родъ) 60.
 русскіе 142, 167, 186.

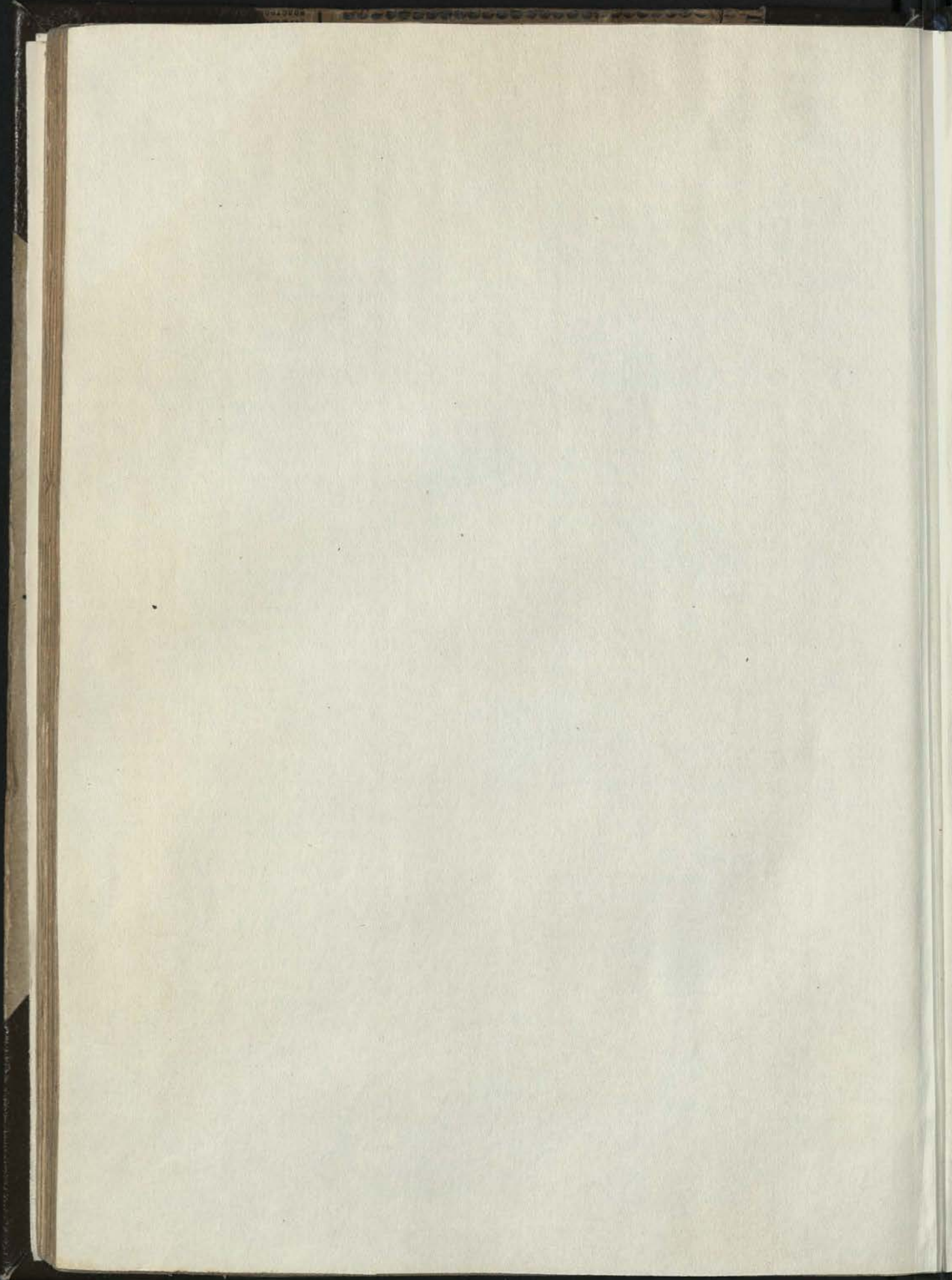
Рустемъ-дастанъ 54
 Сабалакъ 67.
 Садуаръ 159—161.
 Садыръ-Найманъ 61.
 Сайдалы 57.
 Сайтенъ 58.
 Сак-кулакъ 58.
 Салчжугъ 50.
 Самрукъ, Самругъ 114, 121, 122.
 Санджаръ 58.
 Саныр-бекъ 58.
 Сарман-гай 57.
 Сартактай 188.
 сартъ 126—128.
 Сарши 63.
 Сары 57, 58 (другой?); Сары-арка
 (степь) 55; Сары-Баянъ 64;
 Сары-гызъ 57; Сары-софы (со-
 пы) 56, 57, 61.
 Сарыкъ 57.
 Сарымъ 58, 64.
 Сатыб-алды 58; Сатыб-алды Тлеу-
 кинъ 62.
 Сахыръ 118.
 Сентъ 58.
 Сексен-бай 58.
 Сергели 57.
 Согунчи (Сугунушъ) 57, 62.
 Соломонъ (Сулейманъ, Сулеймень)
 113, 115, 176—179.
 Соулгашъ 63.
 Суанъ 57.
 Сугунушъ 62 (см. Согунчи).
 Сулейманъ (Сулеймень) 176—179 (см.
 Соломонъ).
 Суть ак-кӧль 181.
 Сыздыкъ 58.
 Сынчи-Сары-кызъ 105.
 Сыръ (рѣка) 55; Сыръ-дарья (рѣка)
 54, 59.
 Сюндикъ, Сюндукъ (сюндиков-
 цы) 57, 59, 62, 68.
 Таба 144, 145.
 Табынъ (родъ) 56, 57, 60.
 Тагай 58.
 Таганатай 50 (см. Тарбагатай).
 Тай-бурьль 79.
 Тайджанъ 58.
 Талас-пай мергенъ 73—80.
 Тама 56, 57, 60, 61.
 Танасъ 58.
 Танатъ 58.
 Тангри-бергенъ 49, 50.

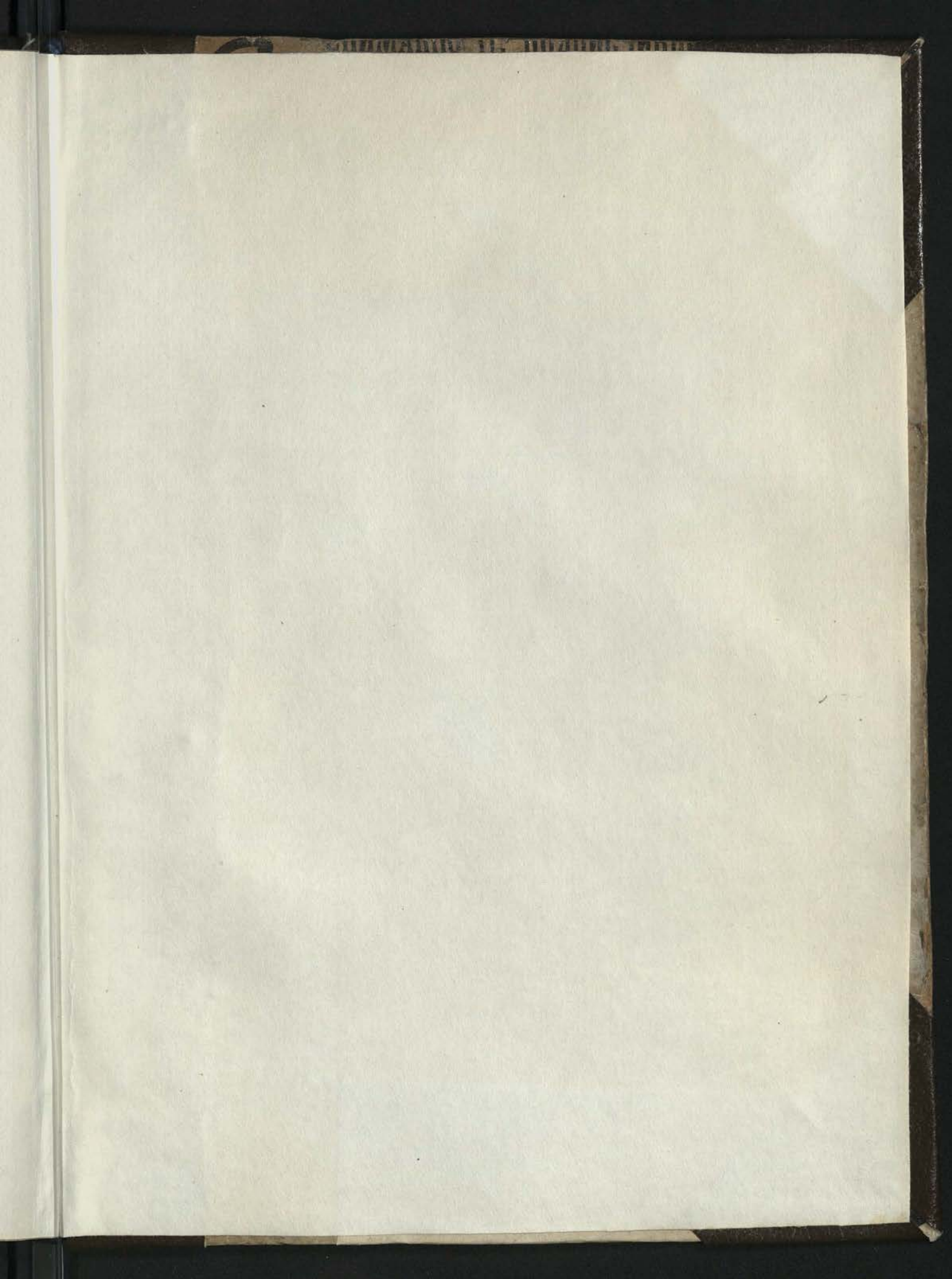
Тантакай 58.
 Таразы 115.
 Таракты 56, 57, 62.
 Таракъ 57.
 Тарбагатай (Таганатай) 47, 50.
 Таргалтай (Таргылтай) 47, 50.
 татары 167.
 Тау-асаръ 58.
 Телеу, см. Тлевъ.
 Темене-ко 181.
 Темиръ-гендикъ 142, 143.
 Темишъ (Темешъ) 57, 62, 64.
 Тенбисъ-Сопы 61 (см. Тянбисъ-
 софы).
 Тенгиръ-берьди 57.
 Тенели 58.
 Тентекъ 58.
 Теньалы 57.
 Тлевъ, Тлеу, Телеу (родъ) 56, 57, 60.
 Тлеукинъ 62 (см. Сатыб-алды).
 Тни-бекъ 62 (см. Тяни-бекъ).
 Тобукты (родъ) 56, 57, 61, 62.
 Тобулгалы (мѣстность) 100.
 Тока (Тюке) 57, 62.
 Токай 63.
 Токѡ 57.
 Токпай-бай 89.
 Токпакъ жалды 100.
 Токкрау 49, 51, 53, 100, 109.
 Токтамысь 57; см. Токтамышъ.
 Токтамышъ 55, 60; см. Токтамысь.
 Токтасъ 63.
 Токтауль 58, 62.
 Толдой 187.
 Толубай (уранъ) 56, 57, 59.
 торгоутъ (племя) 47, 54.
 Тортоуль (племя и уранъ) 57, 59,
 68.
 Троналы 58.
 Тузагашъ 187, 188.
 Тулекъ 57.
 Туленгутъ 64.
 Тулпаръ 57, 62.
 Турду-бекъ 58.
 Туркестанъ (городъ) 54, 59, 166.
 турки (түрклер), турецкій 54, 55.
 Турсун-бай 62.
 Тюбетъ 63.
 Тюке (Тока) 57, 62.
 Тюлегонъ 63.
 Тянбисъ-софы (Тенбисъ-Сопы) 56,
 57, 61.
 Тяни-бекъ (Тни-бекъ) 57, 62.

- Тяты 58.
Уакъ 56, 57, 64 (см. Уокъ).
Узбеки 54, 57.
узы (народъ) 54.
Уйбасъ (уранъ) 58.
Уймаутъ (племя) 54.
Уйсунъ (Уйсунь), Уйсунъ-батырь 59,
60, 167 (см. Юсунъ-батырь).
Уку-бай 58.
Улу-джузъ (цусъ, юзь) 55, 56, 60
167; Улу-тау (горы) 60.
Ульконъ-Сеитъ 57.
Ульмисъ-ханъ 92.
Ульпульдекъ 115.
Уокъ, Уакъ, уш-уокъ (племя) 54,
56—58, 61, 63, 64.
Уразъ 57, 63; Уразъ-гельди (кельди)
57, 58, 62.
Урда-бай 58.
Уркъръ 115, 116.
Урманбетъ 54, 55.
Урманчи (Орманча) 57, 62.
Утегуль 63.
Утемисъ 58.
Утеу 63.
Учъ-Аркаръ 117.
Ушпай, Ошпай (уранъ) 58, 59.
уш-уокъ (племя) 54 (см. Уокъ).
Хамбаръ 58.
Харафа 105, 106.
Хасень-ханъ 61.
Хусанъ 62.
Чакчакъ 61 (см. Шакшякъ); Чак-
чакъ-Джани-бекъ.
Чанчаръ (см. Санджаръ) 64.
Чаншклы 60 (см. Шаншклы).
Чапрашты 57.
Чегендикъ 57, 62.
Чегеръ (Чегиръ) 57, 62.
Чекти (см. Эки чекти) 61.
Чек-чекъ-ата 114.
Чемала, рѣка 188.
Черченизъ (Джердженизъ) 180—182,
184, 186.
Чечже-зайсанъ 185.
Чибить, мѣстность 188.
Чикасыкъ 105, 107.
Чингисъ-ханъ (Чинъ-кызы-ханъ) 47—
52, 54.
Чолакъ 57.
Чолпанъ (Шолпанъ), звѣзда 115,
117, 131.
Чопанъ-ата 114.
Чорманъ 58.
Чоюнъ (Шоюнъ)-гулакъ 92, 93.
Чубуртпалы 62 (см. Шюбуртпалы).
Чулень 57.
Чуманакъ 62 (см. Шѣмонакъ).
Чумулты 184; см. Кумулты.
Чунгуль 63.
Чюжѣ 112, 113.
чюрчют 67.
Шакшакъ (Чакчакъ) 57, 61.
Шаль-гуйрукъ 87, 89, 91, 92.
Шаншклы (Чаншклы) 56, 57, 60.
Шаръшитымъ (Шаръ-Джетимъ) 57,
61.
Шва-сокуръ 49 (см. Шяба-сокуръ).
Ши-бутъ 162.
Шиверта 187.
Шийли (мѣстность) 100.
Шортанъ-бай 112, 113.
Шоюнъ-гулакъ 93 (см. Чоюнъ-гу-
лакъ).
Шѣмбы 58.
Шѣмонакъ (Чуманакъ) 57, 62.
Шюбуртбалы (Чубуртпалы) 58, 62.
Шяба-сокуръ (Шва-сокуръ) 49.
Эдиге 55, 60.
Эдиль-Джебиль 180; Эдиль-Коджилъ
180.
Эки-чекти-аргынъ (племя) 56, 57.
Эльдентъ-Чалданъ 180.
Эрке-буланъ 58.
Эръ-джанъ 58.
Эсеркенъ 58.
Юсунъ (племя) = Уйсунъ 57, 58, 60,
67, 167; Юсунъ (Уйсунъ)-ба-
тырь 55, 56, 59.









Ордынский изъ журнала „Живая Старина“ за 1916 г. — № 902.

Напечатано по распоряженію Русскаго Географическаго Общества.

5 к.